

de visu

8'93

ежемесячный
историко-
литературный
и библиографический
журнал

de visu 8(9)'93

ежемесячный
историко-литературный
и библиографический
журнал

- ПУБЛИКАЦИИ И РЕПУБЛИКАЦИИ 5 К истории одной дружбы.
В.С.Соловьев и кн. С.Н.Трубецкой
И.В.Борисова, М.А.Колеров, А.А.Носов
- 24 Из ранней верленианы
Валерия Брюсова
С.И.Гиндин
- СТАТЬИ 50 *Е.Толстая*
«Вдохновенный дидакт»
и «симпатичный талант»
Аким Волынский о Чехове
- БИБЛИОГРАФИЯ 65 *Л.М.Турчинский*
Русские поэты XX века.
1900-1955
- ОБЗОРЫ 81 Книги. Журналы. Газеты
Корректуры и рукописи
- ХРОНИКА 96
- ПОСЛЕ ВСЕГО 101

Журнал редактируют:
Александр Галушкин и Александр Розенштром

Над номером работали:
Юрий Бин, Блена Дворецкая,
Юлия Дронова,
Андрей Лебедев (Париж), Сергей Путилов

Оформление:
Татьяна Чернова

При перепечатке ссылка на «De Visu» обязательна
Рукописи не рецензируются, но возвращаются

С №4(5) журнал издается при поддержке
Союза учредителей фондов немецкой науки (Эссен)
Stifterverband der deutschen Wissenschaft (Essen)

Писать по адресу:
Россия, 117437, Москва,
ул. Островитянова, 19 — 139.

Телефоны: 289-63-08, 335-28-84

Подписку за рубежом осуществляет
Татьяна Tchernova:
P.O. Box 1641
New York, NY 10159-1641, USA

ЛР № 070205 от 22.10.91
Формат 60x84 1/8 Печать офсетная
Заказ 4707 Тираж 1000 Печ. л. 13
Отпечатано в Производственно-издательском
комбинате ВИНТИ
140010, Люберцы, Октябрьский пр. 403

Ежемесячный историко-литературный и библиографический журнал «De Visu» посвящен русской литературе конца XIX — первой трети XX вв. (от зарождения символизма до торжества социалистического реализма).

В каждом номере:

- Публикации и републикации неизвестных и забытых текстов русской литературы 1890-1930-х гг.*
- Статьи и исследования, посвященные литературе этого периода.*
- Книжные обзоры и рецензии*
- Ретроспективная библиография (указатели содержания журналов, тематическая библиография, Personalia и др.)*
- Текущая библиография (аннотированные тематические указатели книг, публикаций в журналах и газетах, посвященных русской литературе 1890-1930-х гг.)*
- Хроника научной жизни.*

К истории одной дружбы

В.С.Соловьев и кн. С.Н.Трубецкой
Новые материалы

В середине XIX в. «русская мысль», представленная как западниками, так и славянофилами, «рассаживалась» на одном диване; полстолетия спустя «русская философия» разместилась на четырех стульях: запечатленные фотографом В.С.Соловьев, кн. С.Н.Трубецкой, Н.Я.Грот и Л.М.Лопатин¹ по праву должны быть названы отцами-основателями того культурного явления, которое теперь принято называть «русская философия XX века» (хотя их личная биография и хронологически и «типологически» принадлежит веку XIX-му)². Оригинальные мыслители и философы существовали в России и раньше, и вопрос «откуда есть пошла русская философия» в плане теоретическом может увлекать любителей подобного рода дискурса³. Философы были; не было собственно «философии» — как оформленного научного сообщества, как «школы» со всеми присущими атрибутами⁴. Российские университеты, в отличие от европейских, не образовали сколько-нибудь влиятельных философских центров — всяческие «культурные инициативы» исходили обыкновенно из узкого дружеского кружка, собиравшегося за «обеденным» столом, и не являлась исключением «философия».

Если подойти к истории русской философии с точки зрения ее организационного оформления, то время ее рождения можно указать достаточно точно: осень 1886 г. Появившийся в Москве в начале октября В.С.Соловьев с удивлением и воодушевлением писал своему приятелю кн. Д.Н.Цертелеву: «Вернувшись из-за границы, я нашел в Москве целую философскую плантацию, главный экземпляр коей, Н.Я.Грот, явился ко мне знакомиться»⁵. Недавно переведенный из Одессы, Н.Я.Грот взял на себя функции собирания наличных, но разрозненных философских сил и был как «экземпляр», так и возделывателем московской «философской плантации», на которой в течение трех десятилетий мощно прорастали все новые и новые «экземпляры»⁶.

В том же октябре в Москву наведалься новоиспеченный приват-доцент ярославского Демидовского лица кн. Е.Н.Трубецкой. В очередной табельный день — в среду 29 октября — он посетил лопатинский особняк в Гагаринском переулке⁷, где неожиданно застал «целый философский собор» и познакомился с В.С.Соловьевым⁸. Знакомство с В.С.Соловьевым было желаемо братьями Евгением и Сергеем Трубец-

кими уже давно. «Для меня непостижимо, как это в течение всех наших университетских годов случай не свел нас с Соловьевым, — вспоминал Е.Н.Трубецкой в 1919 г. — Во всяком случае на ход нашего развития он оказал сильное влияние. Мы доставали номера «Православн<ого> Обозрения», где печатались его «Чтения о Богочеловечестве»; тетушки, у которых мы жили в Москве, получали «Русь» Аксакова, и мы с жадностью набрасывались на появлявшиеся там одна за другой части «Великого спора». Поворот Соловьева к католицизму <...> был для нас громовым ударом. Мы болезненно переживали возникший вследствие этого поворота раскол в славянофильском лагере. <...> Но тем не менее Соловьев оставался для нас тем центром, из которого исходили все умственные задачи, философские и религиозные; от него же исходили важнейшие для нашего умственного развития толчки»⁹.

Закономерно, что первая же встреча Е.Н.Трубецкого с Соловьевым превратилась в выяснение «болезненного» для обоих братьев вопроса об объединении церковью; как видно из публикуемого ниже письма, С.Н.Трубецкой во время своей, очевидно также первой, встречи с Соловьевым как бы продолжил начатый братом спор. Однако, несмотря на проявившиеся различия во взглядах, творческая биография братьев-философов с первых же встреч оказалась тесно связанной с Соловьевым. И если для Е.Н.Трубецкого, проведшего 1890-е гг. вдаль от Москвы, отношения с Соловьевым развивались более в теоретическом плане¹⁰, у Сергея Николаевича творческое сотрудничество с Соловьевым быстро переросло в тесную дружбу.

В.В.Розанов проницательно отметил присутствие у Соловьева «какого-то «томления духа» по человеку», заставлявшее его, подобно открывателю новых земель Генриху Мореплавателю, постоянно знакомиться с новыми людьми¹¹. В 1890-е гг. это «томление» было особенно понятно: друзья молодых лет уходили — кто в мир иной, кто в стан идейных противников¹². За обедами же у М.М.Стасюлевича или в гостях у А.Н.Пыпина, как и на страницах их уважаемого журнала, разве что «в шуточных стихах» можно было поведать «о самом значительном» из того, что случилось в жизни¹³. Московские философы, более расположенные к спиритуализму, относились к занимавшим Соловьева религиозно-церковным вопросам вряд ли более заинтересованно, нежели «невские скептики»¹⁴.

Пожалуй, единственным другом-единомышленником в эти годы был для Соловьева С.Н.Трубецкой; обнаружившиеся при первом знакомстве разногласия сгладились довольно быстро — причем в результате взаимного сближения позиций: Соловьев постепенно охладевал к теократии, а С.Н.Трубецкой, не без влияния старшего друга, вскоре вполне мог использовать заглавие собственной статьи о К.Н.Леонтьеве в качестве автохарактеристики¹⁵. Как философ и публицист, С.Н.Трубецкой уверенно «пророс» на московской «философской плантации», и в особенном покровительстве со стороны «старших» не нуждался; однако дружеское участие в его творческой судьбе Соловьева несомненно способствовало быстрому росту научного и общественного авторитета молодого ученого. Помимо печатного отзыва на его магистерское сочинение «Метафизика в древней Греции»¹⁶, Соловьев уже в 1889 г. отозвался о нем как о «многообещающем писателе» на страницах «Вестника Европы»¹⁷, а затем настойчиво содействовал появлению работ своего нового товарища в этом влиятельном журнале¹⁸.

В доме С.Н.Трубецкого Соловьев начал бывать регулярно по крайней мере с лета 1889 г.¹⁹ В 1893 г. они вместе некоторое время живут за границей²⁰; у Трубецких в присутствии Л.М.Лопатина и Н.В.Давыдова Соловьев прочел (очевидно, впервые) один из диалогов «Трех разговоров»²¹. Позднее, к концу 1890-х гг., их особенно соединяет общее дело — перевод творений Платона, который был продолжен С.Н.Трубецким после смерти Соловьева, но также не доведен до конца²². К С.Н.Трубецкому Соловьев приехал последний раз вечером 15 июля 1900 г. — умирать. «Он ни за что не соглашался отложить до следующего дня посещения Трубецкого и наконец объявил, что <...> он отправится один, — вспоминал Н.В.Давыдов, сопровождавший Соловьева в этой последней поездке. — Он повторял упорно только одно: «Я должен нынче быть у Трубецкого»»²³. Жена С.Н.Трубецкого, Прасковья Владимировна, была убеждена, что упорное стремление Соловьева приехать именно к ним вызвано было неосознаваемым предчувствием смерти²⁴.

История личных и творческих взаимоотношений друзей-философов все еще остается ненаписанной; их переписка, очевидно весьма интенсивная, практически не выявлена. В нашем распоряжении имеется лишь черновой вариант первого (или одного из первых) писем С.Н.Трубецкого к Соловьеву — по существу самостоятельная работа, полемизирующая с теократическими идеями Соловьева, особенно увлекавшими его в 1887-1888 гг. (время завершения «Истории и будущности теократии» и работы над «La Russie et l'Eglise universelle»). Это письмо, особенно в сопоставлении с письмом Е.Н.Трубецкого (см. примеч. 8), свидетельствует, что именно в братьях Трубецких Соловьев встретил заинтересованных оппонентов своим идеям. Письма В.С.Соловьева к С.Н.Трубецкому открывают новые страницы, повествующие о напряженной работе всех четверых друзей по организационному оформлению «русской философии конца XIX века». К письмам В.С.Соловьева в фонде С.Н.Трубецкого присоединены и иронические

тезисы философа об А.И.Введенском. Они не при- мыкают непосредственно ни к одному из документов. Подобно известному стихотворению «Левон, ты феномен...»²⁵, эти тезисы служат документом дружеского сотворчества московских философов и не только тематически, но психологически принадлежат к духовному контексту публикуемых писем в целом.

Письмо С.Н.Трубецкого печатается по автографу: ГАРФ, ф.1093, оп.1, ед.хр.117. Письма В.С.Соловьева — по автографам: ОПИ ГИМ, ф.98, ед.хр.3, л.68-70 (письмо 2); ед.хр.3, л.65, ед.хр.7, л.86-88 (письмо 3); ед.хр.3, л.66-67 (письмо 4); ед.хр.7, л.89-90 («Пояснительные тезисы...»).

В примечаниях к вступительной статье и письмам приняты следующие сокращения:

ВЕ — журнал «Вестник Европы»

ВФП — журнал «Вопросы философии и психологии»

Лукьянов (с указанием выпуска) — Лукьянов С.М. О Вл.С.Соловьеве в его молодые годы. Пг., 1916. Вып.1; Пг., 1918. Вып.2; Пг., 1921. Вып.3 (1) [факсимильное воспроизведение: М., 1990]; М., 1990. Вып.3 (2).

Письма (с указанием тома) — Письма Владимира Сергеевича Соловьева. СПб., 1908. Т.1; СПб., 1909. Т.2; СПб., 1911. Т.3; Пг., 1923. [Т.4].

1. Известное фото Шерера, Набогльца и К^о, сделанное в Москве, в начале 1890-х гг. (ГЛМ). Воспроизведено в различных изданиях, см., напр.: Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1988. Т.2; 2-е изд.: М., 1988 (между с.160 и 161); Соловьев В. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М.: Книга, 1990. С.18.

2. Н.Я.Грот скончался в 1899 г., В.С.Соловьев — в 1900-м, С.Н.Трубецкой — в 1905-м, Л.М.Лопатин — в 1920-м; по воспитанию, образованию и культурному поведению все четверо — «типичные представители» (по-другому просто не скажешь) минувшего столетия.

3. См., напр.: Мальчевский Н.П. К истории русской философии // Логос: Санкт-Петербургские чтения по философии культуры: Российский духовный опыт. СПб., 1992. Кн.2. С.3-21.

4. Первая попытка организовать философское общество в России состоялась в доме Ф.Г.Тернера в 1879 г.; в «инициативную группу» входили Н.Н.Страхов, Д.Н.Цертелев, Т.И.Филиппов, А.А.Киреев, Вл.Соловьев (см.: Тернер Ф.Г. Воспоминания жизни. СПб., 1911. [Ч.2]. С.99; а также: Переписка Л.Н.Толстого и Н.Н.Страхова. СПб., 1914. С.217; Радлов Э.Л. Голоса из невидимых стран // Дела и дни. 1920. Кн.1. С.190). Однако устав общества не был утвержден министром народного просвещения (подробнее см.: Лукьянов. Вып. 3(2) С.259-261). В 1888 г. редакция газеты «Новости» предложила своим читателям ответить на вопрос: «Существует ли в современном русском обществе какое-либо философское течение или, по крайней мере, склонность к серьезному философскому мышлению?» Обзор чита-

тельских откликов подводил обозревателя к отрицательному ответу (см.: Модестов В. О философии // Новости и Биржевая газета. 1888. 18 декабря).

5. Письмо Д.Н.Цертелеву от октября 1886 г. // Письма. Т.2. С.255. Ср. письмо к Франциску Рачкому от 22 октября 1886 г. // Там же. Т.1. С.169-170.

6. Н.Я.Грот был организатором и первым редактором журнала «Вопросы философии и психологии», в котором В.С.Соловьев, С.Н.Трубецкой и Л.М.Лопатин принимали ближайшее участие с первых номеров (двое последних некоторое время совместно редактировали журнал), вдохновителем московского Психологического общества, которое до занятия Гротом поста председателя 24 января 1888 г. фактически не действовало (см.: Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей. СПб., 1911. С.44). Заслуги Грота «в деле распространения философского образования в России» отмечал В.С.Соловьев в некрологической заметке: Н.Я.Грот // Соловьев В.С. Собр. соч. в 8 т. СПб., б/г. Т.8. С.446. См. его же: Три характеристики: М.М.Троицкий. — Н.Я.Грот. — П.Д.Юркевич // Там же. С.420-421.

Основанный Гротом журнал, хотя и числился при Московском университете (что было необходимо для избавления от предварительной цензуры — см. цитированное в примеч. 5 письмо Д.Н.Цертелеву), финансировался из независимых источников. В ноябре 1891 г. К.П.Победоносцев жаловался Александру III: «В Москве же развелись ныне либеральные богачи — купцы и купчихи, поддерживающие капиталом <...> журналы вредного направления. <...> Так, купец Абрикосов (конфетное заведение) поддерживает журнал «Вопросы философии и психологии», служащий ареною для Соловьева и отчасти для Толстого» (Письма Победоносцева к Александру III. М., 1926. Т.2. С.253).

7. Лопатины жили в деревянном домике на углу Хрущевского и Гагаринского переулков. Дом, отмечавшийся уже дореволюционными путеводителями по Москве (см.: По Москве: Прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям. М., 1917. С.340), сохранился до наших дней (см. о нем: Егорьева Е. Особняк на Гагаринском // Декоративное искусство. 1987. №7. С.34-37; Басманов А. Особняк с тайной дверью. М., 1981). О кружке, собиравшемся в 1880-е гг. у Лопатиных, подробнее см.: Трубецкой Е.Н. Воспоминания. София, 1921. С.180-185.

8. Письмо Е.Н.Трубецкого к С.Н.Трубецкому от 4 ноября 1886 г. // ГАРФ, ф.1093, оп.1, ед.хр.114, л.12-17. Многостраничное письмо, содержащее подробное изложение состоявшейся дискуссии с Соловьевым, в значительной части опубликовано (см.: Вестник РХД. 1988. №152. С.245-250). Данная публикация, однако, была выполнена не по автографу, а по авторизованной машинописной копии, хранящейся в архиве М.К.Морозовой (РГБ, ф.171, карт.1, ед.хр.4), изготовленной автором для

С.М.Лукьянова в 1915 г. (см.: Лукьянов. Вып. 3(2). С.248, а также: Трубецкой Е.Н. Воспоминания. С.191). В этой копии автором были опущены начало и окончание письма, не относящиеся к упомянутой дискуссии. Однако имеющаяся в автографе фраза: «Вчера приехал сюда (в Ярославль. — А.Н.) <...> и прямо из вагона читал лекцию <...>» — позволяет установить точную дату первой встречи Е.Н.Трубецкого с Соловьевым: лекции в Лицее читались по понедельникам (см.: Трубецкой Е.Н. Указ. соч. С.180), следовательно, предшествующая «лопатинская среда» приходилась на 29 октября. Исключенное в упомянутой публикации начало письма, ввиду его важности с точки зрения интересующей нас темы, приводим здесь полностью:

«Письмо твое давно ждало меня в Ярославле. Прочтя его, я чрезвычайно обрадовался, видя, что ты отказался от мысли защищать свое сочинение о Софии; мы много говорили об этом с Лопатиным и Соловьевым (с которым я познакомился и очень сошелся), *все в один голос согласны*, что это было бы безумием. Если даже ты и мог бы справиться с такими противниками, как Грот (Грот, несмотря на свою бессодержательность, говорят, очень ловкий человек, хороший оратор и лектор, т<о> е<сть> по форме), то публичный спор с такими людьми, как Лопатин, совсем *неуместен*; нам место споров у себя на дому; мы не должны являться перед публикой со своими разногласиями: в какое бы положение поставил ты Лопатина, заставляя его возражать против твоих *основных положений* (у вас разногласия в коренном вопросе о вере и знании). Впрочем, он не греше раз à un converti*, и все это я тебе сообщаю, чтобы сказать тебе только, к какому пришел согласию наш философский собор (у нас эти дни был действительно собор, в котором только тебя недоставало). Я чрезвычайно жалел о том, что не предупредил тебя о своем приезде сюда, но это сделалось экспромтом, неожиданно для меня самого. <...> Это время в Москве для меня даром не пропало: лучше провести время я ожидать не мог: наговорился столько, сколько и за год не всегда случится».

9. Трубецкой Е.Н. Указ. соч. С.191.

10. В начале 1890-х гг. Е.Н.Трубецкой из Ярославля перевелся в Университет в Киеве и переселился в Москву только после смерти брата, С.Н.Трубецкого, в 1905 г. В своих воспоминаниях Е.Н.Трубецкой не уточняет, где и при каких обстоятельствах происходили их встречи с Соловьевым, хотя и упоминает о частых разговорах с ним (см. также главу «Личность В.С.Соловьева» в кн.: Трубецкой Е.Н. Миросозерцание Вл. С. Соловьева. М.: Путь, 1913. Т.1). Возможно, Соловьев навещал Е.Н.Трубецкого в Ярославле, куда ездил 12 января 1888 г. (см. письмо к матери от 2 января 1888 г. // Письма. Т.2. С.58; а также письмо М.М.Стасюлевичу из Ярославля от 12 января 1888 г. // Соловьев Вл. Письма. [Т.4]. С.33). Спор, начатый 29 октября

* Не учил ученого (фр.)

1886 г., Е.Н.Трубецкой продолжал на протяжении всей жизни: в этом отношении показательна реакция А.Ф.Лосева на упомянутый труд о Соловьеве: «Нам представляется, что при всей личной дружбе этих двух мыслителей Е.Н.Трубецкой наибольшей частью даже не соловьевец, но активный и часто непобедимый его противник» (Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 1990. С.579).

11. Розанов В.В. Из старых писем // Золотое руно. 1907. №2. С.54.

12. В 1888 г. началась полемика Соловьева с Н.Н.Страховым, закончившаяся разрывом с этим последним из друзей его юных лет. Настроения Соловьева 1890-х гг. отразились в таких стихотворениях, как «С новым годом (1 января 1894)» («Новый год встречают новые могилы / Тесен для былого новой жизни круг...»), «Отшедшим» («Едва покинул я житейское волнение, / Отшедшие друзья уж собрались толпой...»), «Лишь только тень живых, мелькнувши, исчезает...» и др.

13. См. авторское примечание к поэме «Три свидания» // Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. (Библиотека поэта. Большая серия). С.132. Впервые: ВЕ. 1898. №11.

14. О взаимоотношениях внутри «московской философии» см. приведенный в примеч. 8 фрагмент письма Е.Н.Трубецкого брату; о разномыслии Соловьева с московскими философами пишет также С.М.Соловьев (Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель, 1977. С.291-292). О яростных спорах Соловьева с другом детства Л.М.Лопатиным вспоминает сестра последнего (см.: Ельцова К. [Лопатина Е.М.]. Сны нездешние (К двадцатипятилетию кончины В.С.Соловьева) // Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991. С.146).

Любопытные сведения об отношениях Лопатина и Соловьева содержатся в письме Е.Н.Трубецкого к вдове брата, кн. Прасковье Владимировне Трубецкой, написанном в разгар полемики с Лопатиным по поводу книги «Миросозерцание В.С.Соловьева». Так, Е.Н.Трубецкой писал, что Соловьев называл Лопатина «ангелом лаодикийской церкви» (Откр., 3: 14-19: «...Ты ни холоден, ни горяч...»). Упрекая Лопатина в эгоизме и неспособности к дружбе, Е.Н.Трубецкой в ответ на просьбы невестки отнестись к Лопатину с учетом прошлых отношений, писал: «Вот и пойми, почему я не могу и не должен с ним объясняться: основной причины моего негодования, той, которая в свое время вызывала негодование на этого “друга” Соловьева — я ему высказать не могу» (ГАРФ, ф.1093, оп.1, ед.хр.133, л.6 об.)

15. Трубецкой С.Н. Разочарованный славянофил // ВЕ. 1892. №10. Статья появилась в журнале «с подачи» Соловьева: «...Вот пока превосходная статья моего приятеля кн. С.Н.Трубецкого (доцента философии Московского Университета). Я уверен, что она Вам понравится» (письмо к М.М.Стасюлевичу от 6 сентября 1892 г. // Письма. Т.4. С.59-60). В тот же день Соловьев писал К.К.Арсеньеву: «Посылаю Михаилу Матвеевичу прекрасную статью о Леонтьеве

князя Трубецкого под заглавием: “Разочарованный славянофил”» (Письма. Т.2. С.81). Отход С.Н.Трубецкого от славянофильских увлечений молодых лет под влиянием Соловьева, знакомства с Гарнаком и изучения церковного вопроса отмечает О.Н.Трубецкая (Князь С.Н.Трубецкой: Воспоминания сестры. Нью-Йорк, 1953. С.38).

16. Русское обозрение. 1890. №6.

17. Соловьев В.С. Славянофильство и его вырождение // ВЕ. 1889. №12. С.795. Отзыв был вызван статьей «О природе человеческого сознания» (ВФП. 1889. №1).

18. См. примеч. 15 и публикуемое ниже письмо 2 и примеч. 2 к нему.

Репутация «Вестника Европы» в те годы была весьма высока, и появление на его страницах приносило широкую известность. Так, В.В.Розанов следующим образом объясняет неуспех Н.Н.Страхова в его полемике с Соловьевым в 1888-1889 гг.: «Страхов писал в “Русском Вестнике”, который никто не читал, а Соловьев — в “Вестнике Европы”, который был у каждого профессора и у каждого чиновника на столе» (Розанов В.В. Литературные изгнанники. СПб., 1913. С.130).

19. См.: Панютина А. Последние дни Владимира Соловьева // Возрождение (Париж). 1926. 27 февраля. Дружеский круг «московской философии» сложился уже к концу 1887 г.: «Наше субботнее пиришество прошло довольно скучно, несмотря на добросовестные усилия милого Трубецкого. Пьяны были только братья Лопатины» (письмо В.С.Соловьева к брату М.С.Соловьеву от 30 декабря 1887 г. // Письма. Т.4. С.114).

20. «С чего ты взял, что мы с Трубецким жуируем. Мы даже осатанели над книгами, а пить — пьем только яблочный квас, он так даже и молоко» (письмо Н.Я.Гроту из Динара от 16/28 октября 1893 г. // Письма. Т.1. С.79). А.Панютина также пишет о совместном путешествии семьи Трубецких и Соловьева по Финляндии (см. указ. соч.) — это могло быть летом 1895 или 1896 г.

21. Давыдов Н.В. Из воспоминаний о В.С.Соловьеве // Книга о Владимире Соловьеве. С.288.

22. Творения Платона. М., 1903. Т.2. Предисловие было написано С.Н.Трубецким; в книгу вошли переводы В.С.Соловьева, М.С.Соловьева и С.Н.Трубецкого. Первый том «Творений» Платона в переводах В.С.Соловьева вышел в 1899 г.

23. Давыдов Н.В. Указ. соч. С.290.

24. Там же. С.291. А.Панютина вспоминает, что однажды Соловьев сидел в гостиной дома Трубецких вместе с автором воспоминаний и кн. Прасковьей Владимировной, и вдруг неожиданно произнес: «А я приеду к вам умирать» (Указ. соч.)

25. Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. С.170.

1. Трубецкой — Соловьеву

<Последние числа марта — начало апреля 1887 г.>¹

Мы расстались сильно поспорив, и что еще хуже, не доспорив. Я сказал Вам свое мнение и замолчал, увидя, что спор не своевременен. Теперь я прочитал целиком Ваш «Национальный вопрос»². Я прежде читал лишь то, что было напечатано в Руси и Прав<ославном> Обоз<рении>³ и мое впечатление от целой книги было самое лучшее, то, которое Вы по всей вероятности и хотели произвести. В первую минуту мне стало еще досаднее, как Вы могли, написав такую прекрасную и в самом деле «историческую» вещь — прочитать Ваши политехнические лекции!⁴ Не сердитесь на меня за это, уверяю Вас, что самая досада увеличивается восхищением Вашей Книгой. Говоря совсем откровенно, я объясняю себе неуспех Ваших лекций — слишком долгим приготовлением и [1 нрзб.] волнениями, в [к] которым примешивалась некоторая доля ораторского самолюбия. От этого Вы не могли говорить как хотели и должны были читать Вашу «сочиненную» речь. Если бы Вы, опытный оратор, говоривший с таким блеском перед тысячами, горели одною ревностью к Божьему делу, если бы у Вас была одна потребность высказаться после вынужденного молчания стольких лет, то и не так бы Вы говорили. Вы не говорили как власть имеющий, и Ваше слово, красивое и блестящее, не отзывалось внутреннею силою того убеждения, которое в Вас несомненно живет⁵. Это всего более поразило нас, и многих еще более отдалило от того круга идей, провозвестником которого Вы выступаете. Все это пишу я потому, что придаю большую важность Вашей проповеди и потому, что мое впечатление было не субъективное; напротив, Вы знаете, по существу я мог судить только на другой день, на самой лекции я обращал внимание только на внешнюю форму ее и на впечатление, ею производимое. Теперь скажу Вам о Книге Вашей. Скажу откровенно: я в первый раз понял все значение Вашей проповеди, которое зачтется Вам когда бы соединение церковей ни состоялось; понял также, что от этого соединения зависит решение восточного вопроса и всех других политических вопросов; понимал я это и прежде, но после прочтения Вашей книги как-то осязательнее понял⁶. И еще что всего важнее, я в первый раз начал соглашаться с Вами, что для того, чтобы духовная власть была реальной, действенной и самобытной, нужен ей сверхнародный центр, нужен первосвященник⁷. Если должна быть христианская политика, то должна быть духовная власть над народами и между ними, не только в них. Да и для того, чтобы в них она была действенной, а не скрытой, она должна иметь сверхнародное средоточие, точку опоры вне своей земли; только имея такую точку опоры она может перевернуть свою землю, только имея сверхнародного иерарха духовная власть имеет свободную и твердую незыблемую организацию. Фактически оно так: у нас патриарх всегда и законно сведется к синоду, если не будет за и над ним духовной власти, о которую он может опереться; и вместе с тем он может быть *опасен* для государства, если над ним не будет сверхнародной апостольской власти: ибо он, будучи местным патриархом своей Церкви, явится обремененным несоразмерною полнотою власти, не имея над собою никакой власти на земле. Вселенский собор, который при теперешних условиях еще затруднительнее, чем прежде (несмотря на пар, электричество и печать, а может быть, и благодаря им), Вселенский собор может лишь *осудить* патриарха или *низложить* его при помощи светской власти, но не может так или иначе *управлять* его действиями. Собор править не может — иначе он вырождается в политическую конституцию самую бессмысленную и нелепую (особенно если допустить иноземный элемент). Даже синод, эта тень собора — вырождается в канцелярию. Но в нем нет демократизма и космополитизма — и то слава Богу! Править никакой собор не может: он может судить, устанавливать каноны и догматы; но апостольская власть стоит выше самих канонов: ей дано вязать и решить, и принцип такой власти непременно должен быть в Церкви земной и такая власть должна жить в ней, дабы творчество в церковной жизни народов не оскудевало и дабы свобода была полною.

Местный патриарх не имеет сам по себе сверхнародной власти; он не представляет собою сверхнародную вселенскость, кафоличность духовной власти; и даже международного значения иметь он не может; и не только между-народного — между-племенного значения власть патриарха иметь не может, как мы видим у славян. Поэтому и подчинение нашей иерархии — греку как патриарху Византийскому невозможно: ни народ церковный, ни иерархи наши не могут желать этой местной узкой исключительной власти Фанара⁸. С этими соображениями связан и еще важный вопрос о светских

владениях грядущего первосвященника, вопрос, который еще не знаю как решится. Ибо всякий патриарх, который, сохраняя свой местный характер, расширит свою епархию за предел своей страны, станет опасным для своего государя или для других народов... Впрочем, это пока не имеет интереса. Понял ли я Вас?

Со временем, когда папа, взявшийся за меч⁹, от меча погибнет, и когда католики к нам обратятся, не трудно будет убедить наше духовенство и в той прямой выгоде, в том приобретении свободы и власти, какое примет оно, признав вселенский характер духовной власти вообще, признав над собою одного духовного вождя на земле. И так как папу еще не сейчас заколят, так как не скован тот меч, которым он будет пронзен, то хорошо Вы делаете, что начинаете заблаговременно проповедывать, чтобы Ваша закваска успела привести в брожение наше столь косное духовенство. Вы хороший фермент.

Сказавши все это, признав Ваше дело великим, правым, историческим, несмотря на полную возможность частных заблуждений, — я еще более удивлю Вас, если скажу Вам, что продолжаю держаться Хомякова и осуждать папство. В воззрении славянофилов и народников наших есть два недостатка — национализм и неисторическое воззрение на судьбы человечества. Есть особенно особенно противные славянофилы — неверующие, славянофилы этнографические, физиологические или ханжи (вроде одного Вашего приятеля). Есть между ними и христиане, но скудные верою и богатые мечтаниями. Противны также всякому кровному и цельному, породистому русскому человеку сентиментальное народничанье, толки об оторванности, смешон археологический либерализм теперешних аксаковцев и мужики-дилетанты всех сортов от Толстого до нигилистов-народников. Но вот что не смешно и в чем мы правы: в органической Церковности нашей, во вселенской Софии, за дом которой мы, по Вашему выражению, стоим. Во многом мы правы и должны за свою правду стоять, не лясь на все блага, которые Вы нам сулите, указывая нам как бы с «весьма высокой горы на все царства мира и славу их», — не смейтесь и не причисляйте меня к числу Ваших Шараповских противников¹⁰; когда-то Вы употребляли это сравнение¹¹.

Вы говорите: «что должны сделать католики — это их дело»¹². Не совсем; ибо во многом мы правы и не правы-то больше в том, отчего мы сами страдаем, от *византизма*, которому никто у нас, кроме Леонтьева, не сочувствует¹³ (а таковых меньшинство), и от раскола, к которому мы с Вами не принадлежим. И потом, если Вы хотите выступать как *tertia pars*^{*}, то стойте на том, в чем мы правы против Рима, ибо иначе Вы восстанете против себя многих истинно православных, которые, чуждаясь вопросов христианской политики, стоят за незыблемые основы Церкви.

Правы мы в том, что теократия земная не была для нас никогда верховною целью и что мистическое, небесное ставили мы выше земного и светского, рационального. Правы мы были и в том, что никакая власть не была для нас целью, но являлась служебным орудием, и правы были в том, что Церковь поставили выше злата Церковного и храм Божий выше его служителей. Правы мы были в том, что отвергли догматическую непогрешимость папы. Не стойте за нее и не приводите иезуитских софизмов и все эти юридические тонкости «тайнства рационализма» об *ex cathedra*¹⁴ и проч. На это мы не пойдем, от этого соблазна *они* должны отречься, да и Вы в сущности не стоите и значительно отклоняетесь от римских богословов, настолько даже, что никто из них наверное не согласится с Вами. Ибо если даже Вы признаете, что папские решения непогрешимы в той мере, в какой непогрешимы постановления всякого грядущего собора, т<о> е<сть> что над ними есть внешний контроль всей Церкви, всецерковного согласия, то Вы отступите от католицизма, и основательно. А если *consensus ecclesiae*^{**} решает, было ли папское определение дано *ex cathedra*, то оно судит о том, было ли оно истинно и общеобязательно, вселенско (точно так же как оно решает это относительно соборов и даже отдельных догматических определений различных учителей); *consensus ecclesiae in spiritu sancto*^{***} есть в таком случае высший авторитет, и даже не авторитет, а чистое откровение Истины, то и отношение папы ко всякому органу, которым это всецерковное согласие выражается, будет иное,

* Третья сторона (лат.)

** Церковное согласие (лат.)

*** Церковное согласие в духе святом (лат.)

чем в латинстве. В настоящее время собор не может ни отлучить папу, ни низложить его, ни просто признать неправославным — *ασεβη* * — ибо *таков* был смысл этого слова, что ни говорите. Сам Павел не мог бы теперь восстать против наместника Петрова и обличить его перед Церковью — чтобы Церковь произнесла суд над ним. И необходимо признать главенство *истинно* вселенского собора над папою, хотя бы он и обладал кафолической *властью*. Если даже разногласие между папой и собором, по-Вашему, станет невозможным, нужно однако, чтобы собор, олицетворяющий собою вселенскую церковь, Софийский собор, — был признан имеющим единого и небесного священника и Бога**.

Ибо и Павел сказал: «если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали, да будет анафема»¹⁵; посему безусловную непогрешимость в Евангелии я признаю лишь за полнотою Церкви, полнота Истины в ней живет и через нее *передается* в преемственной смене поколений и развитии человечества. Собор истинно вселенский может поставить себе председателя и облечь его председательской властью; но может и низложить его и поставить другого. И папе есть исход из этого: отречение от своей догматической непогрешимости в теперешнем смысле: такое дело легче, чем коллективное самоотречение целого народа. И самое народное самоотречение состоит в том, чтобы подчиниться власти, признать ее над собою, а не в том, чтобы отречься от своей святости, от Софийского собора. *Le pape s'impose, l'église s'oppose; l'état le depose, l'église le repose****. И ему придется отречься от лжи; епископам латинским придется воочию убедиться во грехе и ложности папизма, «*de cet organe qui s'est fait princière*»****, как выразился Баадер в своем памфлете¹⁷. Дай Бог только, чтобы не слишком далеко зашло это догматическое чревоуветствие папы! Дай Бог чтобы скорее *обстоятельства* сломили гордыню Рима. Папизм породил раскол церквей, раскол церкви и государства, раскол церкви и личности. И постольку прав и Хомяков, видя в латинстве начало протестантства, *начало* самовозвеличения личности человеческой. Безбожное государство, безбожная личность, безбожное человечество, о котором Вы писали — имеет в себе образ звериный. И пусть совлечет с себя папизм свое зверство, с которым он терзал Европу столько веков. Впрочем, зверь в нем будет убит или умрет — это неизбежно.

Может быть отделение церквей совершилось мерзко — я не знаком с этой историей; но в игре злых страстей совершилось историческое дело. Промысл попустил отделиться Западу, чтобы создать при помощи деспотической власти, а потом и в борьбе с ней — человеческую культуру, развитие личности: и Промысл попустил нас пребывать до времени без внешнего единства духовной власти, чтобы противопоставить Западу внутреннюю и мистическую, органическую церковность.

Вот что я теперь думаю. Не отвечайте мне письменно, это слишком затруднит Вас. Надеюсь устно беседовать с Вами здесь. Мой адрес для писем — просто Калуга, а приехать к нам можно так: по Рязско-Вяземской дороге или на пароходе от Серпухова. Адрес для телеграмм: Ряз<ско>-Вяз<емская> дорога, Фердиково, село Сергиевское, Осоргину¹⁸. Деревня в 10 верстах от железной дороги и над самой пристанью. В письме жду только известия о Вашем приезде.

С.Трубецкой.

[Вариант:]

Нужно, чтобы догматически было признано и символически выражено, что папа слуга Церкви и слуга послушный; что полнота власти, да! *plenitudo potestatis****** принадлежит полноте церковной — а не ему независимо от этой полноты. Он орган власти, а не ее начало; *mais c'est un organe qui s'est fait principe*, по меткому выражению Баадера, и в этом-то главный грех его!

* Безбожным (греч.)

** Вариант, либо добавленный, либо исключенный автором из текста отправленного письма, см. ниже (примеч. публ.)

*** Папа навязывает себя, церковь противится; государство его низлагает, церковь бездействует (фр.)¹⁶

**** Того органа, который превратился в первоначало (фр.)

***** Полнота власти (лат.)

Le chef se trouve au milieu de ses états au dedans de soi-même comme ces états séparés de leur chef (décapités) se trouvent au dedans d'eux mêmes*. Что это идеальное понятие власти — не спорю, хотя оно было высказано одним латинским богословом именно по поводу вопроса об отношении собора и папы. Но власти над вселенским и во вселенском кроме Иисуса Христа нет и не может быть *de facto* и *de jure*. Поэтому соборная, целокупная полнота церкви не имеет над собою иной власти, кроме Бога, в себе же имеет полноту власти, но господствует эту нераздельною полнотою, не подчиняясь какому-либо земному ее органу. В соборе апостольском Петр не председатель; истинный идеальный собор властен в себе и в своих органах, и председатель его не имеет права претендовать на специальную одержимость св. Духом предпочтительно перед собором. Затем, где найти идеальный собор или где найти идеального папу; этого я не спрашиваю, важен конститутивный принцип, который должен быть ясно признан церковным сознанием.

Относительно папы я согласен с Вами, что значение его, с одной стороны, увеличится, с другой, уменьшится. Ибо независимо от какого-либо действующего собора, духовная мощь Востока будет над ними тяготеть и мистическое значение вселенского предания впервые им сознается в полноте; во всяком случае опыт веков, гибельный разрыв — не пройдет даром никому. Будущего первосвященника я представляю себе весьма старым, благодущным, весьма благочестивым и пассивным, не особенно умным, но представительным патриархом, вроде наших, Московского периода.

2. Соловьев — Трубецкому

<Санкт-Петербург, июль 1894г.>

<...>** Что ты еще пришлешь поправки, то я сказал бы Стасюлевичу¹, чтобы он отнес твою статью не к началу, а к концу книги (перед хрониками): тогда не только первая, но и вторая твоя поправка пришла бы вовремя. Но согласишься, что ты держал у себя рукопись довольно долго (с марта?) и что я имел право считать дело с твоей стороны конченным². Когда Алексей Дмитриевич³ передал мне первую поправку (в конце Июня) я узнал, что статья уже сверстана, и хотя много приставал и к управляющему типографией и к метранпажу, но согласия на переверстку не получил, а когда пришла вторая поправка, статья была уже напечатана в 8000 экземплярах⁴. Твое телеграфическое *insiste**** побудило меня, хотя и в холероидном состоянии находящегося⁵, написать в Петергоф Пыпину⁶ как старшему члену редакции, спрашивая его, нельзя ли приказанием свыше изъять твою статью из книжки для надлежащих изменений. Ответ его к сему прилагаю. Вчера он был у меня и подтверждал свое мнение, что всего лучше было бы твои дополнительные пояснения развить в отдельную заметку или статью, для которой наверное найдется повод. Et voilà!

Относительно отгисков, чтобы тебе не ждать когда их изготовят, я распорядюсь перед отъездом, чтобы тебе послали всю книгу, на которую ты и без того имеешь право. Гонорар, я думаю, пересылать за границу не стоит, но вот на всякий случай адрес, по которому ты можешь его востребовать:

А.А.Хомиковскому, контора Стасюлевича, Васильевский Остров, 5 линия, д.28. Петербург.

А твой адрес я там оставляю. Мой же следующий:

Кавказ, Кисловодск, д<ом> Ярошенко⁷. Впрочем, я еду туда не прямо, а с заездами и, хоть не думаю, чтобы у тебя было что-нибудь очень спешное мне сообщить, но на всякий случай вот и три промежуточных адреса:

1) Рыбинско-Бологовской жел<езной> дор<оги> ст<анция> Еваново, Мих<аилу> Александр<овичу> Новоселову⁸ (с.Поддубье). Это до 5 августа. А потом:

2) между 5 и 12 Авг<уста>: Николаевской жел<езной> дор<оги> ст<анция> Крюково, Мих<аилу> Серг<еевичу> Соловьеву⁹ (с.Дедово), и наконец:

3) между 12 и 20 Авг<уста> — Сердобск, Саратовской губ., Александру Аркадьевичу барону Унгерн-Штернбергу¹⁰ (с.Трескино).

* Глава находится посреди его государств внутри самого себя, подобно тому, как эти разделенные их главой (обезглавленные) государства находятся внутри самих себя (фр.)

** Начало письма отсутствует (примеч. публ.)

*** Настаиваю (фр.)

Статья твоя История философии мною получена и за исключением одной страницы, попавшей на мой взгляд из другой оперы, одобрена и сдана по принадлежности¹¹.

В заключение, чтоб не оставлять так много пустого места, вот стихи, сочиненные мною между холерными судорогами. См. насупротив.

Увидимся, значит, теперь уже в Москве в Ноябре месяце.

Будь здоров. Очень кланяюсь княгине и всем твоим.

Искренне преданный

Влад. Соловьев.

Квизтив

Юнкер Шмит, честное слово!¹²

Если летний наш день каждый день убавляется,
Если солнце уныло, хоть жарко, горит,
Если к речке береза лениво склоняется
И ее золотыми листьями дарит, —

Ты не верь, о не верь этой шутке подстроеной:
Все весеннее снова придет и уйдет.
Не тоскуй и не жди, но душой успокоенный
Через время гляди ты вперед.

3. Соловьев — Трубецкому

Озеро Сайма, 27 Дек<абря> <18>94¹

Милый друг Сергей Николаевич, наконец я вырвался из петербургской суеты и нахожу свободную минуту, чтобы побеседовать с тобою. Во-первых, — пока наш друг Грот не искоренил еще окончательно время, времена и сроки² — поздравляю твою княгиню³, тебя и всех твоих с наступающим новым годом и от души желаю вам всего желанного. Далее, чтобы нам с тобою поквитаться в решительном неодобрении нашей респективной беллетристики, посылаю тебе нижеследующее стихотворение на Рождество; оно дидактично, несомненно слабо, хотя и благонамеренно:

В ночь на Рождество

Пусть все поругано веками преступлений,
Пусть незапятнанным ничто не сбереглось,
Но совести укор сильнее всех сомнений,
И не погаснет то, что раз в душе зажглось.

Великое не тщетно совершилось,
Недаром средь людей явился Бог,
К земле недаром небо приклонилось
И распахнулся вечности чертог.

В незримых глубинах сознания мирового
Источник истины живет не заглушен,
И над руинами позора векового
Глагол ее звучит как похоронный звон.

Родился в мире свет, и свет отвергнут тьмою,
Но светит там, где грань между добра и зла;
Не властью внешнюю, а правдою самую
Князь мира осужден и все его дела⁴.

Надеюсь, ты поставишь это произведение пера в такое же отношение к Ломоносову («О ты, что в горести напрасно») и Державину («Глагол времен, металла звон»)⁵, в какое я ставлю твою сатиру к Гоголю и Салтыкову⁶.

Теперь о более важном. Статью твою о детерминизме я в общем одобряю и с содержанием изложенных в ней мыслей согласен⁷. Изложение же нахожу местами недостаточно резким и определенным; но, может быть, это связано с общою особенностью твоего мышления, в котором изображение конкретных отношений бытия преобладает над анализом чистых понятий. Это есть законный *genre** в философии, и я во всяком случае предпочитаю его противоположной крайности, — когда все сводится к сортировке понятий. Итак, вышесказанное прими не за указ или возражение, а лишь за указание характерной черты.

Друг Оболенский⁸ передал мне от тебя корректурную бумажку, но значение и назначение оной объяснить не мог. Если это то самое примечание, о котором говорил мне Левон⁹, то сей последний был совершенно прав, отсоветовав тебе его печатать; ибо оно содержит ошибочные указания. Различие между родами причинности или необходимости подробно изложено мною в Крит<ике> отвлеч<енных> начал (стр. 85 и след<ующие>, о третьем роде необ<ходимости> — идейной или нравств<енной> стр. 91¹⁰). Думаю, что сорок тысяч писателей немецкой и иных национальностей говорили об этом то же самое и раньше и позже меня, но радоваться или печалиться по этой причине мне не приходило в голову; я ем хлеб, и профессор Каринский¹¹ ест хлеб, но зачем же мне объявлять: «Я радуюсь, что и профессор М.И.Каринский тоже ест хлеб, и нахожу в этом подтверждение моих воззрений на питательные продукты». У вас в Москве развилась дурная привычка говорить: «мое (твое, его) учение, воззрение, теория» и т.д. Это употребление притяжательных (и притязательных) местоимений особенно странно в тех случаях, когда, как в настоящем, дело идет о несомненных общих местах, без которых нельзя обходиться, но о которых решительно не стоит ничего «примечать». Что касается до свободы воли, то никакого «прежнего взгляда» у меня никогда не было. В Крит<ике> отвлеч<енных> нач<ал> (стр. 120-123) находится краткое, но решительное опровержение Канто-Шеллинговой теории трансцендентальной свободы, или умопостигаемого характера. Это опровержение (мое оно, или еще чье-нибудь — ей-Богу, не знаю) я и теперь, через 15 лет, считаю настолько справедливым, что даже ссылаюсь на него в только что оконченной словарной статье о Канте¹². Теперь я также никакого положительного взгляда на свободу воли не высказывал, если не считать заключительного намека на дьявола, — намека столь неясного, что даже ты его, по-видимому, не понял¹³. Дело в том, что окончательная, *чистая* постановка вопроса возможна только в смысле выбора между абсолютным добром и его абсолютным отрицанием, т<о> е<сть> злом ради зла. Это не есть *liberum arbitrium indifferentiae*** , а напротив *liberum arbitrium infinitiae differentiae**** (как мне кто-то сказал во сне) и не только по отношению к предмету, но и по отношению к свободе самого акта. Для выбора абсолютного добра существует *бесконечно-великое* и следовательно вполне достаточное основание, значит, этот выбор *всецело определен*, или *безусловно необходим*. При выборе Добра воля есть *чистое ничто*, абсолютная пассивность, или Богородица (безвольность). Воля, или свобода являются только при выборе зла, ибо для этого выбора в противоположность первому нет *никакого* основания, он *ничем* объективно не определен и следовательно абсолютно свободен или произволен. Может казаться, что возможность выбрать зло делает выбор Добра свободным, но на самом деле нельзя противопоставлять отвлеченную возможность действительному основанию и притом абсолютно-достаточному. Это логическая ошибка, которая была давно указана. Так же ошибочно указание на искушение. Как будто можно искушаться злом как таковым! Искушаются только мнимым или меньшим добром, и предпочтение истинного мнимому есть следствие перевеса нравственной необходимости над психологической мотивацией, и никакого произвола тут нет. Впрочем, все это в более ясном виде включено мною в книгу которая, надеюсь, не замедлит выходом (в Марте, или Апреле)¹⁴. Прилагаю ее краткое оглавление.

* Жанр (фр.)

** Полная свобода выбора (лат.)

*** Свобода выбора / свобода выбора бесконечности различия (лат.)

Приехав сюда, я нашел твое октябрьское письмо, в котором ты говоришь о причислении меня к лику святых прозванием целкомудренного. Это специальное прозвище заслужено мною в полной мере, но общий вопрос о моей канонизации встречается пока с большими трудностями, из коих главная есть та, что я одержим нравственным недугом — *luxure gentrée**.

Уж три года с половиною¹⁵
Нет работы для х-я**
С бесполезною машиною
Бесполезная возня¹⁶.

Был сравнен в журнале «Страннике»
С Оригеном я самим¹⁷.
Уж не снять ли мне подштанники
Перед зеркалом большим?

Бритвой острою снабжуся я —
Чик! Ловчее сквозь м-де,
И навек освобожуся я
От пристрастия к п-де.

Но это только мечта, а в действительности

Томиться должен я всечасно
По убегающей п-де,
Ее искать, ловить напрасно
Теперь, всегда, во всем, везде.

Я не ропшу на правду Божью:
Не хуже этот крест других,
Но счел бы я презренной ложью
Себя зачислить в лик святых.

Грехов я много — и страшных
Свершил à l'endroit du cop***,
И мне из всех имен священных
Идет одно: sacré cochon****

Покажи это послание Левону и Гроту¹⁸. Сему последнему отправляю одновременно исправленный аскетизм при письме¹⁹.

Когда соберусь в Москву — не знаю. Благоразумие повелевает мне остаться здесь по крайней мере до появления моей этики.

До свидания, тем не менее. Будь здоров и не поминай лихом истинно любящего тебя.

Влад. Соловьев

* Возвращением сладострастия (фр.)

** Здесь и ниже воспроизводится авторское написание.

*** В отношении полового органа (фр.)

**** Букв.: священная свинья (фр.); игра слов: «sacré» — одновременно «святой», «священный» и «проклятый», «отъявленный», «чертовский» (разг.) «Sacré cochon» — устойчивое выражение, может быть переведено как «тьфу, черт!».

Основания нравственной философии

Введение (нравств<венная> фил<ософия> как самостоят<ельная> наука)

Часть первая. Элементарная этика, или учение о нравственных чувствах как частных началах нравственности.

Гл. I. Первичные данные нравственности (стыд, жалость, благоговение).

Гл. II. Аскетизм (Развитие чувства стыда).

Гл. III. Альтруизм (Разв<итие> чувства жалости).

Гл. IV. Пиэтизм (Разв<итие> чувства благогов<ения>).

Гл. V. Недостаточность частных принципов и необходимость общего определения нравственности.

Часть вторая. Чистая этика, или учение о едином и безусловном начале нравственности.

Гл. I. Мнимые выражение общего и безусловного принципа нравственности. Удовольствие, счастье, польза (гедонизм, эвдемонизм, утилитаризм).

Гл. II. Добро как такое, или чистая нравственная воля.

Гл. III. Практический критерий и научные формулы чистой нравственной воли.

Гл. IV. Прямые проявления нравственного начала в личной жизни (добродетели).

Отношение добродетелей к нравственным чувствам и к частным принципам этики.

Гл. V. Высшее благо, или объективное осуществление нравственности.

Часть третья. Прикладная этика, или учение о применении нравственного начала к человеческому обществу.

Гл. I. Личная и общественная нравственность.

Гл. II. Мнимые нравственные основы общества.

Гл. III. Народность с нравств<енной> точки зрения.

Гл. IV. Экономический материализм и нравств<венные> элем<енты> в эконом<иче-ском> строе общества.

Гл. V. Право и нравственность.

Гл. VI. Государство. Право и власть. [Этика и] Политика.

Гл. VII. Международное право и война.

Гл. VIII. Государство и Церковь.

Гл. IX. [Идеал свободной теократии.] Отвлеченный клерикализм и [ложная] мнимая теократия.

Гл. X. Идеал свободной или истинной теократии.

Гл. XI. Ближайшие задачи общей и русской политики.

Гл. XII. Вопрос о ручательствах нравственного порядка, или вопрос о провидении.

Границы нравственной философии как самостоятельной науки и требование теоретической философии.

4. Соловьев — Трубецкому

<Санкт-Петербург, 27 февраля 1900 г.>

Милый друг,

вот красное объяснение телеграммы и два слова еще. Я оправдываю синтез, ибо еду в Москву и на остров Корсику¹. *Желаю* попасть на твой диспут, а также положить хоть одно яйцо в вашу философическую тарелку, но исполнение обоих желаний обусловлено обстоятельствами времени, с вашей стороны неопределенными. Когда диспут?² Когда выходит журнал?

Одно яйцо у меня на столе (но еще не в шляпе) — Рассуждение о Протагоре³. Привезу сам на третьей неделе, а на четвертой — в Корсику.

Вместо объявленной лекции о конце всемирной истории читал вчера в Городской Думе сочиненную мною «Краткую повесть об антихристе»⁴, где мои церковные воззрения нашли свое окончательное выражение в сцене двойного соединения церквей: одного официального, произведенного антихристом mit Posaunen und Trompetten, Canonenschuss und Feuerwerk* — и другого, происшедшего тихою и темною ночью в уединенном и высоком месте чрез рукопожатие трех беглых государственных преступников (и отчасти

* С большим шумом и игрой на трубе, с пушечным выстрелом и фейерверком (нем.)⁵

воскресших покойников): старца Иоанна, папы Петра II и протестантского теолога профессора Эрнста Паули. Эта сцена с предшествовавшим проклятием антихристу, произнесенным папой Петром, кажется мне гениальным произведением, что подтверждается тем, что один петербургский поп, бывший на лекции, не выдержал этой марки и шикал с остервенением. Остается факт, что в повечерие недели Православия я публично и громогласно провозгласил мотивированное отречение от церкви и троекратную анафему грядущему антихристу. Сия честь не может быть у меня отнята.

До свидания на 3-й недели. Приветствую княгиню и поэтов.

Твой Влад. Соловьев.

Приложение

В.С.Соловьев

Пояснительные тезисы к теории проф<ессора> Введенского¹

1. Теория проф<ессора> Введенского подчинена закону отсутствия объективных признаков здравого смысла и философского дарования, а также закону присутствия объективных признаков безграмотного и нескладного воспроизведения чужих заблуждений.

2. Течение мыслей в рассуждениях проф<ессора> Введ<енского> происходит совершенно так, как если бы в голове субъекта никогда не было никакой другой объективности, кроме некоторого количества органических продуктов, употребляемых поселянами для удобрения их полей.

3. Поскольку рассуждения проф<ессора> Введ<енского>, кроме собственной глупости субъекта, обнаруживают расчет и на чужую глупость, они несомненно предполагают одушевление других субъектов.

4. Хотя получение данным субъектом профессорского жалованья возможно и при той гипотезе, что университетский казначей есть автомат, трансцендентно-метафизические соображения в связи с постулатами практического разума не допускают дальнейшего распространения этой гипотезы: ибо заявление, что и министр народного просвещения есть также бездушный автомат, могло бы вызвать обнаружение

чужого одушевления в смысле лишения субъекта присвоенного ему оклада².

5.³ Одушевление чужих жен доказывается безнравственным чувством; а безнравственное чувство, в свою очередь, доказываемое одушевлением, с которым оно удовлетворяется. Орган, употребляемый при этом методе познания⁴, был известен еще до Канта, которого великая заслуга состоит в том, что он напустил на этот орган надлежащего тумана⁵.

6. Достодолжное употребление упомянутого органа познания доказывает не только чужое одушевление, но и телеологическое устройство чужих тел, приуроченных к требованиям субъекта, хотя обе стороны остаются не в причинной, а только в преступной связи.

7. Успех этой истинной методы познания чужого одушевления и телеологического устройства чужих тел⁶ зависит, кроме психо-физиологических свойств субъекта, еще от количества эмпирически решенных им в этой области проблемм. Без всякого противоречия с опытом можно утверждать, что это количество не должно быть ни слишком велико, ни слишком мало, а должно быть достаточно.

Примечания

1.

1. Датируется на основании упомянутых в письме «политехнических лекций» (см. примеч. 4).

2. Сборник полемических статей В.С.Соловьева. С.Н.Трубецкой, очевидно, прочел первое издание (М., 1884. Вып.1), состоящее из четырех статей; второе издание (СПб., 1888), включало еще две статьи, написанные в 1887-1888 гг.

3. Ср. фрагмент «Воспоминаний» Е.Н.Трубецкого, указанный в примеч. 9 к вступительной статье. Из работ, вошедших в первый выпуск, две могли быть прочитаны братьями Трубецкими ранее: первая, представляющая одну из статей цикла «Великий спор и христианская политика» (опубликована в «Руси» в 1883 г.) и «Любовь к народу и русский народный идеал: (Открытое письмо к И.С.Аксакову)» (Православное обозрение. 1884. №4), которое и было расценено как «раскол в славянофильском лагере». Новые впечатления от книги могли быть связаны с

работами «Славянский вопрос» (Известия С.-Петербургского Славянского благотворительного общества. 1884. №6) и «Что требуется от русской партии?» (Московский сборник. М., 1887). В целом Соловьев как автор работ, вошедших в первое издание первого выпуска, «воспринимается еще как теоретик — хотя и находящийся во “внутренней оппозиции” — славянофильской, в широком смысле слова, “русской партии”» (см. коммент. Н.В.Котрелева в издании: Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. М., 1989. Т.1. С.671).

4. Две публичные лекции «Славянофильство и русская идея», прочитанные Соловьевым «в пользу бедных студентов» 23 и 26 марта 1887 г. (см. письмо к Франциску Рачкому // Письма. Т.1. С.174) в здании Политехнического музея в Москве, на которых он впервые публично заявил о необходимости признать папу в качестве главы церкви. Текст лекций не был напечатан и не попал в газетные отчеты (что несколько успокоило Соловьева на предмет возможных последствий — см. письмо Ф.Рачкому от 14 апреля // Там же. С.177). Содержание их Соловьев вкратце передал в ряде писем к друзьям. «В заключении второй лекции я указал на нравственную необходимость для России “исполнить всякую правду” признанием Вселенского Первосвященника, без чего, по моему убеждению, мы не можем осуществить своего всемирно-исторического призвания. Довольно многочисленная публика, состоявшая из отборного московского общества с остатками старых славянофильских кружков во главе, встретила меня сперва сочувственно, но, разумеется, была озадачена и недовольна заключением, хотя и не выразила ничем своего неудовольствия. Я же доволен, что высказал эту мысль именно при таких условиях и обстоятельствах» (письмо о. П.Пирлину от 28 марта 1887 г. // Письма. Т.3. С.142). Ср. в письме к о. И.Мартынову от 14 апреля: «Главная моя мысль была та, что русская идея требует соединения церквей, т.е. признания нами Вселенского Первосвященника, чтобы перестать быть пустою (sic) претензией. Можете себе представить негодование московской славянофильской публики, которая в большом числе сбросила меня слушать» (Там же. С.23). Более подробный отчет о лекции приведен в письме Л.И.Поливанова: (см. Соловьев С.М. Указ. соч. С.263-264). Содержание лекций было положено в основу сочинения «Saint Vladimir et l'Etat Chrétien» (см. русский пер. Г.А.Рачинского: М., 1913; воспроизведен в издании: Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т.2. С.247-262. См. также коммент. на с.677-679).

5. По собственному признанию Соловьева, лекции были прочитаны неудачно: «Я же по причине болезни читал слабо» (письмо Ф.Б.Гецу от 11 апреля // Письма. Т.2. С.145); «по болезни и другим обстоятельствам читал плохо» (письмо Н.Н.Страхову от 12 апреля // Там же. Т.1. С.34). «Другие обстоятельства» — вероятно, окончательный разрыв с С.П.Хитрово.

6. Вероятно, имеется в виду один из аргументов Соловьева, высказываемых им в пользу объединения церквей: поскольку западные славяне сохраняют

верность католичеству, то их объединение в едином греко-восточном царстве возможно только при условии церковного объединения, см., в частности, статью «Славянский вопрос» (Соловьев В.С. Сочинения. Т.1. С.318).

7. Там же. С.315. Здесь, однако, первосвященник конкретно не идентифицируется с римским папой.

8. Район Стамбула, населенный греками аристократических фамилий, многие из которых, сохраняя православие, занимали высокие должности в турецкой администрации. «Фанариот», т.е. стамбульский грек, стало именем нарицательным, синонимом коллаборационизма. С таким толкованием не соглашался К.Н. Леонтьев, видевший в «греках Фанара» образец верности традиции «византизма»: сохранение восточной церковности в сочетании с государственной дисциплинированностью (см.: Письмо отшельника: О пороках фанариотов и о русском незнании // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. М., 1885. Т.1. С.269-276).

9. Т. е. меч светской власти. Ср. у Ф.И.Тютчева: «Не от меча погибнет он земного, / Мечом земным владевший столько лет...».

10. Шарапов Сергей Федорович (1855-1911) — публицист, редактор-издатель еженедельной газеты «Русское дело», привлекал Соловьева к сотрудничеству в изданном им «Московском сборнике» (см. примеч. 3). Уже с конца 1886 г. числится в лагере соловьевских недоброжелателей (см. письмо В.С.Соловьева к А.А.Кирееву // Символ (Париж). 1992. №27. С.211).

11. С.Н.Трубецкой, очевидно, имеет в виду использование Соловьевым темы «трех искушений» Христа, восходящей к Евангелию от Матфея. Эта тема появилась в последней главе «Чтений о Богочеловечестве» (Православное обозрение. 1881. №9; Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т.2. С.158) и развита в «Религиозных основах жизни» (М., 1884; 2-е изд.: М., 1885; в изд. 1897 г. — «Духовные основы жизни». См.: Соловьев В.С. Собр. соч. в 8 т. Т.3. С.339-340).

12. «...Согласие, нарушенное злополучным разделением церквей, должно быть восстановлено. Что должны сделать католики для воссоединения с нами — это их дело» (Славянский вопрос // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т.1. С.323).

13. См. примеч. 8, а также примеч. 15 к вступит. статье.

14. Ватиканский (по счету католической церкви — XII-ый) собор заседал с декабря 1869 по 20 октября 1870 гг. 18 июля был провозглашен догмат «О непогрешимости папы» (infallibilitatem), т. е. устанавливалась безошибочность догматических и церковных постановлений папы, провозглашенных им ex cathedra — в качестве главы церкви. В связи с этим в православном богословии был поднят вопрос, продолжать ли считать католиков схизматиками или же относиться к ним как к еретикам.

15. Послание апостола Павла к Галатам, 1: 8.

16. Источник цитаты не установлен.

17. Источник цитаты не установлен.

18. В 1887 г. С.Н.Трубецкой жил в Калуге, где его отец заканчивал службу вице-губернатора; Осоргины — М.М.Осоргин и его жена Елизавета Николаевна, урожд. Трубецкая.

2.

1. Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826-1911) — историк, журналист, издатель и редактор «Вестника Европы».

2. Речь идет о статье «Противоречия нашей культуры» (ВЕ. 1894. №8); посвящена полемике с А.А.Киреевым, критиковавшим статью Трубецкого «Разочарованный славянофил» (см. примеч. 15 к вступит. статье) и обнаруживает дальнейшее движение Трубецкого от славянофильских увлечений молодости. Статья также была передана в «Вестник Европы» при поддержке Соловьева: «Трубецкой читал мне свою новую статью о славянофильстве, она мне очень понравилась, но он колеблется печатать, боясь вторично огорчить славянофильскую родню, впрочем, я надеюсь его уговорить» (письмо М.М.Стасюлевичу, апрель 1894 г. // Письма. Т.3. С.64).

3. Очевидно, вновь речь идет о А.Д.Оболенском (см. примеч. 8 к письму 3).

4. Журнал «Вестник Европы» выходил строго по первым числам каждого месяца; исходя из этого датирован настоящее письмо.

5. Летом 1894 г. Соловьев перенес тяжелое желудочное заболевание, считавшееся холерой (но вряд ли таковой являвшейся).

6. Пыпин Александр Николаевич (1833-1904) — литературовед, друг В.С.Соловьева.

7. Традиционное место летнего отдыха матери Соловьева Поликсены Владимировны с дочерью Надеждой. «...Я забыл: как фамилия Вашей дачи в Кисловодске: Ярошенко или Ярошевский?» (письмо сестре Н.С.Соловьевой // РГАЛИ, ф.446, оп.1, ед.хр.55, л.19. Там же — конверты с адресом, лл.23, 43).

8. Новоселов Михаил Александрович (1864-окт.1940) — религиозный писатель, игравший заметную роль в духовной жизни России начала XX в. В конце 1880-х гг. был сподвижником Л.Н.Толстого, но вернулся в православие в начале 1890-х, т.е. накануне планируемой поездки к нему Соловьева. В воспоминаниях М.А.Новоселова имеются сведения о его встречах и беседах с Соловьевым, однако история их творческих контактов требует специального рассмотрения.

9. Брат Михаил Сергеевич (1861-1903).

10. Лицо не установлено.

11. Неясно, о какой статье С.Н.Трубецкого идет здесь речь.

12. Строчка из стихотворения Козьмы Пруткова «Юнкер Шмит». Это же стихотворение Соловьев

цитирует в письме к брату М.С.Соловьеву (Письма. Т.4. С.131).

3.

1. С осени и до весны 1894-1895 гг. Соловьев жил в Финляндии, близ озера Сайма, в «тихом и скромном пансионе г. Альма... "Рауха", что именно в переводе на русский язык и будет "тишина"» (Тихонов В. А. Большой человек // Одесские новости. 1900. 5 августа). «Наиболее самим собой он был именно на зимней даче в Финляндии. Друзья изредка навещали его там и называли полушутя эти поездки "богомольем в Рауху". Вскоре эта местность сделалась довольно популярною отчасти благодаря самому же Соловьеву...» (см.: Величко В.Л. Владимир Соловьев. Жизнь и творенья // Книга о Владимире Соловьеве. С.65). Здесь состоялась встреча Соловьева с Г. Брандесом (см.: Тихонов В.А. Указ. соч.; Маковский С.К. Владимир Соловьев и Георг Брандес // Книга о Владимире Соловьеве. С.214-226).

2. Намек на статью Н.Я.Грота «О времени» (ВФП. 1894. Кн.23/25). Полемика с Гротом велась Соловьевым в форме шуточных стихотворных посланий (письмо с Саймы от 1 октября 1894 г. // Письма. Т.1. С.93). Накануне отправки публикуемого письма, 26 декабря, Соловьев послал Н.Я.Гроту еще одно стихотворение «на тему времени» и сообщил: «Трубецкому одновременно с сим посылаю длиннейшее письмо — запоздалый ответ на его четыре. Надеюсь, он не сердится на меня ни за мое молчание, ни за мое крайнее неодобрение его сатирического опыта» (Там же. С.85). См. также: Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. С.160, 164.

3. Т.е. жену Прасковью Владимировну, урожд. княжну Оболенскую.

4. Впервые: ВЕ. 1896. №2. С.457 (под заглавием «Ночь на Рождество»). По совету В.Л.Величко, первые две строчки последнего четверостишия были исправлены (см. письмо к В.Л.Величко от 12 января 1895 г. // Письма. Т.1. С.215). В издании: Соловьев В.С. Стихотворения. СПб., 1895 — напечатано с посвящением В.Л.Величко.

5. «Ода, выбранная из Иова» и «На смерть князя Мещерского».

6. «Трубецкой, также как близкий друг... его В.С.Соловьев, ценил шуточно-сатирический жанр литературы в духе многочисленных произведений графа А.Толстого, А.Жемчужникова ("Кузьма Прутков") и графа В.Л.Соллогуба» (Давыдов Н.В. Из прошлого. М., 1917. Ч.2. С.111). До сих пор не определена степень участия друзей в сочинении стихотворений «Пан Зноско» (см.: Величко В.Л. Указ. соч. С.57-58), «Эпиграмма на В.В.Розанова» (см.: Амфитеатров А. Литературный альбом. СПб., 1904. С.261). Вероятно, Соловьев намекает на свое «неодобрение» сатиры С.Н.Трубецкого (см. примеч. 2).

7. Здесь и далее речь идет о статье «Психологический детерминизм и нравственная свобода» (ВФП. 1894. Кн. 25 (5). С.494-521), посвященной

в значительной части критике эмпирического учения о безусловном детерминизме воли.

8. Видимо, давний приятель В.С.Соловьева кн.А.Д.Оболенский, двоюродный брат П.В.Трубецкой (см. примеч. 3). Он «питал исключительное чувство дружбы к брату Сергею, высоко ценил его» (Трубецкая О.Н. Князь С.Н.Трубецкой. С.82).

9. Дружеское имя Л.М.Лопатина.

10. Соловьев ссылается на издание: Критика отвлеченных начал. М., 1880.

11. Каринский Михаил Иванович (1840-1917) — доктор философии, профессор Санкт-Петербургской Духовной академии. Выступал третьим официальным оппонентом на магистерском диспуте Соловьева; особенно сблизился с Соловьевым в 1877-1880 гг. (см.: Лукьянов. Вып.2. С.12-19). Соловьев «вспомнил» Каринского, очевидно, в связи с работой над статьей о Канте (см. примеч. 12); Соловьев перечитывал работы Каринского о Канте (Там же. С.18).

12. «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона. Т.ХIV (2). Калака — Кардам. С.321-339.

13. Эта фраза позволяет понять суть всего предыдущего. С.Н.Трубецкой очевидно решил дополнить свою статью (см. примеч. 7) ссылкой на недавно появившуюся работу Соловьева «Нравственная философия как самостоятельная наука» (ВЕ. 1894. №11. С.345-365), также толкующую о детерминизме и свободе воли (вошла в качестве введения в «Оправдание добра»). Не понятый Трубецким «намеком», о котором пишет Соловьев: «...Во всяком случае, прежде чем ставить вопрос: найдется ли такое существо, которое и при полном знании добра и зла может произвольно его отвергнуть и предпочесть зло? — следует...» (Там же. С.365. Курсив мой. — А.Н.) «Намек» сохранился и в тексте «Оправдания добра» (см.: Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. М.: Мысль. 1988. Т.1. С.118).

14. Здесь и далее речь идет об «Оправдании добра».

15. Читатели «DV», знакомые со специальным номером «Литературного обозрения» («Эротика в русской литературе: От Баркова до наших дней») и другим исследованиями в этой области, не нуждаются в доказательствах законности подобного поэтического жанра; ограничимся лишь небольшой справкой, относящейся непосредственно к В.С.Соловьеву.

В своем поэтическом творчестве Соловьев продолжал различные традиции русской поэзии: романтической начала XIX в., «чистой лирики» Фета и Полонского, «философских медитаций» Ф.И.Тютчева, пророческой оды Хомякова и того же Тютчева, сатирического шуточного творчества Козьмы Пруткова. До сих пор лишь исследователи, имевшие дело с архивами, знали о существовании в наследии Соловьева образцов «барковианы». Косвенно об этом свидетельствуют многочисленные строки отточий в соловьевских письмах (особенно в письмах к брату), к сожалению, невосстановимых: соответствующие автографы, очевидно, были уничтожены родственниками — известно, что С.М.Соловьев (младший)

упорно противился включению в посмертные соловьевские поэтические сборники даже шуточных стихотворений, полагая, что они компрометируют образ «певца Вечной Женственности». Имеются косвенные свидетельства, что после смерти В.С.Соловьева на семейном совете было решено предать огню некоторые его рукописи, в числе которых называются записи о том, как «умиравший философ искушался дьяволом» (Маковский С.К. Последние годы Владимира Соловьева // Книга о Владимире Соловьеве. С.247); правдоподобно предположить, что М.С.Соловьев отнес к этой категории и «барковиану» своего брата. Между тем первые опыты в жанре «барковианы» Соловьев предпринимал еще в юности: в письме к Д.Н.Цертелеву от 1 июля 1879 г. он сообщал, что ему удается «поэма под названием "Love's labor lost", героем которой является мой друг N., и с эпиграфом из Пушкина:

Не отличился в жарком деле
Непостоянный генерал»

(Письма. Т.2. С.249). В 1890-е гг. «московские философы», похоже, с удовольствием читали подобного рода стихотворные послания. «Письма (Соловьева. — А.Н.) к брату и к общим друзьям — Трубецкому, Гроту и другим, читались вслух. Очень часто, впрочем, их не показывали, и брат мой говорил мне иной раз: "Принеси, пожалуйста, это письмо. Только не читай его. Там стихотворения черт знает какие"» (Ельцова К. Указ. соч. С.149).

16. В 1897 г. посылая М.М.Стасюлевичу стихи для «Вестника Европы», Соловьев пояснял: «Они сочинены мною сегодня утром, когда я проезжал мимо одной подмосковной железнодорожной станции, где пять лет тому назад последний раз в жизни нарушал седьмую заповедь с одной Московскою дамой. После этого <...> решительно обратившись к добродетели, написал нравственную философию, после которой мне уже неприлично нарушать какие бы то ни было заповеди» (Письма. Т.4. С.73. См. коммент. в кн.: Соловьев В.С. «Неподвижно лишь солнце любви...» Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. М., 1990. С.430).

17. Странник. 1892. №9. Обозреватель журналов определил «Смысл любви» как «исследование современного Оригена»: «Мы готовы усвоить в полной мере это имя г. Вл.Соловьеву, даже превозшедшему древнего Оригена как плодovitостью своего пера вообще, так и количеством в его бесчисленных сочинениях оригинальных философских построений...» (с.120). Сравнение с Оригеном в историко-богословском плане было развито А.Никольским в исследовании «Русский Ориген XIX века Вл.Соловьев» // Вера и разум. 1902. Май. Кн.2 — Окт. Кн.1; Дек. Кн.1,2. Похоже, что эти сравнения зародили у части современников подозрения о значительно более близком сходстве двух богословов: так, Е.И.Баратынская в беседах с С.М.Лукьяновым в 1918 г. осторожно намекала: «Мне чудится, что в Соловьеве было что-то женское, была бесполость насильственная или, может быть, бесполость поневоле, в зависимости от особенностей телесной организации» (Лукьянов. Вып.3(2)).

С.25). Биограф Соловьева, медик по профессии, не оставил эти сведения без внимания: в примечании он приводит переданное В.В.Розановым свидетельство Ф.Э.Шперка, которому Соловьев в 1894 (!) г. говорил «сочувственные слова <...> о принципе оскпления как радикального средства отвязаться от угнетающей нас “плоти”» (Розанов В.В. Из переписки К.Н.Леонтьева // Русский вестник. 1903. №6. С.437). Вполне возможно, что до Шперка дошло публикуемое шуточное стихотворение; Розанов же, с его обостренным вниманием к проблемам пола, мог шутки не понять. Е.И.Баратынская ссылаясь также на замечания граф. Н.М.Соллогуб, что «Соловьев-де окрестился “по-еврейски”» (Лукиянов. Вып.3(2). С.196-197).

18. См. воспоминания К.Ельцовой, приведенные в примеч. 15.

19. Т. е. исправленную корректуру статьи «Аскетическое начало в нравственности» (ВФП. 1895. Кн.26(1). С.68-88; вошла в «Оправдание добра»). Исправления были вызваны замечаниями С.Н.Трубецкого: «Согласен я с замечаниями Трубецкого, что подход к аскетизму имеет у меня метафизическую видимость, которую легко устранить» (письмо к Н.Я.Гроту, Л.М.Лопатину, С.Н.Трубецкому от 22 ноября 1894 г. // Письма. Т.3. С.212).

4.

1. Трудно сказать, всерьез это или шутка.

2. Соловьев интересуется предстоящим докторским диспутом Трубецкого («Учение о Логосе в его истории»), который должен был состояться в декабре 1899 г., но был отложен из-за того, что официальный оппонент, Л.М.Лопатин, не успел подготовиться (см.: Трубецкая О.Н. Князь С.Н.Трубецкой. С.33).

3. См.: ВФП. 1900. Кн. 53.

4. Эта фраза подтверждает предположение, высказанное в печати, что Соловьев отступил от первоначальной программы публичного чтения, состоявшегося 26 февраля 1900 г. Так, корреспондент «Московских ведомостей» в своем отчете писал: «При входе продавалась программа, в которой было напечатано в 15 строках 7 положений; из них наиболее интересными были следующие: “Бесмысленность понятия о бесконечном, или определенном, прогрессе”, “Цель исторического прогресса или конец всемирной истории есть библейско-христианское откровение”.

Слушатели, в виду такой программы, имели право ожидать действительно философской лекции. Но им предстояло горькое разочарование. Лектор не сказал ни одного научного слова о том, что заключалось в программе. Взойдя на кафедру, Вл.С.Соловьев объявил, что говорить научно о предметах, упомянутых в программе, было бы частью не интересно, частью же не понятно, и поэтому он прочтет “рассказ о последних временах, плод воображения”. И действительно, он прочел сказку, нимало не отвечавшую даже последней строчке программы, гласившей: “опыт живого изображения будущего конца согласно

истинным понятиям исторической философии”» (Рязанец. Петербургские вести: «Конец всемирной истории». Письмо из Петербурга // Московские ведомости. 1900. 2 марта). В газетных отчетах приводится следующее весьма важное резюмирующее высказывание, прозвучавшее на «чтении», но не вошедшее в печатный текст «Трех разговоров»: «Такова будет, — заключил лектор, — развязка всемирной истории. События уже теперь бросают пророческую тень на будущее. Добро является поддельным, красота призрачною, истина подложною. Налицо уже имеются элементы великого обмана. Близкие потомки наши увидят воплощение в одном лице Христа наизнанку. Но это последнее злое начало будет облечено в массу добра и будет казаться источником всеобщего благополучия, пока, наконец, оно не будет изобличено, не выскажется, и тогда погибнет» (Там же. Ср.: Конец всемирной истории: Лекция Вл.С.Соловьева // Новое время. 1900. 28 февраля). С.Н.Трубецкой позднее довольно скептически отнесся к нарисованному Соловьевым образу антихриста и иронизировал по поводу пиротехнических фокусов Аполлония (см. рецензию С.Н.Трубецкого на отдельное издание «Трех разговоров...»: ВФП. 1900. Кн.53. С.362). Видимо, на эту иронию и «пенял» Соловьев своему другу во время предсмертных разговоров с ним в Узком (см.: Трубецкой С.Н. Смерть В.С.Соловьева // ВЕ. 1900. №9. С.413).

5. В предисловии к «Трем разговорам...», появившемся после их журнальной публикации, Соловьев защищал достоверность своей трактовки лжепророка ссылкой на Откровение (13:13): «достоверно известно, dass sein Hauptwerk ein Feuerwerk sein wird» («что его главное дело станет фейерверком», букв.: «огненным делом» — нем. См.: Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. М.:Мысль, 1988. Т.2.С.642, а также коммент. на с.784). Очевидно, в публикуемом письме Соловьев прибегает к более тонкой игре слов. «Posaunen» одновременно и «игра на тромбоне» и «поднимать большой шум»; в то же время именно этот глагол использован в немецком тексте Откровения: «und der erste Engel posaunete» (8:9 и далее). Ср.: «der Posaunenengel» — «трубящий ангел».

Приложение

«Пояснительные тезисы...» были написаны В.С.Соловьевым, видимо, в 1892-1893 гг. и являются отражением философских споров того времени.

Книга Александра Ивановича Введенского (1856-1925) «О пределах и признаках одушевления: Новый психофизиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики» (впервые — Журнал Министерства народного просвещения. 1892. №5/7. Отд. изд.: СПб., 1892) вызвала широкую дискуссию. Для состоявшегося 12 декабря 1892 г. на заседании Московского Психологического общества обсуждения автор книги изложил ее содержание в девяти «положениях» (протокол заседания и «положения» см.: ВФП. 1893. Кн. 16). Помимо основных докладчиков — П.Е.Астафьева и Л.М.Лопатина — в дискуссии приняли участие Н.Я.Грот (тезисы выступления Астафьева и Грота вошли в протокол),

Н.В.Бугаев, П.А.Каленов. Существо доклада Астафьева отразилось в его книге «Вера и знание» (М., 1893), а не попавшего в протокол выступления Лопатина — в статье «Новый психофизиологический закон г. Введенского» (ВФП. 1893. Кн. 19). В том же 1893 г. были опубликованы отзывы Э.Л.Радлова (Неудачный метафизик // ВЕ. 1893. №2) и С.Н.Трубецкого (К вопросу о признаках сознания // ВФП. 1893. Кн.16). В 18-ой книге «Вопросов философии и психологии» А.И.Введенский откликнулся на разгоревшуюся полемику «Вторичным вызовом на спор о законе одушевления»; в следующем выпуске журнала был помещен «Ответ проф. А.И.Введенскому» Э.Л.Радлова. Петербургскому неокантианцу возражал также С.А.Аскольдов — в книге «Основные проблемы теории познания и онтологии» (СПб., 1900).

В 1911 г., в предисловии ко второму изданию первой части своих «Положительных задач философии» (С.ХIII-XIV, примеч.) Л.М.Лопатин горько сетует на то, что его статья о книге Введенского осталась без ответа: положения, развитые по поводу «закона о чужом одушевлении», Лопатин считал важными для своей метафизики. Реплика московского философа была вызвана, в частности, вышедшей в 1910 г. в Санкт-Петербурге книгой ученика Введенского И.И.Лапшина «Проблема «чужого Я» в новейшей философии», в которой сочинение Лопатина не было упомянуто. Л.М.Лопатин не мог считать спор законченным. Уже в 1917 г., прочитав в книге Введенского «Психология без всякой метафизики» (2-е изд.: СПб., 1915. С.76-77) «не более не менее как двадцать строк» о своей работе 1893 г., Лопатин пишет «Странное завершение забытого спора» (ВФП. 1917. Кн. 137-138).

Книгу А.И.Введенского, посвященную анализу традиционной для философии проблемы обоснования реальности чужого Я, не обошел вниманием и Соловьев. Как заметил его биограф С.М.Лукьянов, «Соловьев вышучивал эту книгу довольно зло и даже обидно» (Лукьянов. Вып.3(2). С.177). Поскольку в печатных сочинениях Соловьева упоминаний о книге Введенского нет, можно предположить, что публикуемые «Пояснительные тезисы...» были известны Лукьянову и, вероятно, широкому кругу московских и петербургских знакомых Соловьева (особенно если помнить об обычае совместного чтения стихов, писем и шуточных сочинений последнего).

Как можно объяснить очевидную резкость «тезисов» Соловьева? Соловьев — в отличие от Введенского — считал, что вопрос о существовании чужого сознания может быть решен теоретически, причем утвердительно (см. его работу «О действительности внешнего мира и основания метафизического познания: (Ответ К.Д.Кавелину)», написанную еще в 1875 г.)

В остальном же текст «Пояснительных тезисов...» явился отражением двух неприязней: к М.И.Владиславлеву и А.И.Введенскому. Введенский был учеником профессора Владиславлева, занимавшего кафедру философии в Санкт-Петербургском университете в 1868-1890 гг., и его преемником по кафедре. М.И.Владиславлев (1840-1890) был оппонентом Со-

ловьева в диспутах по обеим его диссертациям, магистерской и докторской (1874 и 1880 гг.). Свидетельства о диспутах, существо выступлений Владиславлева показывают, что он был квалифицированным, даже тонким, и благожелательным оппонентом (см., в частности, оценку А.Ф.Лосева: Владимир Соловьев и его время. М., 1990. С.30-31, 49).

В 1886 г. начинается сближение Соловьева с либеральным «Вестником Европы». В мае 1887 г. М.И.Владиславлев был назначен ректором Санкт-Петербургского университета. В декабре того же года в «Вестнике Европы», в рубрике «Из общественной хроники», которую в 1882-1905 гг. вел К.К.Арсеньев, был напечатан отклик на это событие. Отрицательное отношение кружка «Вестника Европы» к новому ректору объясняется, во-первых, фактом назначения Владиславлева без участия университета (во время начавшейся реакции после покушения на цареубийство студентов из «Террористической фракции “Народной воли”»), а во-вторых, его ролью в борьбе общественных сил, развернувшейся вокруг принятия реакционного университетского устава 1884 г. Последний смёл относительно либеральный устав 1863 г., предоставивший университетам ряд полусвобод и принятый в министерство А.В.Головнина — либерального чиновника, вовлекшего в обсуждение проекта устава широкую общественность, в том числе и круга «Вестника Европы». Назначение Владиславлева стало, в частности, результатом поданной им царю записки, предлагавшей «крутые меры по “оздоровлению” университета и изменению состава студенчества» (Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976. С.171).

Заметка К.К.Арсеньева отражала общее отношение левых кругов к Владиславлеву как к «ретрограду». Направленная против общественной позиции ректора, реплика Арсеньева затрагивала и сочинение Владиславлева «Психология: Исследование основных явлений душевной жизни» (СПб., 1881. Т.1-2), служившее, по воспоминаниям современника, «темой бесконечных насмешек» (Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С.65). Стремясь распространить выводы Фехнера, Владиславлев на основании ответов 15-20 профессоров на составленную им анкету пришел к предварительным выводам о количественной зависимости человеческих чувств (в частности, уважения, удивления и их противоположностей) от «внешних впечатлений», к коим простодушно отнес в качестве примера общественное положение, должности, доходы людей.

Ученики М.И.Владиславлева вынуждены были защищать имя учителя (см., в частности, составленный Я.Н.Колубовским некролог: ВФП. 1890. Кн. 4). В июне 1890 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» была опубликована статья А.И.Введенского «Научная деятельность М.И.Владиславлева» (Отд. II. С.181-211). Надо заметить, к чести Введенского, что он, стараясь удержаться на высоте теоретического обсуждения, не искал политического и идеологического подтекста нападок на Владиславлева, но объяснял позицию автора «Вестника Европы» скорее небрежностью, невнимательностью, в крайнем случае — леностью. В.С.Соловьеву, несомненно, была

известна эта работа Введенского. Неприятие и враждебность, конечно, невозможно полностью рационализировать. Однако именно эта статья, вероятно, явилась причиной неприязни к Введенскому со стороны Соловьева. Предположение С.М.Лукиянова, основанное на рассказах И.И.Лапшина (ближайшего ученика Введенского, знавшего с детства и В.С.Соловьева), о том, что Соловьев переносил на Введенского враждебность к Владиславлению, — вряд ли можно считать достаточным: Соловьев был в дружеских отношениях с Н.Я.Гротом и Э.Л.Радловым, в приятельских — с Я.Н.Колубовским, также учениками Владиславления.

В февральском выпуске «Вестника Европы» за 1888 г., т. е. вскоре после появления реплики Арсеньева, Соловьев опубликовал статью «Россия и Европа» (вошедшую затем как часть в «Национальный вопрос в России»), в которой «Психология» Владиславления приводилась в качестве примера понижения научного уровня в России (см.: Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. М.: Правда, 1989. Т.1. С.386). Впоследствии, в 1892 г., спустя два года после смерти Владиславления, в статье «Вопрос о „самочинном умствовании“» Соловьев снова поминает Владиславления недобрым словом, называя его «настоящим Гегелем здешних мест», а его философию — «философией о рангах» (Там же. Т.II. С.466). Упорная враждебность Соловьева по отношению к Владиславлению отразилась в четвертом из «Пояснительных тезисов...»

Первые три «тезиса» впоследствии были радикально пересмотрены их автором в том, что касается нелестных оценок умственных способностей А.И.Введенского. Приведем свидетельство С.М.Лукиянова: «Около 1894-1895 гг. И.И.Лапшин застал Соловьева читающим магистерскую диссертацию А.И.Введенского. Сближение Соловьева с А.И.Введенским началось после учреждения Философского общества при Петербургском университете (1897). О магистерской диссертации А.И.Введенского Соловьев отзывался хорошо: «Нахожу, что это очень интересная, талантливая книга; но откуда у него берется это «мы?»» (Лукиянов. Вып.3(2). С.177).

Важную роль в отношении В.С.Соловьева к Введенскому сыграла, несомненно, статья последнего «Об атеизме в философии Спинозы» (ВФП. 1897. Кн. 37), заслужившая высокую оценку Соловьева, при всей разности их взглядов. Уже в следующей книге журнала появился ответ Соловьева — «Понятие о Боге: (В защиту философии Спинозы)». Читаем здесь: «За профессором Александром Ивановичем Введенским должно признать редкое умение поднимать и ставить ребром философские вопросы наибольшего жизненного интереса для мыслящих людей. <...> Признаюсь, что статья А.И.Введенского задела меня за живое <...>» (ВФП. 1897. Кн.38. С.383). И наконец, в письме Соловьева к Э.Л.Радлову 31 января 1898 г.: «Очень жалею, что не услышу интересной

речи Александра Ивановича Введенского» (Письма. Т.1. С.266).

Точку во взаимоотношениях двух философов поставила статья А.И.Введенского «О мистицизме и критицизме в теории познания В.С.Соловьева», содержащая высокую оценку философского творчества последнего (ВФП. 1901. Кн. 56).

1. Существо взглядов Введенского на проблему, поставленную в книге «О пределах и признаках одушевления...», состоит в том, что человек не может проверить теоретически, в пределах опыта, отказавшись от всякой метафизики, обосновать одушевленность других людей, в которой он убежден — и законно, — основываясь на особом метафизическом чувстве. Наблюдать же можно не душевную жизнь других людей, а лишь ее телесные проявления. Ни одно из этих проявлений, по мнению Введенского, для своего объяснения не нуждается в посылке о наличии «чужого одушевления». При этом идея чужого одушевления вполне закономерно пользуется еще большим доверием, нежели любое научное положение.

2. Ср.: «<...> аналогия приводит здесь не к возникновению убеждения в существовании чужой душевной жизни, а только к распространению его на новые существа <...>» (Введенский А.И. О пределах и признаках одушевления: Новый психофизиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики. СПб., 1892. С.39).

3. Тезис содержит возражение Соловьева против мысли Введенского о том, что чужое одушевление, как предмет хорошо обоснованной веры, доказывается с помощью метафизического чувства, сближаемого и практически отождествляемого Введенским с нравственным чувством (Там же. С.94, 96, 97, 100, 104 и др.)

4. Ср.: «У нас есть еще особый орган, доставляющий нам сведения о том, что находится вне нас (мы его называем метафизическим чувством) <...>» (Там же. С.4);

5. Введенский считал, что его «исследование относится к области критической философии», строится в методологическом отношении на кантовских посылках и «договаривает до конца» «уже давно высказанные положения».

6. О телеологическом устройстве мира см.: Там же. С.108. Соловьев выступает против мысли Введенского о «приспособлении целей природы к целям нравственности».

Публикация и подготовка текста М.А.Колерова (письма 2-4, Приложение) и А.А.Носова (письмо 1), вступительная статья А.А.Носова, комментарии И.В.Борисовой (Приложение) и А.А.Носова (письма 1-4).

Из ранней верленианы Валерия Брюсова

С.И.Гиндин

Перевод и критика — в портрете Верлена и после

1

В начале августа 1893 г. 19-летний Валерий Брюсов, закончив последнюю фразу первой черновой редакции публикуемой ниже статьи, сразу после нее переписал свои оценки из недавно полученного аттестата зрелости, пояснив в скобках: «ибо отдаю его в университет» (2, 8, л.70 об.)¹ За долгие месяцы работы над статьей Брюсов успеет осуществить ряд других замыслов, но по времени начала работы это едва ли не первое большое произведение «взрослого» Брюсова и во всяком случае — первое систематическое литературоведческое начинание, предпринятое в расчете на широкую аудиторию. В гимназический период ему предшествовали преимущественно школьные сочинения, до сих пор представляющие незаурядный интерес и ставившие подчас серьезные филологические проблемы², но уже в силу своего жанра исключавшие систематическую проработку материала и тяготевшие скорее к художественному, нежели к научному освоению темы³.

В то же время перед нами, по-видимому, и первая специальная статья о Верлене на русском языке. Конечно, имя французского поэта уже мелькало в русских толстых журналах, а в сентябрьском номере «Вестника Европы» за 1892 г. была помещена обстоятельная статья Зинаиды Венгеровой «Поэты-символисты во Франции», в которой творчеству Верлена уделялось пристальное внимание. Год спустя в «Северном вестнике» появится перевод Ф.Сологуба, знаменующий начало серьезного освоения Верлена русской поэтической культурой. Но исследований, специально посвященных Верлену, не было, а судьба брюсовской статьи показывает, что самая их правомерность еще не стала общественно осознанной: руководимое приват-доцентом Московского университета А.А.Александровым «Русское обозрение», куда статья была сдана 9 февраля 1894 г.⁴, ее так и не опубликовало. В отброшенном варианте начала белого автографа⁵ Брюсов констатировал: «...у нас же он (Верлен. — С.Г.) известен только по имени», да и на родине «Верлена больше знают, чем читают и понимают» (47, 10, л.52 об.)

Указанные обстоятельства делали брюсовское сочинение как бы вдвойне неоптимальным, чем вполне объясняются его очевидные (и самим автором в его позднейших работах о Верлене устраненные и исправленные) пробелы и несовершенства: наивность и юношеская ригористичность суждений (напр., при оценке содержания книги «Parallelement»), неполноту, а местами и неточность фактических данных (не забудем, что Брюсов писал о поэте-современнике),

взятых из не всегда надежных источников⁶. И все же перед нами не просто ученическая проба пера, интересная лишь как предвстие будущих свершений мастера, но состоявшееся самостоятельное произведение, обладающее собственной, и немалой, историко-литературной значимостью.

Прежде всего, статья Брюсова свободна от каких бы то ни было признаков «ученичества» — в ней нет и тени неуверенности, аморфности построения, робости суждений, оглядки на авторитеты. К читателю должен был выйти автор, хотя и неизвестный, начинающий, но «власть имеющий», занимающий достаточно определенные позиции и сознающий свое право на суждение и оценку. Любовь к своему герою и понимание великого значения его творчества не мешают Брюсову достаточно критически подходить к оценке тех или иных этапов верленовского пути. Так, он отмечает «холодность и пустоту» поэтического мира «Галантных празднеств», видит противоречивость и определенную поверхность религиозного обращения Верлена: «Покаявшийся Верлен остался все же Верленом-декадентом. В священных книгах, знакомством с которыми он так любит похвалиться, <...> он не научился <...> простоте. <...> Верлен слишком выставляет <...> напоказ свое покаяние».

Верлен для Брюсова — характерный представитель «нового типа людей», созданных современной ему западноевропейской цивилизацией. Такой подход сообщает брюсовской трактовке личности Верлена и смысла верленовского творчества определенный историзм, тем паче, что и эту цивилизацию он стремится оценивать столь же самостоятельно и критично. Правда, термин «декадентство» в публикуемой статье, в отличие не только от нашего современного употребления, но и от ряда близких к ней по времени произведений и дневниковых записей самого Брюсова, еще используется большей частью для обозначения определенных особенностей поэтической формы — нарочитой странности метафор, вычурности образов и т.п., а не тех явлений духовной жизни «конца века», которые находят в новой поэзии свое отражение и выражение. Но самый круг подобных явлений очерчен в статье «Поль Верлен и его поэзия» весьма полно и точно.

Четко указывая на историческую обусловленность, а следовательно, и закономерность декаданса (характер этой обусловленности станет предметом брюсовского внимания в ряде последующих произведений, таких, как «Старая сказка» или реферат о Генрихе Шульце), Брюсов тем не менее столь же недвусмысленно выражает отрицательное или скептическое отношение к фактам не только преходящей моды, но и, скажем, к вполне искренним «поискам новой веры», приводящим, на его взгляд, «к таким верова-

De Visu. 1993. №8(9).

© С.И.Гиндин.

ниям, которые могут оставаться внешними и не проникать в жизнь». То, что Брюсов не был слепым adeptом декаданса, известно и по другим источникам, включая и знаменитую запись об «идушем вперед» декадентстве от 4 марта 1893 г. Важную особенность статьи о Верлене составляет, однако, то, что о кризисных явлениях западной цивилизации Брюсов все время говорит как посторонний, ощущая себя представителем *другой* цивилизации, другой культуры, отличающейся от западной, в частности, отсутствием стремления к внешним эффектам, глубиной и подлинностью верований и идеалов. Характер противопоставления двух культур и критики западной цивилизации во многом аналогичен, скажем, обличениям «латинствующих» в произведениях В.Ф.Одоевского или противопоставлению России лживому изверившемуся Западу у Тютчева. Тем самым первая статья Брюсова свидетельствует, что наряду с общепризнанной за ним чуткостью к новым достижениям мировой культуры, Брюсова с самого начала отличала и живая связь с заложенной виднейшими русскими писателями и философами XIX века традицией напряженных поисков сути национального своеобразия русской духовной культуры. Тщательное исследование этой связи, все более укреплявшейся с течением жизни, покажет, насколько нелепы бытующие до сих пор представления о нем как о «поэте, подчинившем свой талант западноевропейским влияниям в искусстве»⁷ и смотревшем «на русские раздолья через <...> забор»⁸.

Если брюсовский анализ кризисных явлений современной цивилизации позволяет судить, в чем он видел жизненную основу возникновения новых литературных течений и особенности их внутреннего содержания, то сделанные в статье высказывания о символизме дают нам возможность понять его взгляды на особенности поэтики и художественные принципы того течения, которое он стремился утвердить в русской поэзии. В первой черновой редакции статьи Брюсов намеревался посвятить выяснению и разграничению понятий «декадентство» и «символизм» особый раздел. Намерение это осталось неосуществленным, но даваемые Брюсовым характеристики и оценки конкретных явлений французской литературы позволяют существенно дополнить лапидарные тезисы предисловий к «Русским символистам»⁹ и достаточно четко выявить, что именно понимал Брюсов под символизмом в пору своего литературного дебюта.

Конечно, открывающее статью противопоставление Верлена как подлинно крупного поэта «всем этим» Малларме, Гийю и Пелладану, известность которых якобы основана исключительно на вызывающей любопытство «странности» их творений, было полемическим перехлестом — в надписи, сделанной в 1907 г. на раннем варианте начала беловой редакции, содержащем это же противопоставление в еще более заостренной форме, Брюсов сам заметил: «Писано с надеждой напечатать в одном из журналов. Отсюда и тон» (47, 10, л.52). В конце концов, того же Малларме Брюсов начал переводить, хотя и в значительно меньших количествах, но почти одновременно с Верленом, и, как отмечали Н.К.Гудзий

и И.С.Поступальский¹⁰, ряд произведений в «Русских символистах» носит отчетливые следы влияния Малларме. Да и Гийя сам же Брюсов впоследствии назовет среди учителей своей поэтической юности¹¹. Тем не менее не подлежит сомнению, что Верлен на первых порах произвел на юного русского поэта неизмеримо более сильное впечатление, чем прочие французские поэты. Достаточно сравнить самое количество переводов из Верлена и Малларме, чтобы понять, что Брюсов буквально жил Верленом.

Главное же — и публикуемая статья неопровержимо о том свидетельствует — что в пору своего литературного дебюта Брюсов именно с творчеством Верлена связывал самое возникновение и сущность символизма: «Странности и крайности Римбо в поэтической душе Верлена превратились в то новое направление поэзии, которое известно под именем символизма». Из всех же книг Верлена в качестве «откровения» и образца символизма Брюсов выделяет «Романсы без слов». Подобный выбор, а также слова «однообразный шум дождя действительно очень удачный символ беспричинной тоски», сказанные о стихотворении «Il pleure dans mon coeur...», позволяют четче интерпретировать известный тезис предисловия к первому выпуску «Русских символистов»: «Цель символизма — рядом сопоставленных образцов как бы загипнотизировать читателя, вызвать в нем известное настроение»¹².

В свете этих высказываний можно с уверенностью заключить, что из всех многообразных составляющих пестрой картины французского символизма Брюсов воспринял и постарался перенести на русскую почву прежде всего ту струю, которую естественно назвать «импрессионистической». Недаром 17 лет спустя, подходя к творчеству Верлена уже с позиций истории литературы, Брюсов назовет Верлена «первым во всемирной литературе поэтом-импрессионистом»¹³, а в черновой рукописи предисловия к новым переводам из «Романсов без слов» подытожит, что «если Малларме был создателем символической поэзии во Франции, то Верлен дал незабываемые образцы поэзии импрессионистической» (47, 11, л.23). И как раз «Романсы без слов», вместе с некоторыми другими книгами «среднего, лучшего периода его творчества», отнесет к немногочисленным «созданиям поэзии <...> в которых именно импрессионизм доведен до высшей степени своего значения» (там же).

2

Говоря о засвидетельствованных статьей особенностях брюсовского понимания декадентства и символизма, мы фактически уже затронули и вопрос о значении этой статьи для изучения эволюции *русского поэтического перевода*. Ведь Брюсов писал ее в самом начале одного из тех нечастых в истории перевода периодов, когда на перевод наряду с его обычной функцией приобщения родной литературы к богатствам, накопленным литературами других народов, возлагается еще и задача непосредственного развития самой родной словесности, расширения ее тематического и формального арсенала. Именно такие

задачи ставили перед собой в 1890-х — начале 1900-х гг.¹⁴ Бальмонт, Брюсов, Сологуб, и именно так — как новые произведения родной словесности воспринимала их переводы наиболее чуткая часть читающей публики¹⁵. Поэтому, коль скоро дальнейшее развитие русской поэзии связывалось Брюсовым во время работы над статьей о Верлене именно с символизмом и декадентством, характеристика аналогичных явлений во французской литературе должна была непосредственно влиять и на понимание Брюсовым задач, стоявших тогда перед русским переводческим искусством.

Но такой специфической связью с историей перевода дело не ограничивается — статья Брюсова имеет немалое значение и для изучения более привычной для науки о переводе проблематики. Прежде всего она может служить важным источником материалов для истории русского поэтического перевода. Рассыпанные по статье брюсовские переводы из Верлена лишь частично публиковались в «Русских символистах» и подготовленном Брюсовым через полгода после завершения статьи первом отдельном издании Верлена на русском языке¹⁶. Но и эти, ранее известные, переводы даются в статье с разночтениями, порой значительными (а концовка стихотворения «Walcourg» здесь, пожалуй, и художественно убедительней, чем в отдельном издании). Другие же переводы и вовсе не были до сих пор известны, и среди них такие удачи, как отрывок из стихотворения «En sourdine» и особенно «Вечерня» — перевод сравнительно мало популярного у нас 23-го стихотворения книги «Volneug» (в некоторых изданиях носившего заглавие «La semaine sainte»). Лучший из брюсовских переводов Верлена, выполненных в 1890-е гг., «Вечерня» и сегодня, спустя сто лет, не устарела и сохраняет поэтическое обаяние.

Но обилие переводов — лишь первая бросающаяся в глаза черта статьи. Другая ее особенность, быть может еще более важная, так как затрагивает не только проблемы истории русского переводческого искусства, но и сферу типологии переводческих процессов и переводческих индивидуальностей, — это характер объединения переводов с собственно статейным, авторским текстом самого Брюсова.

Обыкновенно в критических статьях о поэзии преобладают *цитаты* из стихотворений, приводимые в обоснование тех или иных положений критика, а стихотворения целиком приводятся лишь тогда, когда они именно как целое становятся предметом критического анализа. В «Поле Верлене и его поэзии» мы сталкиваемся с принципиально иной ситуацией: стихотворения, приводимые полностью, явно доминируют здесь над отрывками и при этом, как правило, не подвергаются никакому дополнительному толкованию и специальному анализу. Рассыпанным по всему тексту стихам доверяется самим говорить за себя и за их автора. И предваряя стихотворение «Voeu» словами: «Вот сонет...», а стихотворение «En sourdine» — «Вот с какими словами обращается он (Верлен. — С.Л.) к своей подруге», Брюсов все время как бы подчеркивает, что предоставляет слово своему герою.

Если переводы — прямая речь французского поэта, то встречающиеся на всем протяжении статьи прозаические пересказы отдельных стихотворений или целых сборников (также предстающих при пересказе как единое произведение, см. особенно реконструкцию поэтического мира книги «Fetes Galantes») — своеобразный аналог несобственно-прямой речи. Явственно сочетая черты перевода¹⁷ и исследовательского анализа, пересказы эти и в общей структуре статьи образуют мостик между двумя названными пластами — переводами и авторским текстом Брюсова, еще более способствуя их спаянности.

Конечно, естественность объединения статьи и переводов во многом объясняется тем, что Брюсов использовал свои собственные переводы. Для понимания жанра и структуры брюсовского произведения и особенностей брюсовского подхода к постижению Верлена важно, однако, уяснить, что использование своих переводов не было просто вынужденным, обусловленным таким чисто внешним обстоятельством, как отсутствие чужих хороших переводов. Когда появился упомянутый выше сологубовский перевод, Брюсов сразу забраковал свой только что выполненный перевод того же стихотворения (см. ниже примеч. 16 к статье Брюсова). Однако и на сологубовский перевод он лишь указал в примечании, не приведя его и не процитировав. Чужие переводы в статье Брюсова и не могли появиться, потому что переводы в ней, в отличие от обычной критической практики, не просто цитаты из других отдельно существующих произведений, но такой же органический элемент структуры и замысла данного произведения, как и авторский текст.

Этот замысел, задачи, которые преследовал Брюсов при создании своего произведения, выходили за рамки жанра критической статьи в точном смысле этого слова. В отброшенном варианте начала беловой редакции статьи прямо указывалось: « <...> моей главной целью будет не столько дать критику поэзии Верлена, сколько просто ознакомить с ней» (47, 10, л.52 об.) Но у поэзии Верлена, по мнению Брюсова, есть важная особенность: ее «нельзя отделять от его жизни. В своих стихах поэт только изображает драму, которая совершалась в его душе. Чтобы понять произведения Верлена, надо их слить с его биографией» (там же). При таком подходе к поэзии Верлена главным предметом изображения и воссоздания становилась для Брюсова сама личность поэта в реальном единстве житейского и творческого начал, недаром и заглавие первой черновой редакции «Поэзия Поля Верлена» уступило место двучленной формуле «Полю Верлен и его поэзия» с логическим акцентом на первом из двух однородных членов.

Достигнуть поставленной цели — создать «литературный портрет» Верлена (именно этот современный термин, при всей его размытости, пожалуй, лучше всего очерчивает жанровую специфику публикуемого произведения) средствами только критики и литературоведения или только художественного перевода было бы затруднительно. Переводчика, особенно при переводе небольшого числа вершинных

достижений, не могущих охватить весь творческий путь переводимого поэта, всегда подстерегает опасность заслонить поэта его творениями, самодовлеющим их воссозданием. Литературоведу, напротив, приходится опасаться растворения индивидуальности писателя в историко-литературном процессе, в надличной эволюции поэтических форм. Соединение же аналитических средств литературоведческой статьи и синтетических средств перевода позволяло Брюсову поставить во глав угла то, что связует отдельное произведение с историко-литературным процессом — реальную личность писателя, его человеческую судьбу.

Вот почему ни переводы, ни статья в данном случае не могли бы появиться друг без друга: они рождались как результат не двух различных творческих процессов — исследования и перевода, а единого, комплексного процесса «вживания» в феномен Верлена и одновременного воссоздания («портретирования») его в русской культуре.

В структуре же созданного Брюсовым произведения авторский рассказ-исследование и переводы соотносятся и чередуются друг с другом как две композиционные формы речи, два способа представления материала, подобно тому, как в художественных произведениях могут чередоваться стихотворения и прозаическая речь или повествование от первого и третьего лица. Аналогия с формами именно художественной композиции, используемая здесь, не просто следствие малой изученности собственных композиционных законов научной речи, но отражение существенных особенностей самого брюсовского сочинения. Литературный портрет вообще один из самых близких к художественной литературе жанров литературоведения и критики. В данном же случае сам материал, каким он виделся автору, своей открытой драматичностью подсказывал идею не научного, а художественного своего воплощения. Недаром во второй черновой редакции формула «Поль Верлен и его поэзия» появилась (см. ниже §3) сначала как подзаголовок при заглавии «Драма жизни». Отказавшись от такого заглавия и сделав тем самым выбор в пользу «научного жанра», Брюсов, однако, в те же дни параллельно с работой над статьей развернул работу над пьесой из жизни Верлена — будущими «Декадентами»¹⁸.

3

Итак, органичность объединения статейного текста и переводов мы связали с их единым генезисом: с принципиальной необходимостью каждого из этих элементов для реализации общего замысла и с тем, что анализ (исследование) и перевод были для Брюсова не разными и изолированными задачами, а двумя аспектами единой комплексной задачи вживания в феномен иноязычного поэта, постижения этого феномена в его реально-исторической жизненной конкретности и целостности. Доказательства подобных утверждений дает нам реконструкция творческой истории публикуемого произведения и ряда связанных с ним замыслов.

Подтверждением наличия единого общего замысла служит тот факт, что почти все стихотворения, представленные в статье «Поль Верлен и его поэзия» во фрагментах, включая ключевое для брюсовской трактовки биографии Верлена «Bonheur, VI», были сразу переведены только в объеме этих фрагментов. Для переводческой практики такое обращение с текстами более чем нехарактерно. Правда, можно было бы предполагать, что следы дальнейшей работы над переводом этих стихотворений просто не дошли до нас, однако, и в брюсовском рабочем экземпляре книги «Bonheur» (Р.: L.Vanier. 1891; влплетена в конволют №573) в оригинальном тексте стихотворений VI, XVII, XXVI отчеркнуты или обведены лишь те строфы, которые вошли в состав «литературного портрета».

Что же касается тезиса о том, что исследование и перевод были для Брюсова равно необходимыми и взаимозависимыми аспектами единой задачи, единого процесса постижения переводимого поэта, то для его подтверждения нам потребуется более подробный анализ самой динамики творческой работы Брюсова и взаимного распределения в ней переводческих и исследовательских «актов».

Стихотворным переводом Брюсов активно занимался еще в гимназии. Переводя многих поэтов, он, однако, всегда переводил отдельные, не связанные между собой стихотворения. Задача представить в характерных образцах весь творческий путь, а с ним и личность поэта даже не ставилась. Каких-либо свидетельств опоры на исследование, анализ текстов или биографии поэта сохранившиеся переводы (правда, это, как правило, не черновые автографы, а беловики, переписанные автором спустя довольно большое время после завершения работы) не содержат.

Первым поэтом, из которого Брюсов попытался перевести именно представительную подборку, охватывающую стихотворения из всех его книг, стал как раз Верлен: вскоре после первого знакомства с его творчеством Брюсов залпом, за две с половиной недели (с 12 декабря 1892 г. по 1 января 1893 г.) переводит сразу 14 стихотворений. Однако решение этой новой для него переводческой задачи Брюсову не удалось: практически все переводы его решительно не удовлетворяли, о чем свидетельствуют и его пометы в рукописях, и следовавшие в 1893-1894 г. повторные переводы большинства стихотворений. С января попытки переложения Верлена почти полностью прекращаются (только в марте-апреле было сделано 3 перевода), но стихи и самый образ «бедного Лелиана» уже жили в душе и отказаться от решения недавней переводческой задачи было невозможно. Предстояло лишь отыскать путь ее решения.

И вот, с началом новой волны переводов, наступает *второй* этап брюсовской работы над созданием русского Верлена. 12-14 июня Брюсов переводит сразу три стихотворения (столько же, сколько за предыдущие 5 месяцев) — «Voeu», «En sourdine» и «Il pleure dans mon coeur...» (2, 7, л.47 об.-50), затем стихотворение «Walcourt» (там же, л.57

об.-58 об.) И оказывается, что массивное обращение к переводам на этот раз сопровождается аналитическими экскурсами и даже с самого начала сопряжено с замыслом исследования о переводимом поэте. Уже за первыми двумя переводами в тетради следует комментарий «К этим стихам»¹⁹, над заглавием которого стоят буквы «ОВ», т.е. «О Верлене» — типичный для Брюсовских рабочих тетрадей способ пометить разрозненные наброски единого замысла: «Как характерное для 1-го сборника достаточно выписать стихотворение» «Voeu». Форма классическая (александрийский стих) 6-стопный ямб, сонет). Содержание чувственное, но холодное. Слова малоупотребительные (oagystis = ο'αριστης, devers = около, близ), вычурность²⁰ выражений (l'hiver de mes ennuis, de mes degouts), странные соединения (pensive et brule), смелые рифмы -chairs, -hivers. Вообще, это уже декадентство, но еще не символизм. Есть в этом сборнике и глубокие поэтические вещи (напр., «Chanson d'automne»). Сборник «Fêtes Galantes» полон более чувственных стихотворений (напр., «Здесь, в укромной беседке»). Очевидно, это время счастливой любви Верлена. Но умел он видеть в любви и не одну грубую чувственность. Вот, например, стихотворение, полное изящества, чистое и светлое:

В полутени немой...» (2, 7, л.49-48 об.)

Слова «достаточно выписать» прямо указывают на то, что стихи приводятся в нестихотворном контексте. Весь процитированный комментарий и построен как рамка, сводящая в единое целое оба переведенных в те дни стихотворения. Способ комментирования не менее показателен. Брюсов стремится не только осмыслить комментируемые стихи с точки зрения их собственного смысла и стилистических особенностей, но и оценить степень их характерности для тех сборников, в которые они входят. Сборники же, в свою очередь, обсуждаются в плане их места на жизненном пути Верлена.

Примерно через неделю после 21 июня Брюсов возвращается к характеристике сборника «Fêtes Galantes» и, отметив сказавшееся в нем сильное «влияние парнасцев», прямо формулирует задачу выявления общего смысла верленовского творчества: «Верлен <...> был великий поэт. Великий поэт, даже заблуждаясь, принес что-то человечеству. Рассмотрим, что принес Верлен человечеству, ибо его путь свершился уже. Это он сам говорит в «Bonheur». Не важно начало и конец. Там подражания, здесь повторения <...>. Итак, обратим особое внимание на середину, «Romances sans Paroles» и «Jadis et Naguère» (там же, л.77 об.)

На том же развороте тетради, на котором сделана эта запись, зафиксирована работа Брюсова над переводом стихотворения «Sriees». С переводом соседствует анализ переведенного стихотворения, если не по степени подробности, то по направленности своей вполне отвечающей нашему современному представлению о целостном анализе поэтического текста: «Все построено на красках. Так, пурпур роз в<ы>з<ы>вае<т> ощущение счастья, но тотчас <?> его

сменяет уныние, вызываемое черным плющем. Так и поэт счастлив сейчас, но боится каждую минуту лишиться счастья. Следует обратить внимание, что 1 и 2 строки куплет<ов> в прошедшем времени, а 3 и 4 в настоящем. Поэту уже страшно, для него все это слишком хорошо, чтобы не заставить <?> его бояться. Небо слишком нежно, волна слишком кротка. Придя к [нрзб], что и она «обманет его [нрзб]», поэт находит какое-то особое удовольствие глубже терзать <?> свою рану. — Вы покинете меня, говорит он, уже не смея обращаться «на ты» (там же, л.78; последнюю фразу отрывка прочитать не удалось).

Факт подобной сямской спаренности перевода и анализа тем более симптоматичен, что в Брюсовских переводах Верлена начисто отсутствовала стадия подстроичника. И наброски переводов, сохранившиеся на страницах французских оригиналов (см. рабочие экземпляры верленовских книг, сплетенные в конволют №573), и все черновые варианты переводов в рабочих тетрадях изначально делались в стихотворной форме и предварялись разве что одной или несколькими ритмическими схемами²¹. Таким образом, не нуждаясь в предварительной фиксации буквального смысла переводимого произведения, Брюсов в то же время испытывал потребность в его комплексном, целостном истолковании с уяснением его биографических и литературных коннотаций.

Правда, в дальнейшем, по мере развертывания непосредственной работы над текстом статьи подобные анализы отдельных переводимых стихотворений из Брюсовских тетрадей исчезают. Однако исследование и перевод по-прежнему неразрывно сплетены друг с другом, теперь их взаимодействие проявляется уже в самой динамике работы. 24 июля 1893 г., закончив маленькую прозаическую комедию, Брюсов на том же тетрадном листе (2, 8, л.58 об.) выводит: «Поэзия Поля Верлена», но набросав лишь начало статьи, прерывает работу. Возобновляется она через неделю, поначалу — как переводческая: 1 августа он переводит стихотворение «Streets» (там же, л.65; публикуется ниже), на следующем листе вчерне набрасывает перевод «La lune blanche...» и, не закончив его, на обороте (л.66 об.) снова начинает: «Поэзия Поля Верлена. Очерк».

На этот раз пишутся или хотя бы конспективно намечаются все 12 разделов статьи (там же, л.66 об.-70 об.; именно этот вариант именовался выше «первой черновой редакцией»). Степень проработки и фиксации разделов очень неодинакова: есть среди них написанные практически полностью, а есть и обозначенные одной лишь первой фразой, указывающей общую тему раздела. Однако автору такой конспект казался, видимо, достаточным: никаких следов дальнейшей разработки собственно статейной части какого-либо раздела в тетрадях нет, зато целый месяц заполнен работой над предполагаемыми к включению переводами. Где-то перед 6 августа переводится бодлеровское четверостишие, подсказавшее Верлену название «Poèmes saturniens» (Брюсов в своей статье почему-то считал его авторским эпиграфом к этой книге), 13 августа делается выборочный перевод «Bonheur, XV» (2, 8, л.76), 22 августа

датирован перевод 7-й из «Ariettes oubliées» (там же, л.81 об.-82), на его обороте — черновик перевода 1-го и прозаический перевод 2-го стихотворений этого же цикла. 27 августа переводятся входящие и в окончательную редакцию стихотворения по поводу книги «Parallèlement» (л.81 об.-82) и «Le ciel est, par-dessus le toit...» (л.85), на следующий день — 5-я из «Ariettes oubliées» (л.86), между 30 августа и 3 сентября — первые два четверостишия VI-го стихотворения «Bonheur» (л.88 об.; перед началом указан номер XLVI). 3 сентября Брюсов переводит «Вечерню» и в тот же день записывает в дневнике: «Статью о Верлене кончил» (1, 12/2, л.24). Тем самым именно завершение цикла намеченных к включению переводов рассматривалось как общее окончание всего произведения.

Однако авторский оптимизм оказался преждевременным, и сигналом незавершенности общей работы над замыслом явились опять-таки переводы. Уже через несколько дней после дневниковой записи, не позднее 8 сентября Брюсов возвращается к оставленному 1 августа переводу «La lune blanche...» и завершает его. 7 сентября создается упоминавшийся выше прозаический перевод «Crimen amoris» (л.90-91 об.). А в середине того же месяца (после 14 сентября) в новой черновой тетради появляется новый заголовок «Поль Верлен». Статья» (2, 9, л.20 об.), отмечающий начало нового этапа, казалось бы, законченной работы и закрепляющий то понимание главного предмета изображения — не стихи, а сама личность и судьба поэта, — о котором говорилось выше в §2 применительно к окончательной редакции²². Четырмя листами ниже следует текст новой, «второй черновой» редакции, озаглавленной «Драма жизни. Поль Верлен и его поэзия» (2, 9, л.24 об.-42). Значительно отличаясь от первой, вторая черновая редакция по своей структуре, а во многом и текстуально приближается к публикуемому окончательному варианту (но включаемые переводы в ней не приводятся, для них только оставлено место). Работа над этой редакцией, судя по ее расположению в тетради, протекала между 22 октября и 7 ноября 1893 г. В конце декабря — начале января Брюсов возвращается к работе над вступительной частью (2, 9, л.73 об., 86-86 об.). На обороте стихов, датированных 2 февраля 1894 г., находим черновик окончательного варианта концовки (2, 10, л.9 об., 14), а 6 февраля вновь шлифуется вступление (там же, л.15-16 об.), после чего, по-видимому, и был написан белой автограф для «Русского обозрения». Заключительной фразе работы над статьей вновь сопутствовали переводы: 17 января было переведено третье стихотворение цикла «Birds in the night» (там же, л.4).

Итак, проведенная реконструкция творческой истории произведения действительно подтверждает, что: 1) путь к переводческому воссозданию не изолированных стихотворений, а корпуса произведений, до известной степени представляющих личность и творческий путь поэта в целом, был найден Брюсовым тогда, когда переводческая деятельность слилась с исследованием, анализом творчества переводимого

поэта; 2) на всех этапах творческой истории «Поля Верлена и его поэзии» исследование и перевод постоянно переплетались, поддерживая и обуславливая друг друга.

4

В первые 10 дней по завершении статьи, как бы на той же «волне» были созданы еще два перевода — новый вариант «Lassitude» (2, 10, л.30 об.) и «Mon rêve familier» (в той же тетради). Затем наступает месячный перерыв в верлениане, — второй этап брюсовской работы над ней завершился. Затем Брюсов, по мере уменьшения надежд на публикацию литературного портрета в «Русском обозрении», стал строить другие планы. 11 марта он записал: «В «Русском обозрении» просили еще пообождать»²³, а 16 или 17 марта в черновой тетради появились проекты двух объявлений для второго выпуска «Русских символистов». В первом из них объявлялся конкурс на перевод 8-й «Забывтой ариетты», в другом сообщалось, что «приготавливается сборник стихотворений Верлена в переводе и со вступительной статьей В.Брюсова» (2, 10, л.82). Из полного плана сборника (там же, л.87 об.-88 об.; начат на обороте помеченного 18 марта перевода «Crépuscule du soir mystique») выясняется, что «вступительной статьей» должно было стать именно «Поль Верлен и его поэзия».

Подобное применение не было лишь механическим перемещением, использованием готового материала. В первом, зачеркнутом слое процитированного проекта объявления будущая книга не случайно именовалась по статье: «[Готовится к печати] [En préparation:] [“Поль Верлен и его поэзия”. 100 избранных стихотворений] в переводе и со вступительной статьей В.Брюсова». Самый замысел сборника вырос именно из замысла статьи как непосредственное развитие противоречивых возможностей, заложенных в продемонстрированной выше синкретичности ее структуры и жанра. Цель, задание — дать русскому читателю синтетический «литературный портрет» Верлена, — оставались прежними, но теперь уже не только стихи включались в статью, а и сама статья оказывалась в окружении стихов.

Развивая подобным образом замысел статьи и заложенные в ней тенденции, сборник, однако, в результате оказывался построенным избыточно и фактически несовместимым со статьей в том виде, как она была написана: ведь в плане сборника числились и все стихи, полностью входившие в статью. Механического изъятия стихов статья не допускала, пришлось бы писать заново. Думается, что осознание этого противоречия — наряду с большим для одного переводчика объемом²⁴ и обычной для Брюсова в 1890-е гг. скудностью средств для издания — и стало причиной того, что замысел сборника так и не был осуществлен. Свидетельством в пользу такого толкования служит и то, что в вышедшем вместо него в конце 1894 г. переводе «Романсов без слов» аналитическое «представление» поэта читателям и переводы стихов были уже решительно разъединены друг с другом. По своему содержанию вступительная заметка к «Романсам»

явно была производной от «литературного портрета», уточненным и отредактированным авторефератом соответствующих разделов его статейной части. Но по своим жанрово-структурным особенностям она коренным образом отличалась от него: в ней уже не было места не только для «прямой речи» героя — стихов Верлена, но и для косвенной ее передачи — пересказов его произведений. Весь текст строился на фактических сведениях и обобщающих характеристиках, т.е. был выдержан в «научном», информационно-констатирующем ключе.

С отказом Брюсова от идеи «Сборника стихотворений», по существу, решилась и судьба статьи о Верлене: скандальный эффект «Русских символистов», а затем и «Chefs d'Oeuvre» надолго закрыл для Брюсова все журналы, печатать статью «саму по себе» стало попросту негде, и Брюсов ограничился ее «устной публикацией», прочитав в качестве «реферата» в одном из литературных собраний осенью 1894 г.²⁵ В дальнейшем он, видимо, и вовсе охладел к своему детищу, так как не только не пытался напечатать его полностью, но после выхода «Романсов» и 2-го выпуска «Русских символистов» никогда уже не использовал в своих публикациях ни включенных в статью переводов, ни сформулированных в ней теоретических положений. А в 1900-е гг. работа по созданию русского Верлена фактически была начата Брюсовым заново.

Не получила развития в творчестве Брюсова и найденная в «Поле Верлене...» синкретическая жанрово-композиционная форма. Вполне аналогично был построен, пожалуй, только реферат о Генрихе Шульце (см. примеч.25)²⁶. Однако и здесь структурное подобие лишь подчеркивало принципиальное функциональное различие. В отличие от Верлена поэт Г.Шульце никогда не существовал, и его биография, и его якобы переведенные с немецкого стихи были всецело сочинены Брюсовым. Тем самым найденная в портрете Верлена композиционная структура, а вместе с ней и самый выбор жанра научного сообщения оказывались в реферате о Шульце осознанными приемами собственно художественного построения. Подобное трагестивно-мистифицированное применение жанрово-композиционной формы и означало по существу прощание с ней как с формой научного литературоведческо-критического сочинения. И действительно, в дальнейшей своей деятельности Брюсов разнородные жанры, синкретически совмещенные в «Поле Верлене и его поэзии», старался строго разграничивать: переводы не публиковались им в тексте статей, а статьи об иноязычных поэтах, в том числе и весьма пространные, как правило, не содержали поэтических цитат и строились в том информационно-констатирующем ключе, в котором была выдержана вступительная заметка к «Романсам».

Не забудем, однако, что жанрово-композиционная форма «Поля Верлена и его поэзии» возникла не в результате самодовлеющих композиционных поисков, но как производное от поставленной автором задачи «ознакомить» русского читателя с Верленом. В сложившемся в ходе поисков переводческого «ключа»

к стихотворениям Верлена особом подходе к постижению и воссозданию иноязычного поэтического феномена перевод и исследование оказались неразрывно связаны, обуславливая друг друга как два аспекта единой задачи и единого комплексного процесса ее решения. Именно подобный подход был главным методологическим открытием и завоеванием Брюсова за время работы над статьей. Как же сложилась судьба этого открытия: осталось ли оно открытием на случай или же повлияло как-то на дальнейшую деятельность Брюсова-переводчика и исследователя иноязычных поэтов?

В многочисленных работах о Брюсове-переводчике и критике эти две области его деятельности обычно рассматривались изолированно. Правда, порой в работах типа «Брюсов и ...» исследовались и переводы из какого-либо поэта, и брюсовские высказывания об этом поэте, но ограничение поля зрения лишь одним поэтом (или поэтическим произведением) всегда определяло чисто внешний характер совмещения двух ветвей исследования. Вопрос о том, случайно ли у Брюсова наличествуют и переводы данного поэтического явления, и высказывания о нем или же их существование взаимообусловлено, при таком ограничении даже не возникал. Между тем, взяв творческое наследие Брюсова-переводчика и исследователя иноязычных поэтов как целое, мы сразу обнаружим, что в названных исследованиях не были отмечены по крайней мере два важных факта. Те, кто писал о Брюсове-критике и литературоведе, не обратили внимания на то обстоятельство, что Брюсов писал *только о тех* поэтах (или поэтических культурах), *которых он переводил*. А изучавшие сделанное Брюсовым в области поэтического перевода прошли мимо следующего, прямо-таки бросающегося в глаза парадокса: четко размежевывая научный и художественный жанры, исследование и перевод, стараясь каждый из них дать в чистом, беспримесном виде, Брюсов в то же время с поразительной настойчивостью стремился к *их совмещению*, соположению *в рамках одной публикации*. Плоды практически всех крупных переводческих начинаний Брюсова, как предпринимаемых им единолично, так и выполнявшихся под его руководством и редакцией, отнюдь не исчерпывались переводами и представлялись в печати по следующей трехчастной схеме: вступительная статья — собрание переводов — примечания. В журнальных публикациях больших подборок переводов Брюсов, лимитированный объемом, иной раз ограничивался только предисловием (ср., однако, авсониевскую публикацию²⁷, где представлены все три элемента), в некоторых сборниках, наоборот, происходило дробление первого раздела на статью о поэте и «предисловие переводчика» или третьего раздела на собственно примечания и библиографию²⁸. Однако самый принцип соприсутствия переводов и исследования в каждом из подобных предприятий оставался неизменным, и исследование всегда ложилось на плечи самого переводчика (или редактора) — Валерия Брюсова²⁹.

Нам, привычным к капитальным изданиям иноязычных поэтов, подготовляемым в течение долгого

времени по перспективным планам государственных издательств, а иной раз и при участии исследовательских институтов, основательность брюсовских переводческих предприятий не кажется чем-то уж из ряда вон выходящим. Но ведь даже сегодня в наиболее серьезных изданиях академического толка (а именно к ним ближе всего по своему типу брюсовские переводческие книги³⁰) перевод и написание статьи и комментария поручаются обычно разным специалистам, ср. хотя бы уже довольно многочисленные издания французских поэтов XIX-XX вв. в серии «Литературные памятники». Что же заставляло Брюсова наряду с переводом и редактированием брать на себя еще нелегкий труд по написанию вступительной статьи о переводимом поэте или даже целой поэтической культуре, как то было в «Поэзии Армении»?

Конечно, в брюсовском стремлении обязательно сопровождать переводы «исследовательской частью» сказывались и присущий ему историзм подхода к пониманию литературных явлений, ответственное отношение к своей миссии переводчика. Переводная книга строилась им не просто как фиксация личных увлечений и пристрастий переводчика, но как определенный факт культуры. Ведь признавая литературный, культурный и исторический контекст существенными для формирования творческого облика поэта и понимания смысла его произведений, приходится признать, что определенное представление об этом контексте необходимо дать и инокультурному читателю, знакомящемуся с этими произведениями в переводах. А дать его иначе, как в статье и/или в комментарии, сопровождающих переводы, вряд ли возможно. В тех же случаях, когда переводятся избранные произведения поэта (а таковы почти все брюсовские сборники переводов, исключая Э.По.), статья и комментарий должны взять на себя еще и функцию дополнения переводов, освещения той части творческого пути и наследия, которые не представлены в переводах.

И все же названные факторы, при всей их важности, не могут объяснить ни той регулярности, с какой исследовательское сопровождение возникало в переводческих начинаниях Брюсова, ни того, почему Брюсов всегда стремился подготовку статьи и комментарий взять на себя. Скажем, «Стихи о современности» (1906) были первой книгой Верхарна на русском языке, Верхарн был еще почти неизвестен русским читателям. Поэтому здесь без вступительной статьи было не обойтись, и желание Брюсова не делить с соавторами ответственности (и чести) за это первое знакомство, взять ее целиком на себя вполне объяснимо. Но к моменту выхода в 1911 г. «Собрания стихов» П.Верлена Верлен был уже неплохо известен в России, и это позволяло либо вообще обойтись без вступительной статьи, либо, по крайней мере, ограничиться (как в упомянутой в примеч. 29 книге Метерлинка) переводом одного из французских очерков о поэте. Брюсов же предпочел сам написать обширный «критико-биографический очерк».

Однако творчество Верлена (как и вообще французская поэзия) было ему по крайней мере давно

знакомо и входило в область его специальных интересов. Об армянской же поэзии Брюсов до обращения к нему представителей Армянского комитета с просьбой быть редактором посвященного ей сборника не знал почти ничего. Поручать ему написание вступительной статьи инициаторы «Поэзии Армении» даже и не думали³¹. Да и без того работы, выпавшей на долю Брюсова за те пять месяцев, в которые была в основном подготовлена антология (ознакомление с языком, литературой и историей Армении, перевод огромного числа поэтических произведений, распределение переводов между другими участниками и редактирование многих из полученных от них переводов), с лихвой хватило бы на большой коллектив. И все же Брюсов не поручает написание предисловия никому из своих армянских консультантов, а пишет его сам (и настолько основательно, что оно до сих пор служит одним из основных трудов по истории армянской поэзии). Позднее он в сотрудничестве с К.Микаэляном составляет и комментарий.

Объяснить этот поразительный факт можно, на наш взгляд, только одним — тем, что в тех случаях, когда переводческому перевоплощению подлежало не отдельное более или менее случайно выбранное стихотворение или несколько таких стихотворений, а целое поэтическое явление (будь то творчество одного поэта или поэтическая культура), взятое в своих характерных образцах. Брюсов и не мог переводить, не погружаясь одновременно в исследование, анализ переводимого явления. Сам брюсовский подход к переводу, метод перевода предполагал сопряженность последнего с анализом. Иными словами, перевод и исследование были для него единими и взаимообусловленными аспектами единой задачи истолкования, интерпретации иноязычного поэтического явления, решавшейся и средствами художественными, и средствами аналитическими.

Соответственно, деятельность Брюсова-переводчика и деятельность Брюсова-исследователя иноязычных поэтов имеет смысл рассматривать не порознь, а в едином комплексе — как *деятельность интерпретатора* и пропагандиста иноязычных поэтов. Тогда сразу получают объяснение и отсутствие у Брюсова высказываний о тех поэтах, которых он не переводил, и регулярность соблюдения трехчастной схемы. Трехчастное построение позволяло исследовательской составляющей творческого процесса не оставаться под спудом, достоянием одной лишь творческой лаборатории переводчика, а отводило ей равноправное место в структуре конечного результата творчества. Постоянное соприсутствие перевода и исследования в результатах творчества и было отражением их неразрывности и «взаимнеобходимости» в процессе творчества.

Подобное истолкование смысла трехчастной структуры брюсовских переводческих сборников может быть подтверждено исследованием ее генезиса. По-видимому, из-за миниатюрности «Романсов без слов» до сих пор как-то оставалось в тени³², что впервые обсуждаемое трехчастное построение было применено Брюсовым уже в этой ранней книжке.

Выбор подобного, специфически филологического, способа построения в той литературной ситуации, в какой тогда находился Брюсов, имел немалое тактическое значение³³. Но мотивирован он был, по-видимому, не сознательными тактическими соображениями, а продемонстрированной выше генетической преемственностью замысла издания «Романсов» (через промежуточное звено неосуществившегося «Сборника стихотворений» Верлена) с замыслом «Поля Верлена и его поэзии».

Говоря о жанровых и композиционных отличиях вступительной заметки к «Романсам» от публикуемого литературного портрета, мы сравнивали последний с произведением *несамостоятельным* — с частью сборника. Ограничиться подобным сопоставлением мы имели бы право в том лишь случае, если бы портрет этот также создавался как часть некоторого более крупного замысла. Но «Полю Верлен...» стал таковым лишь после своего завершения, когда Брюсов решил использовать его как вступление к «Сборнику стихотворений». Создавался же портрет именно как произведение самостоятельное, должествующее ознакомить русских читателей с Верленом без какого-либо сопровождения. А в этом качестве «Поля Верлена...» правомерно сопоставлять не со вступительной заметкой к «Романсам», но со всем сборником в целом. При таком сравнении грехчастная структура сборника предстанет перед нами как наследница синкретического построения портрета, сохранившая все компоненты последнего, но объединяющая их не посредством совмещения, а соположением в рамках некоего объемлющего целого.

Так знакомство с публикуемой ранней статьей помогает обнаружить и интерпретировать методологический принцип, имевший важнейшее значение для всего творческого пути Брюсова-переводчика и критика. Выяснить, насколько этот принцип распространен в деятельности других поэтов-переводчиков и в какой мере его можно считать свойством творческой индивидуальности Брюсова, — задача дальнейших исторических и типологических исследований.

1. Все даты в статье приводятся по старому стилю. Даты точные, указывающие конкретное число, представлены самим Брюсовым, прочие датировки основаны на относительном расположении материалов в тетрадях. Цитируемые и упоминаемые архивные материалы хранятся в фонде 386 ОР РГБ. Шифр, указываемый при ссылках на рукописи, состоит из номеров картона (цифры перед запятой), единицы хранения (цифры после запятой) и листов. При ссылках на включенные в фонд книги из библиотеки Брюсова указывается номер книги по описи и, при необходимости, страницы книги.

2. См. о брюсовской трактовке силлабического стиха в сочинении о Кантемире: Гиндин С.И. В.Я.Брюсов о языковой приемлемости стиховых систем и судьбы русской силлабики: (По рукописям 90-х годов) // Вопросы языкознания. 1970. №2. С.101-102.

3. Не случайно одно из них — «У мецената» — было недавно опубликовано в ряду «повестей и

рассказов» Брюсова, см.: Литературное наследство. М., 1976. Т.85. С.73-83. Ср. наблюдения В.Б.Муравьева в предисловии к этой публикации (с.66-67).

4. 10 февраля Брюсов записал в дневнике: «Вчера был в редакции. <...> оставил ему (Александрову. — С.Г.) «П<оля> В<ерле>на» и ушел» (1, 13/1, л.10 об.) При публикации этой записи (Брюсов В.Я. Дневники. М., 1927. С.15) сокращенное обозначение статьи было произвольно заменено фамилией ее героя. Беловой автограф (47, 10, л.1-50), по которому «Полю Верлен и его поэзия» публикуется в данном сборнике, сшит в виде тетрадки — очевидно, это именно та рукопись, что представлялась в редакцию.

5. То, что этот — несшитый — вариант предшествует публикуемому по времени создания, доказывается их сопоставлением с хронологически упорядоченными черновиками из рабочих тетрадей (см.: 2,9; 2,10. Ср. ниже в §3 реконструкцию творческой истории статьи).

6. Круг этих источников еще подлежит установлению. Из французских работ, сохранившихся в библиотеке Брюсова с его пометами, до 1893 г. была издана лишь книга: Morice Ch. Paul Verlaine. P.: Leon Vanier, 1888 (вплетена в конволют №573).

7. Асеев Н.Н. Структурная почва поэзии // Асеев Н.Н. Собр. соч. М., 1964. Т.5. С.483.

8. Шервинский С.В. Валерий Брюсов // Литературное наследство. Т. 85. С.16. По поводу этой оценки см.: Гиндин С.И. Брюсов: Тексты и толкования // Вопросы литературы. 1978. №7. С.254.

9. Первый выпуск «Русских символистов» был подготовлен во время работы над статьей, а подготовка второго развернулась вскоре после ее завершения.

10. Гудзий Н.К. Из истории раннего русского символизма // Искусство. 1927. Кн. 4. С.202-203; Поступальский И.С. Поэзия Валерия Брюсова // Брюсов В.Я. Избранные стихи. М., 1933. С.21.

11. См.: Маргарян А.Е. Валерий Брюсов и Рене Гиль // Брюсовские чтения 1966 г. Ереван, 1968. С.524. Следует, правда, учитывать, что признание это было сделано (в письме к самому Гиллю) в 1904 г., когда была написана первая из статей Брюсова о Гилле, и потому могло быть известным анахронизмом. Во всяком случае, 10 лет спустя (см.: Брюсов В.Я. Автобиография // Русская литература XX в. М., 1914. Т.1. Вып.1. С.109) место Гилля в тройке учителей займет Рембо — самая возможность подобной замены показывает, что действительно существенными для Брюсова 1892-1894 гг. были лишь два постоянных имени — Верлен и Малларме.

12. Брюсов В.Я. Собрание сочинений. М., 1975. Т.6. С.27.

13. Брюсов В.Я. Из стихов Поля Верлена // Русская мысль. 1911. №2. Отд.1. С.157.

14. Более точно границы этого периода знаменуют собой первые переводы Сологуба и Брюсова из Верлена (1893-1894 гг.) и брюсовское же издание «Стихов о современности» Верхарна (1906). После появления последней книги переводческая деятель-

ность символистов не иссякла, но носила уже отчетливо выраженный культурно-просветительский характер.

15. Напомним позднейшее признание Блока, что перевод Сологуба из Верлена (упоминаемый и в публикуемой статье Брюсова) явился для него в отрочестве «одним из первых острых откровений новой поэзии» (Блок А.А. Собр. соч. М.; Л., 1963. Т.8. С.219).

16. Верлен П. Романы без слов / Пер. В.Брюсова. М.: Типография Э.Лисснера и Ю.Романа, 1894. В единственной специальной работе о брюсовской верлениане 1890-х гг. (Мирза-Авакян М.Л. Работа В.Я.Брюсова над переводом «Romances sans paroles» Верлена // Брюсовские чтения 1966 г. Ереван, 1968) внимание автора ограничено лишь переводами, вошедшими в это издание.

17. В ряде случаев пересказы возникали на основе предварительно выполненного прозаического перевода, как это было с «Crimen amoris» (2, 8, л.90-91 об.) и 2-ой «Забывтой ариеттой» (публикуется ниже).

18. Об этой неопубликованной драме см.: Страшкова О. Эволюция «нового поэта» в первых драматических произведениях Брюсова // В.Брюсов и литература XIX-XX века. Ставрополь, 1979, а также наш комментарий к черновику первого брюсовского письма к Верлену в публикации: Брюсов В.Я. Письма из рабочих тетрадей // Литературное наследство. М., 1991. Т.98. Кн.1. С.613-614.

19. Здесь и ниже в угловых скобках даются предположительные прочтения не дописанных Брюсовым частей слов, в квадратных скобках — слова, Брюсовым зачеркнутые. Альтернативные незачеркнутые варианты приводятся как правило в примечаниях с указанием их местоположения по отношению к основной части автографа.

20. Над строкой вариант данной характеристики: «фигуральн<ость>».

21. Два сохранившихся в тетрадях прозаических перевода (2-я из «Забывтых ариетт» и «Crimen amoris», см.: 2, 8. л.82 об. 90-91 об.) создавались не как заготовка к стихотворным переводам, а как самостоятельные произведения. В статье оба они даны в форме пересказа, а второе и в плане русского «Сборника стихотворений» Верлена, сопровождается пометой «прозой?» (2, 10, л.88 об.) Роль и место прозаических переводов в переводческой системе Брюсова 1890-х гг. (позднее он допускал их использование разве что в комментарии к основному составу переводных сборников) — еще подлежат выяснению.

22. Показательно, что на одном листе с этим новым заглавием статьи записан и первый из известных планов будущей пьесы «Декаденты» и письмо к Верлену по поводу постановки пьесы. См. фотокопию этого листа в указанной публикации «Письма из рабочих тетрадей» (с.612) и его интерпретацию в нашей вступительной статье (с.583).

23. Брюсов В.Я. Дневники. С.16.

24. Предполагать воздействие и фактора объема позволяет трансформация, которую претерпело в

процессе издания проектировавшееся объявление о сборнике: «Готовятся новые издания В.А.Маслова: <...> «Сборник стихотворений» Поля Верлена в переводе русских символистов» (Русские символисты. М., 1894. Вып.2. С.52; цензурное разрешение 23 августа 1894 г.). Не исключено, впрочем, что множественность переводчиков оказалась бы при этом такой же мнимой, как и многочисленность авторов в самих «Русских символистах», где за большинством фамилий и криптонимов скрывался все тот же Брюсов.

25. Об этом свидетельствует первая фраза расшифрованного и подготовленного мною к печати чернового автографа реферата о Генрихе Шульце, датированного 15 ноября 1894 г.: «Когда в моем прошлом реферате я назвал Верлена характерным представителем западного человека наших дней...»

26. Частичное сходство — наличие пересказов поэтических произведений — заметно и в написанном зимой 1895 г. реферате о Ф.Эверсе. Впрочем, в обоих случаях сходство во многом предопределялось устной формой представления, на которую по самому замыслу были, в отличие от статьи о Верлене, изначально рассчитаны оба реферата. Ведь в устном научном сообщении поэтические иллюстрации не могут быть вынесены за пределы авторского выступления, не превратившись при этом в концертное отделение, являющееся уже фактом декламационного искусства.

27. Брюсов В.Я. Великий ритор: Жизнь и сочинения Децима Магна Авсония // Русская мысль. 1911. №3.

28. См., соответственно, книги: По Э. Полное собрание поэм и стихотворений. М.; Л., 1924; Верхарн Э. Поэмы. 4-е изд. Пг.; М., 1923.

29. Наиболее заметное исключение — сборник М.Метерлинка «Пелеас и Мелизанда и стихи» (М.: Скорпион, 1907), открывавшийся вступительной статьей А.ван-Бевера (впрочем, выбранной, а возможно, и переведенной опять же Брюсовым). Объясняется оно видимо тем, что сборник возник не в результате реализации целостного замысла, а путем объединения выполненных в разное время независимых переводческих работ (ср. и двучленное заглавие) и, в отличие от брюсовских изданий Верлена, Верхарна, По, не имел целью представить весь творческий путь и облик поэта. Но та часть второго раздела, что возникла как реализация единого переводческого замысла — переводы «Chansons» — при самостоятельной публикации в журнале появилась, конечно же, в сочетании с исследовательской статьей — знаменитыми «Фиалками в тигеле».

30. История русского поэтического перевода в аспекте представления переводов читателю и компоновки переводных сборников не изучена. Это не позволяет сегодня судить о том, насколько оригинален был Брюсов в таком построении своих переводческих книг. Но то, что он сыграл значительную роль в становлении и развитии данного типа изданий иноязычных поэтов, не подлежит сомнению.

31. См. об этом: Макинцян А.П. Из истории создания «Поэзии Армении» // Брюсовские чтения 1966 г. Ереван, 1968. С.162. Там же на с.163 определены хронологические рамки непосредственной работы над основным корпусом книги.

32. Так, при росписи содержания этого сборника в капитальной «Библиографии В.Я.Брюсова» (Ереван, 1976. С.10) Э.С.Даниелян вообще не отметила существования раздела «Примечания».

33. Выбирая такой тип построения, обычно ассоциируемый с изданиями классиков, для книги малоизвестного в России писателя-современника (нелишне вспомнить, что и более капитальные брюсов-

ские издания Верхарна и Метерлинка в середине 1900-х гг. также были посвящены современникам), Брюсов подчеркивал *право* Верлена на подобное издание, как бы возводя его в классическое достоинство. В то же время он показывал своим многочисленным хулителям, видевшим в нем после «Русских символистов» сорванца-недоучку или шарлатана, надругавшегося над классическими заветами, что обладает необходимыми для подготовки такого издания филологической культурой и литературным профессионализмом. Все это не должно быть забыто при оценке распространенных попыток жесткого противопоставления «раннего» и «позднего» Брюсова как новатора-бунтаря и холодного «академика».

В.Я.Брюсов

Поль Верлен и его поэзия

На Поля Верлена, как на поэта декадента, у нас смотрят с пренебрежением, между тем знакомство с его поэзией представляет глубокий интерес.

Прежде всего надо указать на то, что Верлен обладает действительно значительным дарованием. В этом отношении он составляет одно из отрадных исключений среди символистов, мистиков, инструменталистов и последователей других подобных школ. Известность всех этих Маллармэ, Гилей, Пеладанов основана на простом любопытстве, которое возбуждают их странные творения; — Верлена же уважают за его талант, что Верлен им обладает, этого не отрицал никто из критиков. Такой убежденный враг символизма, как Макс Нордау, изучавший Верлена с предвзятым мнением, принужден был сознаться, что некоторые его стихотворения могут «по праву считаться жемчужинами французской лирики», с которыми «вряд ли что может выдержать сравнение во французской литературе»¹. Истинный же талант всегда достоин внимания; даже когда стоит на ложном пути. Мы восхищаемся Расином и Тассо, хотя ложный классицизм давно осмеян.

Иной интерес возбуждает самое содержание большей части верленовских произведений. Верлен принадлежит к тому новому типу людей, который создала разлагающаяся цивилизация Запада. Передавая — как поэт очень субъективный — почти исключительно чувства и настроения, Верлен передает этим чувства и настроения всех людей того же типа. Поэзия Верлена это — памятник души современного западного человека, одаренной утонченной организацией, измученной постоянным мелким самоанализом и утомленной пустым эгоизмом. Вместе с тем и биография Верлена заключает в себе почти все типические черты жизни подобного человека. Здесь и преднамеренное извращение чувств, и эпикурейская погоня за неведомыми ощущениями, жизнь без убеждений и религии, наконец утомление таким безверием и поиски новой веры, столь обычные на Западе и приводящие к наивному мистицизму Средних Веков или какому-нибудь обновленному буддизму, то есть к таким верованиям, которые могут оставаться внешними и не проникать в жизнь.

Лучшим материалом для биографии Верлена служат его произведения. Он не только рассказывает в стихотворениях важнейшие моменты своей жизни, но и вообще постоянно выставляет напоказ свою частную жизнь (черта тоже характерная), как в собственных комментариях к своим произведениям, так и в нескольких своих автобиографиях. Таким образом, кроме литературного значения, произведения Верлена имеют еще интерес исторический. Они — важный документ для изучения своего времени и нравов.

1

Среди учеников, кончавших вместе с Верленом лицей Кондорсэ в Париже, будущий поэт был одним из самых незаметных. Отметки его не шли дальше удовлетворительных и училище, вероятно, нисколько не жалело расстаться с ним. Со своей стороны, юноша покидал стены училища тоже с большим удовольствием. Правда, родители по странному капризу рано отдали маленького Поля в пансион, но избалованный мальчик, прошедший детство в женском обществе и резко оторванный от полей Матинэ, где протекли на

воле первые годы его жизни*, никак не мог ужиться с казарменными порядками французского лицея. Мало интересовала живого юношу и та схоластика, которая господствовала тогда в школах Франции. Он переходил из пансиона в пансион и вообще учился плохо, в младших классах просто не слушал учителя на уроках, предпочитая увлекаться грезами, которые создавало его воображение, — способность, рано проявившаяся в будущем поэте, — а в старших заменяя на своем пюпитре древних авторов книгами совсем другого содержания, большей частью современными поэтами. Так юный Верлен прочитал, задыхаясь от восторга и боясь каждую минуту быть пойманным, «Цветы Зла» Боделэра, книгу, произведшую на него глубокое впечатление. Первые пробы пера, относящиеся к тому же времени, по собственному признанию Верлена, написаны под сильным влиянием этого поэта.

Из лицея Верлен перешел в школу правоведения. Здесь его время было гораздо более занято опорожненными бутылками в пивных да интрижками с прислужницами оттуда, чем лекциями. Так по крайней мере говорит автобиография, и нам нет причин ей не верить. Верлен этого времени рисуется 18-летним юношей, в котором еще не совсем исчезли женственные черты характера, полученные им от природы и развитые первыми годами жизни, но который уже стыдится их, которому *хочется* быть развратным, иметь право жаловаться на извращенность своих чувств, подобно своим кумирам в литературе: Боделэру и Теофилю Готье. Такому направлению способствовало и то общество, куда скоро попал Верлен. Продолжая свои литературные занятия, он легко достиг довольно значительного успеха, особенно в технике стиха, давшей ему, как поэту по природе, очень легко. Его поэтические опыты того времени были уже так удачны, что открыли ему двери в «Современный Парнас», журнал, около которого группировалось целое общество молодых поэтов. То были тоже поклонники Боделэра, Готье и Лемерра. Руководимые Леконтом дэ Лилем и Теодором Банвилем, они выступали, как борцы чистой поэзии, против современного им направления литературы. В рядах парнасцев были еще соединены писатели столь противоположные друг другу впоследствии, как Франсуа Коппэ и Маллармэ, Вильер дэ Лиль-Адам и Катулл Мендес, Леон Дьеркс и Сюлли Прюдом. Все они признавали заветы Лемерра, пытались в поэзии отрешиться от жизни и стремились —

Писать бесстрастно страстные стихи,

что, конечно сообщало таким произведениям только холодность. Таковы и первые стихи Верлена, как напечатанные в «Современном Парнасе», так и появившиеся в отдельном сборнике «Сатурнические поэмы», с которым спешил выступить нетерпеливый юноша.

«Сатурнические поэмы» («Poèmes saturniens») интересны главным образом для характеристики поэта, потому что литературных достоинств в них мало. Правда, по «Сатурническим поэмам» Сент-Бев угадал будущий талант, но все же изящество техники и новизна сюжетов не выкупают в них недостатка идеи. Верлен еще не был способен создать что-нибудь оригинальное и, разбирая «Сатурнические поэмы», ясно видишь, откуда взяты их составные части, под какими влияниями они создавались.

Стиль, выражения — заимствован у Готье. Верлен пытается подражать его смелым тропам и фигурам. «О поцелуй, — говорится в одном стихотворении «Сатурнических поэм», — розовый куст в саду ласки, быстрый аккомпанемент на клавишах зубов! звучный, грациозный, божественный поцелуй, — привет тебе!» В часто встречающихся экзотических и античных названиях, так странно звучащих в галлицизированной форме, — видно подражание Леконту дэ Лиллю. Особенно же сильно, конечно, влияние Боделэра. Находя удовольствие хвастаться *особым* взглядом на осмеянную астрологию, Верлен назвал свою книгу «Сатурническими поэмами» на том основании, что считал себя рожденным под этом планетой; а так как «мудрецы иных времен», которые были «несколько не ниже современных» (sic!), — приписывали Сатурну дурное влияние, то явилась возможность написать красивый эпиграф «к осужденной книге», где поэт советует «мирному читателю идиллий, наивному человеку добра “бросить” эту сатурническую книгу меланхолий да оргий»². Едва ли не подражание и те грубо-чувственные картинки, которые разбросаны по всей книге. Так заставляют думать те немногие, но, кажется, искренние стихотворения, где звучат совсем другие ноты.

* Родился Верлен в Меце 30 августа 1844 года, так что в этом году ему исполняется 50 лет.

«Дитя мое!» — говорит Верлен, обращаясь к своей подруге, тотчас после описания оргии —

Склонись ко мне на грудь и в руку дай мне руку,
И говори слова, что завтра осмеешь,
И плачь со мной всю ночь, о страстная малютка!³

Вот сонет, в котором отразилась большая часть элементов, составляющих «Сатурнические поэмы»:

Подруги юности и молодых желаний!
Лазурь лучистых глаз и золото волос,
Объятий аромат, благоуханье кос
И дерзость робкая пылающих лобзаний!

Но где же эти дни счастливый упований,
Дни искренней любви? увы, осенних гроз
Она не вынесла, и царствует мороз
Расплаты горестной и мстительных страданий.

И вот я одинок; теперь и я угрюм;
Угрюм и одинок, во власти мрачных дум,
Как бедный сирота, покинутый сестрою.

Ты все, о женщина! поклонница и друг,
Покорно-страстная, бесстыдная и вдруг
С улыбкой матери и ласкою святою⁴.

2

«Сатурнические поэмы» не были замечены большой публикой, но парнасские критики отнеслись очень сочувственно к молодому таланту, пророча ему блестящее будущее. Ободренный успехом Верлен через два года уже выпустил новую книгу — «Изящные творения» («Les fêtes galantes»)⁵.

Два года не прошли даром. Верлен вступал в жизнь безо всяких нравственных правил, которых ему — рано оторванному от семьи — неоткуда было получить, так как в школе он усвоил себе только враждебное отношение к религии и всякой системе морали. Общество, в котором вращался Верлен, да и вообще почти любое общество тогдашней Франции, могло только развить в нем такие взгляды. Не видя ни цели, ни смысла в жизни, он весь отдался эпикуреистической погоне за наслаждениями, тем более, что состояние, хотя и небольшое, избавляло его от обязательного труда.

Эта-то легкомысленная жизнь и передается в «Изящных творениях». Говорят, что это наиболее читаемая книга Верлена, оно и понятно. Внешняя сторона, форма — почти безукоризненна; у парнасцев нет лучших стихов*, но, вероятно, именно эту книгу подразумевал поэт, когда впоследствии оплакивал ошибки юности, «те скептические и слишком легкомысленные стихи». В «Изящных творениях» все полно поверхностным скептицизмом и гордой иронией. (Верлен, разделяя общий недуг, считал себя пресытившимся жизнью прежде, чем испытал ее). Что касается до содержания, то передать его трудно, потому что здесь ряд отдельных картин, где действуют одни и те же лица, одетые большею частью в костюмы и парики королевской Франции. Мир «Изящных творений» — это мир XVIII века, смешанный, впрочем, с миром «Декамерона». Отдельные фигуры очерчены с талантом, хотя и полу-штрихами. Вот практичный Пьерро начиняет паштет, Кассандра проливает слезы, Арлекин готовится похитить Коломбину, которая полна смущения, слыша голоса в глубине своего сердца. Это — маскарад, а вот общество, расположившееся на траве, уже порядочно испробовавшее старого кипрского; аббат клянется достать для своей подруги звезду с небосвода, а маркиз надевает задом наперед свой парик. Картина за картиной проходит перед читателем, то в лодке, то в гроте из раковин, то в уютной беседке, где лимонад

* Особенно хвалят здесь умение Верлена обращаться с терцинами, к которым он прибегал часто.

и тартинки защищают двух влюбленных от утомления ласками, то в уже безмолвном и замерзшем парке, мрачном для страстных клятв. Между тем все знают, что ночной ветер сбросил статую Амура на землю; бог любви лежит разбитый и остался только пьедестал с именем скульптора, а мраморный старый фавн зло смеется из-за веток.

Все это может быть и очень «изящно», но холодно и пусто! Впрочем, нельзя сказать, чтобы Верлен и сам не тяготился подобной пустотой, но он не сознавал возможности жить иначе. Утомленный вечной погоней за наслаждениями, не удовлетворявшей его, — он знал только одно утешение — забыться без думы, подавить в себе сознание. Вот с какими словами обращается он к своей подруге в такую минуту тоски:

Полузакрой глаза,
Склонись ко мне на грудь
И жизни голоса
Навеки позабуди.
Пусть нас заморозит
Дыханье ветерка,
Что траву шелестит
У ног твоих слегка.
Когда же наконец
Вечерний мрак падет,
Уныния певец
Нам соловей споет⁶.

Но таких минут, вероятно, бывало немного. Поэт все глубже и глубже погружался в окружающую его тину, пока вдруг, неожиданно не явилась перед ним новая жизнь, новые мечты.

Он полюбил. Да! та самая любовь, которую он недавно видел сброшенной с пьедестала и разбитой на земле, явилась к нему, властная, юная. Много лет спустя, на склоне своей жизни, Верлен не мог вспоминать равнодушно об этом периоде своей жизни, теперь же новое чувство сразу и совсем овладело им. Только два года отделяют третий сборник Верлена, его «Милую песенку» («La bonne chanson») от «Изящных творений», но какая разница! В «Милой песенке» все светло, все чисто, как и должно быть в свадебном подарке 16-летней невесте. Трудно было даже ожидать, что поэт найдет столь новые звуки на своей лире, столь новые краски на своей палитре. Нельзя отказать себе в удовольствии привести одно из этих произведений.

Луной прозрачной
Лес озарен;
От каждой ветки
Исходит стон,
Чуть долетая...
О дорогая!
Зеркальной гладью
Недвижен пруд;
И в отраженья
Не шелохнут
Его водою...
Мечтай со мною!
Полны и нежны
О счастье сны
Как будто сходят
Из вышины
Росой мерцанья...
Вот час мечтанья⁷.

Интересно еще первое⁸ стихотворение этого сборника, где Верлен, так сказать, намечает путь своей жизни. «Так как заря все разгорается, говорит он, так как вот уже солнце, то довольно злых дум, довольно иронии и тех слов, где звучит голос рассудка и молчит душа. Я хочу, чтобы ваши взоры были моим путеводителем, да! я хочу идти нежной и прямой дорогой; я пойду, куда меня направит судьба, без жалоб, без злобы. буду петь вам... тебе свои песни и не пожелаю иного рая!»

3

Не трудно предсказать, что счастье, о котором мечтал поэт, не должно было оказаться продолжительным. Верлен был способен на порыв, но не на то, чтобы действительно отказаться вполне от прошлого. Да и трудно было найти более противоположные натуры, чем Верлен и его жена. Одна — молодая, «слишком молодая женщина, почти ребенок (как ее описывал впоследствии сам Верлен), такая милая в девичьем, голубом платьице»; другой — страстный, увлекающийся поэт, прошедший свою юность среди «изящных лжецов и милых кокеток» («Изящные творения»), истративший первые желания на оргии, искусственно извративший свои чувства. Может быть, Верлен искренно думал пересоздать свою жизнь, но это оказалось невозможным для его дряблого характера; может быть, искренно любил свою жену, но любил по-своему. «Моя любовь была непонятна для вас, говорит поэт, вы не могли понять мою любовь. Видите, я был прав, говоря в минуту сомнения, что в ваших глазах таится угроза разлуки. Вы отвечали мне тогда — “люблю тебя!”; но настала минута горького торжества, когда я увидел, что был прав». Трудно сказать, кто подал повод к окончательному разрыву, но он наступил слишком скоро для новобрачных, так любивших друг друга. Молоденькая женщина легко покидала того, что был лишь ее первым увлечением, но для поэта разойтись с женой значило расстаться со всеми надеждами новой жизни. Правда, он пытался твердо перенести свою потерю. «Я буду страдать, писал он, как солдат, раненый на посту, что умирает полный любви к своей неблагодарной отчизне. И в самом деле, разве вы не моя родина — столь же юная, столь же безрассудная, как Франция?» (писано после 71 года).

Но все это были только слова. Для того, чтобы быть солдатом на посту, у Верлена не хватало сил. Разрыв с женой, война 70-71 года, осада Парижа, Коммуна — все это одно за другим падало на поэта. Впрочем, его меньше тревожили бедствия родины, чем собственные неудачи. Покинув униженную Францию, не сознавая своего долга остаться в такие годы на родине⁹ или презирая его*, Верлен весь 72 год провел в путешествии (главным образом, по Бельгии и Англии).

В это время Верлен близко сошелся с молодым, едва 20-летним Артуром Римбо. То был по меньшей мере странный человек. Обладая большим поэтическим талантом, он тратил его на необыкновенные, почти невероятные произведения, иной раз прямо лишённые всякого смысла. Презирая толпу, считая ее неспособной понять истинную поэзию, Римбо ревниво охранял свои стихи, и, если б не Верлен, они вероятно не уцелели бы. Когда впоследствии Римбо исчез неизвестно куда, не то умер, не то уехал в центральную Азию изучать тайные науки браминов, не то на юге Франции предался самой прозаической деятельности¹⁰, — Верлен издал с восторженным предисловием несколько произведений своего друга.

Римбо имел громадное влияние на Верлена. Странности и крайности Римбо в поэтической душе Верлена превратились в то новое направление поэзии, которое известно под именем символизма**. В 74 году Верлен издал свой четвертый сборник, известнейшую и лучшую из своих книг «Романсы без слов», которую символисты и декаденты чтут, как некое откровение¹¹. Действительно, 29 [вернее, 23¹²] собранных здесь стихотворений составляют лучшее, что когда-либо писал Верлен. В «Романсах без слов» он стал наконец самим собой.

* Что касается политических убеждений, то они у Верлена очень неопределенны. Он совершенно спокойно отнесся к падению Наполеона и восстановлению республики; Верлен любит иногда похвастаться, что имел некоторое отношение к Коммуне, но в стихах почти нигде не касается современных событий, разве два-три раза решается написать то на смерть принца Наполеона, то к Людовику II Баварскому, «этому королю, единственному королю в наши дни».

** Конечно, не надо считать за символизм только искажение его под пером некоторых поэтов, которых и Верлен называл «цимбалистами».

Отдельные стихотворения этой книги мало чем связаны между собой и каждое представляет самостоятельное произведение. Впрочем, почти все настроены на грустный тон. Душу поэта гнетет тот же образ «маленькой жены, похожей на старшую дочь». Ей посвящено более половины всех стихов книги и целый отдел под названием «Birds in the night» («Птицы в ночи»), где поэт в звучных строфах рассказывает всю историю своей любви и заканчивает обращением к той, которую уже не надеется увидеть, со словами «будьте прощены!»

Кроме этого, в «Романсах без слов» еще 3 отдела — «Пейзажи Бельгии», «Акварели» и «Забутые арийки». Особенно славится последний. Из 9 его стихотворений поэт не решился выкинуть ни одного, составляя в 1891 году свой сборник «Избранных стихов» («Choix de poésies»). Здесь помещено и то стихотворение, которое так же связано с именем Верлена, как например — «Шепот, робкое дыханье» с именем Фета:

Небо над городом плачет,
Плачет и сердце мое.
Что оно, что оно значит
Это унынье мое?

И по земле и по крыше
Шум неумолчный дождя.
Сердцу печальному слышен
Шум неумолчный дождя.

Плачет невнятно ненастье,
Сердца печаль без причин,
Да! ни измены, ни счастья,
Плачет оно без причин.

Как-то особенно больно
Так горевать ни о чем,
Плачу, но плачу невольно,
Плачу, не зная о чем!¹³

Надо сознаться, что однообразный шум дождя действительно очень удачный символ беспричинной тоски. Конечно, в других стихах поэт позволяет себе большие странности, но в «Романсах без слов» они незаметны благодаря тому, что везде блещет талант автора. Примером может служить хотя бы 2-е стихотворение «Забутых ариек», высоко ценимое последователями Верлена. В нем изображены те минуты мечтания, когда воспоминания сливаются с грезами о будущем. Поэту кажется¹⁴, что он угадывает в невнятном ропоте нежный контур давно забытых голосов и бледную любовь — зарю будущего. Хочется не нарушать этой грезы, умереть, пока еще качаются, пока еще смешаны и старые и юные часы. О! умереть на этих качелях!

Впрочем, попадают и стихотворения, совсем лишенные оттенка символизма, написанные вполне просто и ясно. Что касается до дневника путешествий («Пейзажи Бельгии»), то это — ряд живых картинок, где быстро меняются сцены, производя иллюзию беглого осмотра туриста. Вот, например, описание Валькура:

Кирпич, черепица!
О, город укромный,
Приют — чаровница
Для пары влюбленной!

И хмель с виноградом,
И цинтии с маком —
Пленительным садом
Для пьянства гулякам!

Служанки буфета,
Пивные повсюду —
Как дорого это
Курящему люду!

На пристани лодки,
Дороги зигзагом —
Какие находки
Всесветным бродягам!¹⁵

Увы! как далеки чувства, выраженные здесь, от «Милой песенки».

4

«Романсы без слов», имевшие лет 10-12 спустя большой успех, при своем первом появлении прошли незамеченными. После того больше 6 лет Верлен ничего не печатал. Эти годы — самое темное время его жизни. Сюда же относится и двухлетнее заключение Верлена в тюрьме «за оскорбление публичной нравственности»*. В конце этого «смертельного периода» (как его называет сам поэт) — появилась новая книга Верлена «Мудрость», заявлявшая о его возвращении к религии.

Такой поворот в Верлене более или менее понятен. Покинутый женой и друзьями (частью он разошелся с ними перед женитьбой, частью их рассеял 70-71 год), уязвленный своими литературными неудачами, наконец, утомленный той безумной жизнью, которую он вел, — Верлен должен был сильно почувствовать тяжесть одиночного заключения; оно должно было навести его на много мыслей. Ища сострадания и утешения, грешник нашел их у Божественного Утешителя Христа. «Да, конечно, в том больше правды, чем правдоподобности (говорит сам Верлен), что в святыне души этого атеиста, этого развратника, этого безумца — еще сохранилось пресвятое имя Марии». В искренности раскаянья — по крайней мере, первого порыва — нельзя сомневаться. Это-то покаяние, молитвы новообращенного, проклятия прошлой жизни — и содержит «Мудрость».

На первом месте стоит диалог между грешником и Христом. «Должно любить Меня», говорит Господь, но грешник не смеет следовать этим словам, считая себя недостойным. Но Господь вновь и вновь обращается к нему, понемногу глагол Христа начинает смягчать душу грешника; он начинает понимать свое положение и единственный путь к спасению; он молит Бога помочь ему подняться, и Господь снисходит до лежащего в прахе, протягивает ему руку помощи. Грешник встает, потрясенный, обливаясь слезами; он плачет и смеется вместе; он видит сонм ангелов в белых и голубых одеждах, и вот, полный смиренной молитвы, он с трепетом произносит слова Любви, а с неба ему слышится голос: «Бедная душа, вот то, о чем говорил Я!»

Диалог занимает 10 сонетов. В нем многое подмечено верно, много образов, говорящих сердцу, но в общем он оставляет самое неопределенное впечатление. Да и вообще вся «Мудрость» не удовлетворяет верующего читателя, по крайней мере, православного. Вряд ли я ошибусь, сказав, что причина этому — стиль, язык. Покаявшийся Верлен остался все же Верленом-декадентом. В священных книгах, знакомством с которыми он так любит похвалиться, — может быть, он нашел веру, во всяком случае утешение, но он не научился в них простоте. Душа Верлена представляла в это время странную смесь христианства и, так сказать, языческого мировоззрения, оставшегося от прежней жизни. Так, форма стихов — осталась прежней формой символизма. Странные метафоры, которые позволяет себе Верлен, говоря о святыне, — неприятно поражают ухо. В диалоге, например, они встречаются не только в речи грешника, но сам Господь называет себя «всемирным поцелуем», «Новым Адамом, пожирающим ветхого человека», а свою любовь «огнем, который заставляет испаряться безумное тело в благоухании». Когда же грешник говорит Христу: «Любить Вас? да Вы с ума сошли!» — то, хотя это восклицание и заимствовано у блаженного Августина, — все же оно кажется невозможным.

С другой стороны, наивность некоторых произведений кажется преувеличенной, придуманной: «Приподыми немного свою голову!» — Как? это крест! — «Приподыми

* Свое заключение Верлен много раз описывал в стихах и в отдельном сборнике в прозе «Мои темницы».

немного свою душу!» — Как? я верую?». Кроме того, Верлен слишком гордится своим покаянием, слишком выставляет его напоказ — опять характерная черта западного человека. Относясь к своему прошлому с неумолимым осуждением*, Верлен так же проклинает и окружающую жизнь. Целый ряд стихотворений «Мудрости» наполнен упреками, и гимн Божеству постоянно прерывается обличениями. Мало того, теперь поэт совершенно хотел бы отказаться от современности; его сердце теперь не здесь, даже не в той эпохе, «когда Ментенон бросала на очарованную Францию кроткую тень от своего льняного чепчика, когда и ученый и поэт сходились за одной обедней и шли вместе в Отели срывать розы и восхвалять Бога за все его творения». Нет! это был век галликанский и янсенистский! сердце поэта стремится вдаль «к страшным и милым Средним Векам»¹⁷.

Конечно Верлену следовало бы погодить так отречься от окружавшей его жизни: он сам был еще слишком сыном современности. Так уже года через два после «Мудрости» Верлен издал маленький сборник критик, «Проклятые поэты» («Les poètes maudits»), где разбирал трех поэтов, теперь признанных главарями символизма, тогда же совершенно неизвестных (Корбьера, Маллармэ, Римво). Книга эта была написана в стиле панегириков и по тону очень мало напоминала «Мудрость».

«Проклятые поэты» — интересны еще в том отношении, что это была первая книга Верлена, на которую обратила внимание большая публика. Заинтересовались и этими неизвестными поэтами, заинтересовались и самим Верленом. Прочли «Мудрость», которая отвечала религиозному настроению во Франции 80-х годов; книгу нашли прекрасной, а Верлена выдающимся поэтом. То был первый успех после 20-летней незаметной деятельности. Неудивительно, что он вскружил голову Верлену и заставил его поторопиться с новой книгой. В 84 году появилась «Когда-то и Недавно» («Jadis et Naguère»), составленная из немногих новых стихотворений и из ряда старых, еще не напечатанных. «Когда-то» — это до обращения, «недавно» — после покаяния. Это все отголоски «Мудрости» и «Романсов без слов»; поэт только развивает старые темы. Единственное нововведение — стихотворные рассказы во втором отделе, по большей части странные и неестественные**. Вообще с годами Верлен начинает чувствовать себя не удовлетворенным одной лирикой¹⁸. Окрыленный успехами своих последних произведений («Когда-то и недавно» приняли благосклонно), он быстро издал три новых сочинения: комедию «Одни и другие», которую остроумно называют «Изящными творениями», переложенными в диалог (в 91 году поставлена на сцене театра «Водевиль»), и два сборника новелл в прозе — «Луиза Леклерк» и «Воспоминания вдовца», особенных достоинств не имеющие. Далее Верлен переиздал своих «Проклятых поэтов», дополнив их новыми очерками, между прочим и о себе под прозрачным псевдонимом Бедного Лелиана. Кроме того, он начал издавать ряд биографий под общим названием «Герои дня» («Les hommes d'aujourd'hui»), куда тоже вошла биография автора. Самого себя Верлен хвалит осторожно, с легкими упреками, и даже на обложке того номера «Героев дня», где он описал самого себя¹⁹, помещена обычная карикатура. Верлен изображен в виде черта с каменной лирой в руках и с хвостиком, где написано «декадентство».

Все это, конечно, противоречило тону «Мудрости», но более глубокий разрыв с нею был еще впереди.

* Одно стихотворение этого рода переведено гр. Соллогубом («Северный Вестник», 1893, №9)¹⁶.

** Содержание наиболее известного из них («Crimes amoris») следующее. Демоны устроили праздник в честь Семи Грехов. Все пировали, и только один юный демон стоял одиноко в венце из цветов и с глазами, полными слез. Он не слушал своих товарищей, не отвечал на их зов, и печаль наложила черную бабочку на его чело. Видите вы его на самой высокой башне с факелом в руках? Что говорит он своим глубоким и нежным голосом, которого с томлением ждала луна? «Мы слишком страдали — ангелы и люди — из-за вечной борьбы между Добром и Злом! Довольно этой борьбы, слишком равной! Здесь в моем лице Ад приносит удовлетворение Всемирной Любви». Факел падает из его распростертой руки. Пожар застал, золото плавится и течет ручьями, шелк летит клочками, как вата. А он, этот юный демон, гордый собою, произносит род молитвы, пока не раздастся страшный удар грома, что было концом всего. Но жертва не была принята. В ней легко была понята искусственность гордости. И вот здесь же другая ночь, голубая, в тысяче алмазных звезд. Расстилается евангельское поле, суровое и кроткое; все благоухает тайной и молитвой. Но разверзнутся небеса, и сонм ангелов поет пастухам: «Слава в вышних Богу, на земле мир, в человеках благоволение».

Жизнь Верлена давно уже не соответствовала тому идеалу, который он ставил себе в «Мудрости». Часы религиозного экстаза нередко стали сменяться оргиями; прежняя жизнь тянула к себе все сильнее и сильнее. В портфеле поэта собирались произведения самого противоположного свойства.

В это время на Верлена уже было обращено общее внимание, так что всех заинтересовали две новые книги, которые он выпустил почти одновременно в 88 году. То были — «Любовь» («Amour») и «Параллельно» («Parallèlement»). Трудно найти два столь противоположных произведения. «Любовь» — это ряд нежных религиозных элегий, если и менее искренних, чем «Мудрость», если и слишком наполненных теологией, — то все же поэтических и часто художественных²⁰. И критика, и публика приветствовали эту книгу с восторгом. Наоборот, «Параллельно» встретили недоумением. Хотя еще в этюде о «Бедном Лелиане» Верлен заявлял о двойственности своей натуры, от него не ожидали ничего подобного такой книге. Это даже не «Изыщные творения», а «Сатурнические поэмы», но написанные не юношею-подражателем, а истинным циником, приближающимся к 50 годам, посвящающим некоторые свои произведения маркизу дэ Саду. Если в «Любви» язык по большей части простой и ясный, то здесь все безумие символизма и декадентства, доходящее до ненужной и неприятной игры звуками и словами. Что касается до содержания, то, конечно, у меня нет никакой охоты передавать его грязные картины. На мой взгляд, «Параллельно» заставляет сильно сомневаться в искренности как многих стихотворений «Любви», так и других позднейших религиозных произведений. Какова же должна быть в самом деле душа человека, где уживаются и преступления против нравственности, уже приведшие однажды поэта на скамью подсудимых, и гимны Кротости? Алкоголизм (в нем поэт сам сознается) и мистицизм Средних Веков? Для этого именно надо быть современным западным человеком, изломанным, с извращенными чувствами и с душою, где давно нарушено всякое равновесие.

Впрочем, после «Параллельно» жизнь Верлена принимает более спокойный характер. Наибольшее влияние имела на это, конечно, новая любовь, которая «улыбкою прощальной» блеснула на его «закат печальный». На одном из шумных празднеств, ставших за последнее время обычным времяпрепровождением Верлена, он встретил молодую женщину, в душе тяготившуюся окружающей ее жизнью. По словам поэта, они были спасателями друг друга. «Она могла купаться в золоте и лежать на серебре, сотни поклонников спешили исполнить ее малейшее желание», но предпочла, если не бедность, то, во всяком случае, скромную жизнь с любимым человеком. Этой женщине и посвящены последние произведения Верлена: «Счастье» («Bonheur») — сборник католических стихов 1891 г., «Песни к ней» («Chansons pour Elle») и «Мои обедни» («Liturgies intimes») — издания 92 года, «Оды к своей чести»²⁰ («Odes en son honneur») и «Элегии» («Élégies») — издания 93 года*.

В этих книгах «умерли безумные крики греха в нежных звуках Любви» (выражение из «Мудрости»), но вместе с тем везде чувствуется ослабление таланта. Старость большею частью неблагоприятное время для лирики. Верлен начинает повторять самого себя, стих его становится водянистым, похожим на стих Ламартина; на первый план выступают александрийский размер, тогда как в произведениях прежних лет чаще всего встречаются *rhythmes boiteux* — 3-7-9-сложные размеры.

Что касается до содержания, то поэт с подробностями, часто утомительными, рассказывает историю своей новой любви, свои мелкие ссоры и прозаические беседы о деньгах (таковы, напр., все «Элегии»). Много стихотворений, написанных в духе католицизма, но религиозность у Верлена к концу жизни совершенно перешла в мистицизм. Я приведу одно стихотворение в этом роде, интересное еще в том отношении, что оно написано без рифмы, чего тщетно добиваются юные французские декаденты, превращающие свои стихи в рублиную прозу**.

* Замечу кстати, что кроме того Верленом изданы в это время два прозаических сочинения «Мои больницы» и «Мои тюрьмы» и подготовлены к печати 3 новых сборника стихов — «Invectives», «Dédicaces» и «Dans les limbes».

** Таковы, например, многие стихотворения Метерлинка. Верлен еще в «Мудрости» написал одно стихотворение без рифм²².

Вечерня²³

Чуть замолкнул колокол
Посредине Gloria —

В обычный час вечерни
Несут Святое Миро
С торжественным кортежем
Пресвитеров, левитов.

Моросит, и мокрый снег
Засыпает все и всех.

Отдернута завеса:
Свечей нет у престола,
Решетка в черном крепе,
Орган святой безмолвен.

И тумана пелена
В небесах еще бледна.

Зажглись повсюду свечи;
Кропят святой водою,
И сладостные звуки
Уносятся к амвону.

Полон света, из-за туч
Засиял приветный луч.

Gloria. Вновь колокол
Слышен. Аллелуйя.

Бывают минуты, когда Верлен возвращается к далекому прошлому. Это —

Краткий миг воспоминанья,
Где встают былые годы,
Пережитые невзгоды
И минуты упованья.

* * *

Это — дальний образ милой
В голубой ее одежде,
Столь любимый мною прежде
И похищенный могилой²⁴.

И обращаясь к своей первой любви, поэт сознается печально: «Мы оба были виноваты», что, конечно, выше, чем гордое «Будьте прощены» «Романсов без слов».

Длинный и неровный путь прошел Верлен в жизни. Вот светлые надежды юности; вот первая чистая любовь и буря следующих лет, вот покаяние у подножья креста, слава, пришедшая немного поздно, новые сомнения и новая любовь. Все это перечувствовано, мало того, все это воплощено в ряде созданий.

Неудивительно, что на склоне жизни поэт все чаще и чаще начинает задумываться над своей жизнью, своей деятельностью. Ему хочется подвести итоги своим трудам, и этому посвящены многие из последних стихотворений. Поэт чувствует за собою заслуги, но его тревожит вопрос, не были ли ошибками его стихи греха и наслаждений. Впрочем, даже осуждая их, Верлен не хочет отвергнуть их: слишком дороги они ему, так как все, выраженное в них, было когда-то пережито:

Того, что я писал, назад я не беру.
Все это думал я и *было* правдой это.
И сохраню я все до дня, когда умру,
Былым, нетронутым в тревогах новых света.
(«Счастье»)²⁵

Особенно ярко выражена та же мысль в стихотворении, написанном по поводу «Параллельно»:

Это должен был писать я²⁶,
Быть иначе не могло —
Сердца как добро, так зло
Должен в звуках передать я!
Звуки зла не звуки злобы.
Сладострастие одно:
Песни, женщины, вино —
Вот что меньшим быть должно бы!
Красота лица и тела,
Ласки знойной аромат,
Леность, оргий пьяный чад —
Это б мысль забыть хотела!
Боже! видишь — я, тоскуя,
Проклинаю суету;
Ниспошли мне простоту
То желать, чего хочу я.
И тогда, в тот миг высокий
Будут стерты пред Тобой
Вместе с жизнью былой
Необдуманные строки.
(«Счастье», № 26)

6

Здесь, собственно говоря, кончается моя задача, но мне хотелось бы сказать несколько слов о *декадентстве* Верлена.

В «Когда-то и Недавно» помещена маленькая пьеска «Искусство поэзии», где поэт излагает свои взгляды на поэзию и дает советы. Пьеска эта уже не раз цитировалась в русских журналах, поэтому я только укажу на два главных требования Верлена — музыкальности стиха и неопределенности образов: «Нам нужны оттенки, не цвета, а оттенки»²⁷.

Ученики Верлена (лучшим из них называют Шарля Винье) точно следовали его заветам и создали ту безумную поэзию, которую называют декадентской. Но замечательно, что Верлен меньше всех других исполнял собственные правила и остался наиболее умеренным. Кроме «Параллельно» и немногих пьес в других сборниках — он редко позволяет себе большую смелость, чем употребление цветового эпитета для звука (что бывает иногда и у поэтов ничего общего с символизмом не имеющих*), вывертывание сонета, причем сначала ставятся два куплета по 3 стиха, а уже потом 8-стишие, введение 13-14-сложного размера etc. Все это может изумлять, конечно, только французскую литературу, где еще живы предания классицизма.

Из других странностей Верлена укажу на то, что иногда он употребляет обветшалые речения (*escarpolette*, *colonage*), смелые неологизмы (*ereurer*, *les oarystis*), неточные рифмы; как пример оригинальной рифмы приведу стихи —

Il va falloir qu'enfin se rejoignent les
Sept Péchés aux Trois Vertus Théologiques,
Assez et trop de ces combats durs et laids!

* Напр., у Пушкина —

А ночью слышать буду я
Не яркий голос соловья...

Другой пример, где мужские рифмы рифмуются с женскими:

La lune à l'écrivain public
Dispense sa lumière obscure
Où Medor avec Angélique
Verdissent sur le pauvre mur

В «Параллельно» есть еще стихи, имеющие два значения смотря по произношению:

Dame souris trotte...

Нордау упрекает Верлена за его любовь повторять начальный куплет, но это, кажется, можно заметить почти у всех поэтов (ср. «Ночной зефир» Пушкина).

Непонятность Верлена зависит не от того, чтобы он преднамеренно набирал темные образы (как Маллармэ), а от непонятности, исключительности тех настроений, которые изображает поэт. Таким образом, произведения Верлена смело может взять каждый истинный ценитель поэзии, который ищет эстетического наслаждения, впечатлений и образов (я не говорю о таких печальных заблуждениях, как «Когда-то» и «Параллельно»). Конечно, кое-что покажется ему странным, слишком смелым, но талант автора не даст задуматься над этим и, во всяком случае, искупит маленькие недостатки. Что касается до своих лучших творений, как «Романсы без слов», то ими Верлен-поэт создал себе вечный памятник в литературе. Имя его не будет забыто, как имя одного из лучших лириков и как поэта, твердо державшего знамя чистой поэзии в тяжелые годы гонения на нее.

В.Я.Брюсов

Из переводов стихотворений Верлена, созданных в ходе работы над статьей

Начнем плясать²⁸!

Ах, я любил ее глаза:	Но поцелуй ее милей,
Они светлей, чем небеса,	Еще милей душе моей
И в них насмешка ²⁹ и гроза.	С тех пор, как мы расстались с ней.
Начнем плясать!	Начнем плясать!

Она умела без конца	Я не забыл, я не забыл,
Терзать поклонников сердца	Все то, что рок мне подарил,
С улыбкой ласковой лица.	Но этот час всех больше мил.
Начнем плясать!	Начнем плясать!

1 августа <1893 г.>

VII Ariette oubliee

Я грустен, грустен был душою,	Моя душа, душа поэта
Она, она была виною	Лепечет сердцу — было ль то?
И мне забыться не легко,	Возможно ль это? был ли он
Хотя я сердцем далеко.	Тот гордый сон, тот грустный сон? ³⁰
Хотя я сердцем и душою	Душа лепечет сердцу: я ли
Простился с радостью былою,	Пойму, что ждет в коварной ³¹ дали —
Но мне забыться не легко,	Быть вместе, хоть и далеко,
Хотя я сердцем далеко,	Хотя б бежавши от всего?

22 авг. 93³²

Ariettes oubliées, II

В неясном ропоте я угадываю легкий контур былых голосов, а в музыкальном сиянии — бледную любовь, зарю будущего.

И моя душа, и мое сердце в бреду — теперь, как двойные взоры, где трепещут в ненастном дне арийки, увы, всех муз.

О, умереть бы этой одинокой смертью, пусть удалится все, что пугает тебя, моя любовь, качая юные часы вместе со старыми.

О, умереть бы на этих качелях.

Из Верлена. «Sagesse».

Небо над крышею этой
Сине и нежно.
Ветки над крышею этой
Спят безмятежно.

Боже мой! — мир предо мною
Тихо³³ — прекрасен.
Города голос за мною
Кроток и ясен.

Благовест (на небе где-то)
Чуть долетает.
Птица (на дереве где-то)
Песней рыдает.

— Ты! что в слезах предо мною!
Юный мечтатель,
Юность, признайся с тоскою,
Как ты истратил?

27 авг. 93 г.

* * *

Целуя клавиши, прелестная рука
По будуару льет неверное мерцанье,
Как говор лепестков звучит издалека³⁴,
А воздух дремлющий, но полный обаянья
Плывет рассеянно, испуганно слегка,
Еще тая в себе ее благоуханье.

Что значит отблесков внезапная волна,
Которая меня ласкает сладострастно?
Что надобно тебе, звучащая струна?
Что хочешь от меня — ты, аромат неясный,
Плывущий умирать у этого окна,
Приотворенного — на волю, в сад прекрасный?

28 августа 93.

Из Верлена³⁵

Я одного прошу — любви, любви, любви!
Смири хотя на миг безумные порывы.
Любовница должна и с пламенем в крови
По временам бывать сестрою терпеливой.

Будь нежной, как сестра, и лаской молчаливой
Агонию страстей в душе останови,
Объятья жгучие, стенания твои
Искупит поцелуй, хотя бы даже лживый!

Пускай в душе твоей звучит желаний рог,
Забудь волнения охотничьих тревог!
Вот здесь вдали от них фиалка, незабудка...

Склонись ко мне на грудь, сорви тот василек,
И клятвы говори, пока взойдет восток.
И плачь со мной всю ночь, о страстная малютка!

Февраль <1894 г.>

Из Верлена. «Mon rêve familier»

Мне часто видятся чарующие грезы:
Со мною женщина и я люблю, любим;
Но образ каждый раз в мечтах неуловим
И тот же он и нет, а с ним весна и розы.

С ним счастье и любовь; то дивный Серафим
Ниспосланный ко мне в темницу душевной прозы!
Та женщина близка страданиям моим,
Она, поняв меня, со мной роняет слезы³⁶.

Брюнетка ли она? блондинка? — я забыл.
Как имя? — помню я, оно нежно³⁷ и звучно,
Как то, что для меня с прошедшим неразлучно.

Я помню взор ее — взор статуй — он застыл,
Но голос — молодой — далекий и воздушный —
Созвучен тем³⁸, что жизнь забыла равнодушно.

19 февраля <1894 г.>

Примечания

Источник публикации статьи «Полю Верлен и его поэзия» указан выше в примеч. 4 к вступительной статье. При публикации сохранены характерные особенности авторской пунктуации и передачи французских имен собственных.

За статьей в хронологическом порядке помещены наиболее интересные из брюсовских переводов Верлена, выполненных в месяцы работы над статьей, но не включенных в нее и не опубликованных в данной редакции самим Брюсовым. Переводы печатаются по беловому автографу, а при отсутствии такового — по последнему слою позднейшего из черновых автографов (архивные шифры см. в §3 вступительной статьи). В переводах из «Романсов» не учитывалась, однако, позднейшая карандашная правка, произведенная уже при подготовке отдельного издания 1894 г. Задача проследить творческую историю переводов не ставилась, поэтому из вариантов в обязательном порядке приводятся лишь параллельные, выбора между которыми переводчик так и не сделал. Заглавия переводов даны в той форме, какую они имеют в рукописях. Непроставленные переводчиком знаки препинания в конце строк восполнены по аналогии с пунктуацией французского оригинала (по упоминанию в статье «Choix de Poésies»).

1. Более полно цитата из книги М. Нордау «Вырождение» (СПб., 1892. С.172) приведена в отброшенном беловом автографе начала статьи: «<...> во французской литературе вряд ли есть произведение, способное выдержать сравнение с «Осенней песенкой» Верлена и <...> некоторые его произведения (например, «Il pleure dans mon cœur...») могут считаться по праву жемчужинами лирики» (47, 10, л.52).

2. Этот «совет» — не что иное, как первое четверостишие сонета Бодлера «Эпиграф к осужден-

ной книге». Сразу после окончания первой черновой редакции статьи Брюсовым записаны два варианта стихотворного перевода этого четверостишия: «Наивный человек добра // Брось эти отблески Сатурна — // Здесь только оргий голос бурный. // Страстей разнузданных игра»; «Мирный читатель идиллий — // Правды искатель безбурной, // Брось эту книгу Сатурна, // Оргий и тщетных усилий» (2, 8, л.71). Цитата в беловике статьи объединяет начала обоих переводов, концовки же, очевидно, не удовлетворили переводчика, поскольку и в плане сборника переводов Верлена (2, 10, л.87 об.) этот «эпиграф» предполагалось дать «в прозе».

3. Перевод заключительного трехстишия сонета «Lassitude». Ср. более вольную передачу тех же строк в публикуемом ниже полном переводе, выполненном вскоре по завершении статьи.

4. Перевод стихотворения «Voeu», под заглавием «Сонет» включен в первый выпуск «Русских символов». В автографе (2,7, л.48) показательный вариант «С улыбкой девочки...», отражающий колебания в определении синтаксической подчиненности обособленного сравнительного оборота «comme un enfant».

5. Вставка отсутствующего в заглавии сборника артикля, отличающая беловой автограф от черновых, свидетельствует, что в процессе перебеливания текста Брюсов уже не обращался к оригиналам Верлена. Ошибочный перевод (во вступлении к изданию «Романсов...» исправленный) связан, очевидно, со смешением слов «fêtes» и «faits».

6. Из стихотворения «En sourdine». Приводим перевод начальных строф, очевидно, не удовлетворивший Брюсова: «В полутени немой // От спутанных ветвей // Наполним трепет свой // Молчанием теней. // Сольем свои сердца // И молодой порыв

// С истомой без конца // Акаций и олив» (2, 7, л.48).

7. Перевод шестого стихотворения сборника, «La lûpe blanche...»; включен Брюсовым во второй выпуск «Русских символистов». В первом, незаконченном наброске перевода (2, 8, л.66) — вариант второй строфы: «Все отражает // Зеркальный пруд // Ив силуэты // Вдали встают». В законченном черновом автографе (там же, л.89 об.) — не зачеркнутый параллельный вариант строк 13-15: «И мнится — сходят // Святые сны // Полны и нежны...».

8. Пересказываемое далее стихотворение занимает в «La bonne chanson» четвертое место.

9. Это высказывание, равно как и следующее примечание Брюсова, не вполне точно характеризуют отношение Верлена к Парижской Коммуне и причины его «путешествия» 1872 г., см.: Балашов Н.И. Верлен // Краткая литературная энциклопедия. М., 1962. Т. 1. Стлб. 929-930; Эткинд Е.Г. Лирика Поля Верлена // Верлен П. Лирика. М., 1969. С.17-18. Однако данное высказывание примечательно как формулировка собственной позиции Брюсова по отношению к переживаемым родиной поэта социальным потрясениям. Эта ранняя декларация была позднее полностью подтверждена его поведением не только в 1917 г., но и в 1905 г., когда Брюсов, путешествовавший по Швеции, узнав о начале в России всеобщей забастовки, «тотчас же <...> достал билеты в обратный путь» (Брюсова И.М. Материалы к биографии Валерия Брюсова // Брюсов В.Я. Избранные стихи. М.;Л., 1933. С.138).

10. К моменту написания статьи Рембо уже почти два года не было в живых. Версии, излагаемые Брюсовым, хорошо отражают общий характер легенд, слагавшихся вокруг этого поэта. Молодого Брюсова Рембо, по-видимому, привлекал не своими поэтическими свершениями, а именно «странными и крайностями» своего облика и поведения. Отношения Рембо с Верленом затронуты в упомянутой во вступительной статье драме «Декаденты», а на заднем фоне законченной в марте 1894 г. рабочей тетради №7 (2, 10) среди «планов на лето» значится: «Поэт (Римбо). Безумство творчества. <...> Год — в день до 4 стихотворений etc. Пишет, говорит — образы, рифмы, звук. Помешался <...> все твердит стихи. Состояние его психологически».

11. Во вступлении к своему переводу «Романсов...» Брюсов, сохраняя принципиальный характер оценки сборника, уже не ограничивал его значение рамками лишь одного литературного направления: «Хотя «Романсы без слов» и прошли в свое время незамеченными, они были *откровение для поэзии*, первой книгой вполне выраженного, но еще не искаженного символизма» (с.Ш. Курсив мой. — С.Г.).

12. С таким же разночтением встречаемся и в материалах по подготовке «Сборника стихотворений» Верлена: под планом книги подсчитано, что в нее включено 94 стихотворения, а в проекте объявления о ее выходе названа цифра 100. Разница в 6 единиц в обоих случаях объясняется колебаниями в трактовке отдела «Birds in the night» из книги «Romances sans paroles». В отличие от прочих отделов той же книги, стихотворения этого отдела не были Верленом пронумерованы, что создавало возможность их воспри-

ятия и как цикла из 7 самостоятельных произведений, и как единого неделимого произведения. Колебания Брюсова в выборе одной из этих трактовок отражают начальный период его собственного понимания цикла и сборника как особых поэтических структур.

13. Третья из «Забывтых ариетт», впервые была переведена Брюсовым еще 13 декабря 1892 г. Перед текстом перевода позднее вписано: «В те времена у меня еще не было сил перевести этого перла поэзии Верлена» (14, 3, л.38). Во второй черновой редакции статьи Брюсов, процитировав это стихотворение, писал: «Здесь уже вся система символизма. Изображая едва уловимые настроения, поэт видел недостаточность обычных средств поэзии, и вызывая ряд образов, старается как бы загипнотизировать читателя, внушить ему то или другое настроение. Наиболее ярким образцом такой поэзии критики считают стихотворение, помещенное в отделе «Акварели»» (2, 9, л.35. Дальше должен был следовать перевод стихотворения «Spleen»).

14. Ср. данный пересказ с публикуемым ниже прозаическим переводом этого стихотворения.

15. Этот вариант перевода существенно отличается от включенного позднее в «Романсы без слов». Приводим наиболее расходящиеся строки — 6-7: «И лютики с маком // Заманчивым садом»; 9-11: «Большие пивные, // Служанки повсюду, // Всегда дорогие»; 13-16: «Готовые лодки, // Пристанца докеров — // Какие находки // Для нас, агасферов!»

16. Брюсов имеет в виду ранний вариант перевода стихотворения «Le ciel est, par-dessus le toit...», переизданный в кн.: Сологуб Ф.К. Стихотворения. Л., 1979. С. 573-574 (Библиотека поэта. Большая серия). Придание Сологубу графского титула и соответствующее титулу написание его фамилии через два «л» показывают, что автор перевода был в это время еще совершенно неизвестен Брюсову. Зато достоинства перевода Брюсов, видимо, оценил сразу, свидетельством чему — его отказ от включения в статью собственного перевода этого же стихотворения, выполненного буквально накануне выхода сентябрьского номера журнала. На полях автографа (публикуется ниже) сохранилась его помета: «Не надо» (2, 8, л.85). Лишь пять лет спустя Брюсов вернется к своему переводу и опубликует его уже в новом варианте: Южное обозрение. 1899. 24 мая.

17. Брюсов пересказывает здесь IX и X стихотворения из первой части «Sagesse».

18. Пространные стихотворные произведения Верлена, видимо, не слишком очаровывали Брюсова. В рабочем экземпляре книги «Bonheur» (Книги, №573) на полях стихотворения IV читаем: «Заметь: уже не символы (последнее слово может быть прочитано и как недописанное «символи<зм>». — С.Г.), а просто рассуждения, что много слабее» (р.9). Против строк 29-33 стихотворения XXII той же книги записано: «Рассуждения; в стихах не стало пластичности» (р. 79). Начав 13 августа 1893 г. перевод «Bonheur», XV, Брюсов, переведя первых 13 стихов, затем проставил в рукописи: «etc. (всего 100 стихов)», — после чего ограничился переводом лишь трех заключительных стихов (2,8, л.76). В 1911 г. Брюсов, поместив в основном тексте собрания своих переводов

из Верлена под заглавием «Отрывок» небольшой фрагмент стихотворения «Un conte», в примечаниях скажет про стихотворение в целом: «Оно довольно длинно» (Верлен П. Собрание стихов. М., 1911. С.176).

19. Эта брошюра имелась в библиотеке Брюсова и была им обыграна в письме к Верлену и в наброске дарственной надписи на «Романсах», см.: Брюсов В.Я. Письма из рабочих тетрадей // Литературное наследство. Т.98. Кн.1. С.641-642, 571.

20. Несколько иная оценка книги дана во второй черновой редакции статьи: «Теология занимает здесь меньше места, чем в "Мудрости", зато здесь больше простоты, даже, пожалуй, чувства» (2, 9, л.39 об.-40).

21. Эта ошибка в переводе заглавия, возможно, свидетельствует о том, что во время работы над статьей Брюсов еще не был знаком с самой книгой, иначе он вряд ли бы ошибся в определении адресата од. В мартовском плане сборника переводов Верлена из всех названных здесь книг учтены только «Счастье» и «Элегия».

22. В статье 1905 г. «Фиалки в тигеле» Брюсов выдвинет важную концепцию семантической природы принципов стихосложения и рифмовки у Метерлинка, см.: Брюсов В.Я. Собр. соч. М., 1975. Т.6. С.107-109. Проявившаяся же в словах о «рубленной прозе» общая недооценка стиховых исканий французских поэтов 1880-1890-х гг., в том числе и верлибра, еще не осознаваемого Брюсовым как особая система, тесно связаны с тогдашним брюсовским пониманием природы силлабического стихосложения и роли рифмы в этом стихосложении, см.: Гиндин С.И. Взгляды В.Я.Брюсова на языковую приемлемость стиховых систем и судьбы русской силлабики: (По рукописям 90-х годов) // Вопросы языкознания. 1970. №2. С.102-103.

23. Перевод XXIII-го стихотворения книги «Счастье» «Après le départ des cloches...» В подлиннике, как и в переводе, «без рифм» написано не все стихотворение — разделяющие двустишия зарифмованы. В автографе перевода (2, 3, л.89; 3 сентября 1893 г.) вариант стиха 17: «И праздничные звуки».

24. Начало стихотворения «Puis, déjà tres anciens...» («Bonheur», VI). Прочитывая вторую строфу этого стихотворения в черновике письма Верлену, написанном в дни начала работы над второй редакцией статьи и пьесой из жизни Верлена (см. выше примеч. 18 и 22 к вступительной статье), Брюсов тем самым указал на это стихотворение как на один из источников, по которым он реконструировал жизненную драму французского поэта. Проницательно угадав тождество героини стихотворения с героиней «La bonne chanson» — Матильдой Моте, Брюсов при переводе, однако, спроецировал произведение на события своей жизни. Так, привнесенный им во вторую строфу мотив смерти возлюбленной (М.Моте пережила Верлена) — отражение собственной тяжелой утраты, смерти его первой возлюбленной Елены Красковой (май 1893 г.). Недаром перевод первого четверостишия был затем поставлен эпиграфом к шестой тетради дневников «Моя жизнь»,

охватившей время с 21 ноября 1892 г. по 12 мая 1893 г. и озаглавленной «Леля» (1, 12/1, л.1).

25. Первая строфа XVII стихотворения из этой книги («Rompons! Ce que j'ai dit je ne le reprend pas...»).

26. Укажем на определенную переключку начала этого перевода с позднейшим брюсовским стихотворением «Должен был...», посвященном теме объективной предопределенности направления пути и характера свершений поэта, см.: Брюсов В.Я. Собр. соч. Т.2. С.96. Затронутая же в этом переводе тема правомерности обращения художника к изображению теньевых сторон жизни станет четыре года спустя одним из центральных предметов полемики Брюсова со второй частью трактата Л.Н.Толстого «Что такое искусство?», см.: Гиндин С.И. Эстетика Льва Толстого в восприятии и эстетическом самоопределении молодого Брюсова // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1987. Вып.46. С.20-22. В автографе перевода (2, 8, л.84; 27 августа 1893 г.) вариант стиха 8: «Вот что прошлым быть должно бы!»

27. О роли этого верленовского тезиса в поэзии и теоретических поисках Брюсова см.: Брюсов В.Я. Письма из рабочих тетрадей. С.642; Гиндин С.И. Небывалые тропы, или Реорганизация семантики всего текста? // Studia o tropach. Wrocław e.a., 1992. II. S.142-143.

28. Перевод стихотворения «Streets, I» из «Романсов без слов».

29. Над строкой — вариант: И в них всегда молчит гроза.

30. На полях автографа — помета Брюсова: «Гордый, ибо он сам ушел от нее, видя, что она его не любит».

31. Зачеркнут вариант: туманной.

32. Перед автографом первого перевода этого стихотворения, выполненного 16 декабря 1892 г., Брюсовым позднее вписана оценка, относящаяся и к публикуемому переводу: «Тоже неудачно переведено летом 93» г. (14, 3, л.39 об.)

33. Зачеркнут вариант: «мирно». Ср. примеч. 16.

34. Предыдущий вариант строки, зачеркнутый чернилами: «И будто крыльев шум летит издалека». Вариант, приведенный нами в тексте, также зачеркнутый, но уже карандашом, является последним из законченных. Новые варианты перевода, намеченные карандашом на полях, не были автором завершены.

35. Перевод сонета «Lassitude»; беловой автограф записан под стихотворением, датированным 16 февраля 1894 г. Ср. более точный перевод второго tercета, приводимый Брюсовым в статье.

36. На полях параллельный вариант: «мои осушит».

37. Над строкой параллельный вариант: «светло».

38. На полях параллельный вариант: «напомнит все».

Публикация, подготовка текста и примечания С.И.Гиндина.

Е.Толстая

«Вдохновенный дидакт» и «симпатичный талант»

Аким Волынский о Чехове

В духе феноменальной невезучести, сопровождавшей его повсюду в жизни, и теперь, чуть ли не семьдесят лет спустя, Аким Волынский¹, видимо, вернется к русскому читателю последним из плеяды русских критиков — «властителей дум» начала века. Пока что переиздана всего одна его книга (Книга ликований: Азбука классического танца. М.: Аргист. Режиссер. Театр. 1992; впервые — Л., 1925). Его критические труды — «Русские критики», «Леонардо» и «Достоевский» — остаются библиографическими редкостями; газетные и журнальные статьи до сих пор не собраны, не говоря уже о неизданных его материалах. Лишь в последнее время профессор Стэнли Рабинович (Амхерст, США) издал переписку Волынского с Зинаидой Гиппиус и неопубликованную мемуарную заметку о ней² и впервые на английском языке дал оценку его литературной деятельности³.

До сих пор в академическом дискурсе о Волынском не преодолена инерция извиняющегося тона, до сих пор живы традиционные легенды, сводящиеся к четырем основным: Волынский «только отрицал»; он нападал на своих единомышленников; он плохо писал по-русски; а главное, он зачем-то применял к литературе сухой и чуждый ей философский критерий.

Сам феномен Волынского: полный успех его идей, правота которых выяснилась очень скоро, и такой же полный провал его самого, так сказать, в плане литературной социологии; редкая зоркость и пророческий дар в оценках — и неприкаянность в литературном процессе — вызывает к внимательному рассмотрению.

Аким Львович Волынский (Хаим Флексер, 1863-1926) пришел в русскую журна-

листику из еврейской и принес с собой память о крайнем радикализме и гордом достоинстве первого в России палестинфильского органа, петербургской газеты, «Рассвет» (1882-1884), где он сформировался, и о конфликте в более умеренном, ассимиляторском журнале «Восход» Адольфа Ландау из-за слишком универсалистских взглядов Волынского, сбивавшего вокруг «Восхода» поэтическую группу из своих друзей — и евреев, и русских. Неудача их общей платформы либерализма и надконфессиональной религиозности (а сочетание либерализма и религии в ту эпоху, как, впрочем, и в некоторые другие, казалось противостественным) ничему Волынского не научил.

В конце 1880-х годов Волынский вместе со своим другом Мережковским влились в кружок «Северного вестника» А.М.Евреиновой — группу пожилых уже народников, как раз тогда вовлекавшую молодежь: Гаршина, Короленко; в это же самое время в «Северном вестнике» начинает сотрудничать Чехов. Чехов выступил в журнале с сатирой на старых радикалов, Мережковский с революционной по тому времени статьей, защищающей чеховскую бестенденциозную прозу, а Волынский — с резкой рецензией, в которой критиковался автор, близкий к редакции. В журнале произошел раскол, издательница взяла сторону молодежи (отчасти из-за несогласия с Михайловским за его резкую критику Толстого), о чем ей вскоре пришлось пожалеть. Народники во главе с Н.К.Михайловским покинули редакцию, радикальная пресса объединилась с «патриотической» (которая и раньше преследовала Евреинову за поддержку поэтов-евреев Минского и Надсона, а теперь совершенно распоясалась) в священной травле «Северного вестника», и несчастный, попытавшийся быть независимым и культурным

журнал шел ко дну, теряя подписчиков; тогда Чехов уехал переждать кризис на Сахалин, а журнал перешел в руки группы Волынского. Чехов по возвращении все более отдаляется от журнала, и конце концов переходит в стан врагов «Северного вестника» — «радикальную», а на деле эклектичную «Русскую мысль».

В «Северном вестнике» Волынский на свой страх и риск предпринимает «переоценку ценностей», под улюлюканье справа и слева пытаясь привить русскому читателю вкус к вечным ценностям духа — философии, религии, эстетике, на манер Мэтью Арнольда уча его не удовлетворяться злободневной тенденциозностью и натуралистическим правдоподобием. Другие его ориентиры со второй половины 1890-х гг. — это Джон Рескин и особенно Уолтер Пейтер (Патер). Параллельно Мережковский пытается делать то же самое, и тоже без малейшего успеха, пока не овладевает беллетристической формой и не переходит к синтезу критики и беллетристики. В 1891 г. Волынский нападает на возненавидевшего его Михайловского; тот в какой-то речи противопоставил «честность» — таланту: Волынский, заступаясь за талант, перепечатал отрывок из романа, который начал писать Михайловский, — сочинения, действительно, на редкость бездарного⁴. Последовала все ужесточающаяся полемика, приведшая к публичному оскорблению Михайловским Волынского: попытка примирения не поправила дела. Вслед за Михайловским, придравшимся к одному выражению Волынского, вся пресса, в особенности антисемитская, принялась издеваться над критиком. Именно тогда Волынский написал первую свою серьезную литературную работу — «Нравственная философия гр. Льва Толстого»⁵, наверно, пытаясь противопоставить легкомысленным наскокам Михайловского вдумчивый анализ толстовской метафизики. Даже друзья Волынского осудили его за полемику с Михайловским. В лекции 1892 г. «О причинах упадка и новых течениях современной литературы» Мережковский уничтожающе отзывался о нем, как о «случайном пришлеце». Волынский, не удовлетворяясь, как Мережковский, импрессионистскими штрихами, а желая исследовать исторические причины современного упадка литературы, начал на всю русскую критику в целом, начиная с Белинского. Главной его претензией к ней было отсутствие серьезной философской базы. (Вспомним: Волынский — не только выпускник историко-философского фа-

культета, знаток Спинозы и Канта, но, в первую очередь, он бунтарь-просветитель в своем собственном средневековом, традиционном социуме, а его «философия» — охранная грамота и знамя в борьбе с догматикой, как в XVIII веке). На деле Волынский требовал от критики мировоззрения, признающего существование внепартийных, метафизических ценностей, — кто-то назвал его критику «теологической». Он считал утилитарную, тенденциозную литературу симптомом буржуазности и пророчески призывал идти навстречу будущему, к духовной эволюции, к новому человеку.

В 1893 г. он начинает публиковать скрупулезнейшие литературно-исторические очерки⁶, рисуя историю русской критики как борьбу ее с русской поэзией, борьбу с Пушкиным. «Русские критики» — своего рода утопия, реконструирующая старые споры и дающая выговориться побежденным. Волынский объясняет, как Белинский вслед за Бакуниным не понимал Гегеля, пытается реабилитировать «Выбранные места из переписки с друзьями», подробно выслушивает Юркевича и Петра Лаврова, на которых нападали Чернышевский и Антонович, углубляет писаревский анализ образа Базарова — с опорой на Страхова. Уже в «Русских критиках», «отрицая», он и «утверждает», выдвинув на первый план фигуры Достоевского-критика, примирившего русскую поэзию с русской гражданственностью, и Герцена, сочетавшего вольнолюбие с идейным адогматизмом. Некоторые главы «Русских критиков», читаются как роман о литературе, предваряя этот жанр. Среди немногих, по достоинству оценивших «Русских критиков», были Розанов, расцеловавший за нее автора, и И.Ясинский, писавший о прекрасном русском языке и благородном, строгом духе этой книги⁷. В начале века среди соросников Волынского в молодом поколении критиков — Корней Чуковский и Вс.Чешихин-Ветринский.

В середине 1890-х годов «Северный вестник» в долгах, но подписка растет. Критика Волынского, роман Мережковского, стихи Гиппиус, Сологуба, Бальмонта определяют лицо журнала. Журнал чутко откликается на европейские новинки, выбирает первоклассных авторов для переводов. Этот период ознаменован сближением Волынского и З.Гиппиус, причем Волынский в роли духовного водителя: ее интригует его суровый максимализм. Их диалог о любви, Боге и красоте проходит

под знаком Достоевского (не зря и Гиппиус дает персонажу своей новеллы, в котором угадывается Волынский, имя «Кириллов»⁸): из горнила этих отношений Волынский выходит открывшимся для эстетических восприятий, а Гиппиус — серьезным поэтом. Кульминация конфликта — это поездка Волынского с Мережковскими в Италию в 1895 г. (описанная Гиппиус в рассказе «Зеркала»⁹), когда поэтесса ставит на карту свою семейную жизнь; Волынский, однако, с ней порывает. Мережковские вскоре отходят от журнала, читательский интерес к нему падает, и 1898 г. «Северный вестник» прекращает свое существование.

Все девяностые годы Волынский ведет борьбу как с традиционным бытописанием, так и с литературной модой: он изобличает Золя в антихудожественности, он ревниво следит за первыми авторами русского модернизма, печатая их в собственном журнале, но жестоко и небезосновательно критикуя — в основном за безвкусицу и грубость. Серьезнее его отношение к творчеству Гиппиус; в нем его тревожит смешение высших духовных и отталкивающе низменных или тривиальных импульсов — амбивалентность, неспособность выбора между двумя началами¹⁰. (Эта идея разовьется в творчестве Мережковских в миф «Чорта» — быта). Живую загадку декадентства Волынский решает через проникновение в атмосферу Ренессанса: искусство его он видит как смешанное, нечистое, языческо-христианское, отталкивающее и соблазнительно натуралистическое и лишнее духовности. Монография о Леонардо¹¹ — оригинальнейшая вещь, с блестящими наблюдениями и смелыми демистифицирующими выводами — выводит Волынского к глубинной проблеме искусства — его зависимости от темных стихий. На дионисийские экстазы, провозглашенные Ницше, влюбленный в христианский поиск Толстого¹² Волынский возражает, что новое время дало иные способы восполнения жизненных сил, способы Сократа, Будды, Христа: речь идет о победе света и гармонии над хаосом¹³. Волынский отдает искусство в монопольное владение Аполлона, провозглашая его грядущее царство лет за десять до возникновения одноименных московского издательства и петербургского журнала. Ответом на вопрос о возможности современного идеалистического искусства является цикл работ Волынского о Достоевском, созданный на рубеже веков¹⁴.

Отталкивается он отчасти от Розанова, возможно, и от Мережковского, соперничество с которым окрасило все девяностые годы; о несамостоятельности как мыслителя, о компиляторском характере его трудов Волынский не перестает упоминать. В середине 1890-х гг. Волынский первым ввел дихотомию декадентства и символизма, но в конце века Мережковские, забыв ницшеанские соблазны и «красоту», приближаются к православию в церковных его формах и подхватывают осуждение «декадентства». Тогда Волынский декадентство реабилитирует как необходимый этап свободного духовного поиска, разрушающего догмы и предшествующего устремлению к новому, неведомому идеалу. Его трактовка Достоевского также полемична: если Мережковский понимает Достоевского как путь, выводящий национальное сознание к церкви, то Волынский подтрунивает над правоверием Мережковского, противопоставляя свою концепцию Достоевского с его сложным, глубоко личностным и полностью адогматическим религиозным видением. Еще в «Леонардо» Волынский увлекается языком пластики, расшифровкой символики физического облика в искусстве. У Мережковского в идее о Толстом — «тайновидце плоти» мы находим следы этих, возможно, вначале совместных увлечений. Волынский рисует именно Достоевского тайновидцем плоти, блестяще дешифруя загадочные места его писаний именно как символизм тела. Вообще взгляды Волынского и Мережковского оказываются так тесно перепутанными, что это тема для отдельной работы. Прямо продолжает Волынского в начале своего критического пути и Андрей Белый¹⁵. В критическом творчестве Антона Крайнего (Гиппиус) также слышится эхо его идей и оценок. (Сам этот псевдоним как бы объединяет мягкую пластичность и совесть с духовным экстремизмом, Чехова с Волынским). Волынский оказывается пророком: возврат к идеализму, за проповедь которого он подвергался гонениям, торжествует в начале века в платформе «Нового пути»; статьи Волынского буквально переписываются десятками страниц, без всяких ссылок, в особенности его работы о Достоевском¹⁶. При этом молодое поколение не забывает напомнить ему, что он пережил себя и не смеет претендовать на роль в современной литературе¹⁷. Волынский расплачивается за утрату журнала, который, как он думал, сделал свое дело и больше не нужен. Его печатают только газеты («Петербургская газета», «Биржевая

газета»). Монографии, которые он выпускает в это время одну за другой, не имеют такого живого резонанса и той аудитории, что раньше. К середине 1900-х гг. он полностью усвоен, переварен и отброшен — фактически выброшен из литературного процесса.

Впрочем, он давно уже занимается иконописью, археологией культов, исследует литургическое происхождение театра — т. е. развивается параллельно Вяч. Иванову. Он влечется к театру: пытается бороться с натурализмом МХТ за театр «театральный», страстный, идеалистический (опережая модернистские настроения); в 1905 г., до прихода Мейерхольда, заведует литературной частью в театре Комиссаржевской, даже пробует свои силы в режиссуре (под его идейным руководством в 1905 г. ставится «Строитель Солнечес»). В 1909 г. он увлекается балетом и вскоре становится ведущим балетным критиком. Но лишь в 1916 г. («все ушли на фронт») Вольтинский начинает заведовать литературным отделом «Биржевых ведомостей».

Однако, настоящее возвращение его в литературу происходит в ранние 1920-е гг. Хотя он стоически убежден в необратимости внешних изменений, происшедших в России, в своем идеализме он продолжает упорствовать. Эмигрировать ему не удается; он становится председателем Всероссийского Союза писателей, работает в редколлегии «Всемирной литературы», а самое главное, обретает аудиторию в качестве странного, героического пророка непонятной религии, в которой Аполлон отождествляется с Христом. Намеки на нее маячат в ранней прозе Вагинова, и не Вольтинский ли стоит за Тептелкиным из «Козлиной песни» (единственная цитируемая фраза из книги, которую пишет Тептелкин, подозрительно похожа на цитату из «Книги ликований»). Он фигурирует в качестве персонажа уже у И. Ясинского и Гиппиус в 1890-х гг., а в новой роли «последнего интеллигента», нищего, но героически не сдающегося, более того, гуманного и к своим теснителям — «новым людям» — у Федина («Братья», «Города и годы») и Шагинян («Перемена») в 1920-е гг. и, наконец, у позднего Жаботинского («Пятеро», 1936). Смешная и патетическая фигурка Вольтинского, описанная писателями 1920-х гг., намечает координаты «мандельштамовского» образа — до культа Мандельштама 1960-1970-х гг. В 1923-1924 гг. он много пишет в «Жизни искусства», увлекается «Габимой» и создает некую

сравнительную типологию русской и еврейской культуры, проведя ее через такие излюбленные им темы, как жест, интонация, мимика, быт, семейные отношения¹⁸. Это его «Афины и Иерусалим». Странная концепция, в которой евреи оказываются единственным живым народом, донесшим до сегодняшнего дня память о средиземноморской античности, удивительно перекликающаяся с другим постсимволистским построением — а именно, с джойсовским выбором еврея в качестве носителя античного начала. И, наконец, к концу жизни он научается волшебным образом останавливать движение и создает удивительные образцы визуальной прозы. Б.Эйхенбаум намекал на загадочность его предсмертной «фанатической и фантастической» концепции духовной эволюции человечества¹⁹; о деталях ее — «фаворских кругах» внутри человека и восхождении к духу обмолвилась О.Форш²⁰. Что это: еще один вариант антропософии? Ведь и теории танца Вольтинского во многом напоминают о Далькрозе, о Дункан; известно, что он увлекался и теософией — Федоровым. Ответ на этот вопрос, наверно, лежит в его неопубликованных вещах.

Гадая о причинах несозвучности Вольтинского не оценившей его культуре, наряду с обвинением в негативизме приходится отбросить и версию о еврейском его акценте (он даже и в ранних статьях неощутим) и плохом языке; его фраза 1891 г. о «новой мозговой линии» и «новой душевной складке», на все лады склонявшаяся в печати, останется единственным примером — и то даже не еврейского акцента, а излишней экспрессивности критика, явно много читавшего на иностранных языках, в которых норма более раскована. Раздражало другое — то, что Мережковский в лекции 1892 г. определил как «сухость». На поверку эта сухость оказывается чертой не внешней, а внутренней: за его критикой всегда стоит внеположный критерий — требование «философии», или «идеализма», или «новых чувств»: требование не душевности, а духовности. Но русская критика всегда была только идеологией групповых платформ, с опорой на эмоции, а не на «вечные ценности» духа. Эту черту — «чисто эмоциональное отношение к вопросам духа при наружной рассудочности»²¹ Вольтинский в 1910 г. выделяет как основную в русской культуре; ему она внушает тревогу: логика для русского образованного человека — только прислужница его чувств, он не идет за своим духом, а замыкается в круг

душевных (психологических) переживаний, ср.:

И вот на почве этой-то эмоциональности то религиозное движение, о котором я говорил вначале (новое религиозное сознание «Вопросов жизни». — Е.Т.), становится для нас загадочным, как сфинкс. <...> Россия может явиться настоящим Вифлеемом <...> или же это только новый вид эмоционального разбега и разрухи, новая гоголевская тройка, которая мчится неведомо куда²².

Этот горький комментарий 1910 г. написан как будто из 1918 г., предваряя своим тоном статьи сборника «Из глубины».

Итак, критики, ставшие мифотворцами, идеологами массового религиозного сознания, пугавшего Волынского как «профанация» и «компиляция», имели успех, от которого отшатывался «критически мыслящий» Волынский. Только однажды он создал миф, только однажды он оказался созвучным своей культуре: для этого ему вместе с ней нужно было оказаться загнанным в катакомбы.

Волынский смотрел на литературу другими глазами, чем большая часть его современников. Пришельцу из соседней, угнетенной миноритетной культуры, еврейскому националисту и народнику, каким был юный Волынский, императивом казалось внимательное снисхождение к народному бытию с его центром, верой, а отрыв от нее и внутриинтеллигентские распри выглядели предательством. Перенос этого меньшинственного мышления на русскую литературу позволил ему увидеть в полный рост величие Достоевского и Толстого; именно Волынскому принадлежит и честь критического открытия Лескова. Суждения его о современной ему литературе полны нетерпения: где же оно, великое искусство? Пристрастнее же всего он к тем, кто ищет обновления идей, форм. Полное отсутствие пietetа к авторам, близким ему по духу, позволяет ему отмечать то, что в принципе в хвалебной статье отмечать бы и не следовало. Поэтому его прочтения неизменно вызвали гнев и удивление друзей автора (например, его строгий суд над Лесковым²³), но поэтому же они сохраняют драгоценный отпечаток непосредственной реакции интеллектуально и социально близкого современника. (Роль зоила для «своих» потом перешла к Антону Крайнему — Гиппиус).

Таким примером пристрастности и сверхтребовательности было и отношение к Чехову.

Волынский воспринимал Чехова в русле своей борьбы с натурализмом — «кустарным искусством», в котором за детализацией, за разукрашенностью теряется целое. Отсутствие этого целого он, не склонный переоценивать модных «примитивов», объяснял то дефектами духа, то «отсутствием Бога в сердце», то подлаживанием ко вкусам и симпатиям публики, узостью взгляда, отсутствием высших культурных интересов.

Первые встречи Чехова с Волынским проходили под знаком перехода «Северного вестника» в руки новой редакции, т.е. Волынского; это произошло в январе 1891 г., сразу после возвращения Чехова с Сахалина, в течение триумфального его приема в Петербурге, видимо по инициативе Мережковского. Со стороны Волынского мог быть некоторый скептицизм по отношению к Чехову: Волынский успел, когда Чехов уезжал на Сахалин, в мае 1890 г., опубликовать в «Северном вестнике» рецензию (анонимную) на книгу «Хмурые люди»²⁴: в ней, признавая талант автора, он сожалеет, что талант этот «дробится на мелкую, пеструю работу» и не находит у него «того, что он сам так удачно назвал в одном из лучших своих рассказов “общей идеей или Богом живого человека”»²⁵:

Скажем с полной откровенностью: читая «Хмурых людей» г. Чехова, мы испытывали чувство досады <...> на всю ту атмосферу и обстановку, в которых воспитывается наше молодое литературное поколение. <...> Беспринципность, безыдейность стали предметом всеобщей браввады. В былое время такое несомненное симпатичное дарование, как г. Чехов, было бы наверно захвачено лучшими течениями жизни... Этих течений нет, и вот мы присутствуем при печальном зрелище молодого шатающегося таланта²⁶.

Это, несомненно, Волынский: поражает схожесть lamentаций об упадке литературных нравов, беспринципности и безыдейности со стандартными фразами из «Русской мысли» — в мае 1890 г. Волынский еще не противопоставлял свою позицию либеральному лагерю.

Определенно в сторону Волынского указывает словоупотребление «шатающийся» талант — «шатающийся» здесь употреблено именно в смысле Достоевского, как шатание идейное. Критик как бы разыгрывает здесь некий гипотетический сюжет: только что он пожалел о том, что Чехов не вошел в литературу в 1860-е гг., — «в былое время», когда его захватили бы «лучшие течения», — и тут же представляет Чехова шатающимся героем — т.е. таким, которому еще предстоят грозы и

моральное перерождение, далеко не безнадёжным, с намеком на самого Шатова.

Во всей книге Волынский считает только «Скучную историю» достойной серьёзной критики, а остальное — лишь игрою «юношеского и неокрепшего таланта». Такие рассказы, как «Спать хочется», «Припадок», «Княгиня», «Беда», кажутся ему слишком расплывчатыми, чтобы произвести глубокое впечатление на сколько-нибудь серьёзного читателя, а «Почта» и «Шампанское» пределом «несерьёзного писания».

Надо думать, что ничего хорошего от Волынского Чехов больше для себя не ожидал: Волынский, подобно остальным, упрекал его в отсутствии «идеи» и сравнивал его с Щедриным, не хуже критиков-народников, с которыми тогда воевал Чехов. Особенно могли озадачить Чехова нападки Волынского на собственного сотрудника — ведь Чехов в 1890 г., после появления в «Северном вестнике» программной «Скучной истории», выглядел особенно накрепко связанным с журналом. Как раз в 1890 г. (11 апреля), когда Волынский разбил его за бездельность, Чехов написал свое знаменитое письмо Лаврову, где гордо защищал свое сотрудничество в независимом «Северном вестнике».

В 1891-1892 гг. Волынский начинает борьбу с Михайловским (Чехов на нее реагирует резким неодобрением). Чехова он пока не касается. Однако, разрыв Чехова с журналом в 1893 г. и передача в «Русскую мысль» двух обещанных «Северному вестнику» рассказов — «Палаты № 6» и «Рассказа неизвестного человека», возможно, послужили эмоциональным поводом для нового критического отзыва Волынского о Чехове²⁷. Отзыв этот сохраняет верность убийственному определению «симпатичный талант»; впервые так назвал Чехова Н. Михайловский в рецензии (анонимной) на книгу «В сумерках» (Русская мысль. 1887. №9) — Волынский сознательно или бессознательно солидаризируется в этой оценке с критиком как раз в разгар своей полемики с ним.

Волынский считает «Палату № 6» лучшим произведением Чехова после «Скучной истории»:

«...» краски роскошны «...». Г. Чехов ничего не преувеличивает и, не прибегая к утрировке ради каких-нибудь посторонних, публицистических идей, ведет свой рассказ с искусством и простотою настоящего артиста. Ни единого фальшивого штриха, ни одного ложного слова. «...» Повсюду, в мельчайших подробностях — печать ума простого, ясного, презирающего ходульные эффекты, естественную, риторическую декламацию «...»²⁸

Таким образом, Волынский отделяет Чехова и от старых, утрированно-тенденциозных авторов, и от новых, к 1893 г. начинавших заявлять о себе «декадентов», которых Волынский сам печатал и сам же порицал в «Северном вестнике».

Однако, чисто художественного нонконформизма Волынскому мало. Он выделяет, во-первых, антиинтеллектуализм Чехова: «ординарное умение углубляться в предмет», «ограниченный философский кругозор»; во-вторых, эмоциональную ущербность: «совершенное отсутствие внутренне-го жара»; и наконец, социальную инакость: «мы не видим <...> интеллигентной природы со светлыми настроениями, внутреннего кипения чувств, мыслей» — одним словом — «симпатичный талант, страдающий скудостью идей, замыслов, с небольшим запасом наблюдений в определенном направлении, без широкой психологической перспективы...»²⁹.

Волынский выводит это «отсутствие ширины» из давнего и общего критического мнения о недостатке у Чехова тонуса, об отсутствии кипения, о творческом недомогании. Он пытается нащупать, в чем же это творческое недомогание — но в результате очень точно формулирует новшества стремительной, лаконичной чеховской поэтики:

События развиваются с логическою верностью, но чересчур быстро, не выступая во всей полноте, действующие лица, очерченные превосходно, с шиком, почти виртуозно, заталкиваются автором в чересчур тесную, узкую рамку, сюжет всегда отрывочен, недоделан, разработан более или менее поверхностно, поспешно, с какою-то дилетантской беспечностью³⁰.

«Шикарно», «виртуозно», «с дилетантской беспечностью» — но «неполно», «отрывочно», «тесно», «узко», «недоделано», «поверхностно» — однако все же верно. Понятно, что здесь именно реакция на поэтику, на изгнание Чеховым из русской прозы длиннот и общих мест, на перенесение приемов сюжетного рассказа на повествование о внутренней жизни — короче, завистливое восхищение вперемежку с упреками в неосновательности.

Впрочем, рецензия написана не за этим: Волынский считает, что Чехов в разбираемом рассказе хотя и не утрирует, не делает уступок публицистике, но тем не менее — узко тенденциозен: «Но чем дольше вы приглядываетесь к выдающимся художественным качествам повести, к ее правдивому, жизненному колориту «...». тем яснее пред вами обрисовывается узкая тенденция автора «...». Или, в другой формулировке: «И тем не менее идея

“Палаты” нам кажется узкою и фальшивою³¹. Эта идея приравняет отрицание действительности к болезни, и против нее Волынский, для которого мятеж есть норма, а отрицание — синоним здоровья, ополчается, с полным самоотжествлением с ниспровергателем — Громовым, которого он считает «физически больным, но психически здоровым человеком». «Это фанатик своей идеи, с закваской ратоборца, подвижника», человек «с такими светлыми стремлениями, с такою мятежною силою здорового и беспощадного отрицания»³², — что Волынскому непонятно, как он мог очутиться в сумасшедшем доме. Ясно, что Чехов его напрасно туда упрятал.

Волынский развивает тему чрезмерной «нормальности» Чехова³³:

Нормальный ум держится во всем середины, играя оттенками, не увлекаясь никакими категоричными положениями, ловко проползая между противоположными крайностями, без всякой помпы, тихо, смиренно, скромно расстроенный ум идет во всем напролом, презирая игру двусмысленными словами, стремясь к правде безусловной, окончательной <...>³⁴

Более того — критик объявляет чеховский взгляд — взглядом «стада»:

Громов, конечно, сумасшедший <...>. Здесь г. Чехов имеет за собой все бесконечное стадо умеренных русских людей, ведущих бессмысленную, тусклую жизнь, дорожащих оттенками, ненавидящих со всею доступною им искренностью всякие яркие, густые краски <...>. Но мы не рады за г. Чехова. В мещанстве суждений — погибель для таланта <...>. Смелости, нравственной смелости побольше! Слушайте краски, не заботьтесь об оттенках, судите громко, уверенно, называйте черное черным, а белое белым. Бог не в оттенках, не в условной, временной правде, а в самых ярких красках истины, в правде безусловной, абсолютной³⁵.

Кажется, что Волынский специально ополчился на оттенки. На деле Чехов виноват не столько в любви к оттенкам, а в том, что осмеивает теперь уже не только риторика 1860-х гг., как в «Именинах», и не только склонность к «обличению общественных язв», как в «Припадке», а само отвержение общих мнений, неважно каких, заталкивает в сумасшедший дом; более того, он вкладывает в уста Рагину слова, служащие как бы презрительным ответом на недавнее требование самого Волынского, — ему, «доктору Чехову» — сделаться идейным писателем, перестать «шататься».

Рагин — доктор по профессии. Но он и философ по призванию, и чуть ли не в духе Волынского!

<...> на этом свете все незначительно и неинтересно, кроме высших духовных проявлений человеческого ума. Ум проводит резкую грань между животным и человеком, намекает на божественность последнего и в некоторой степени даже заменяет ему бессмертие, которого нет. Исходя из этого, ум служит единственно возможным источником наслаждения. <...> Мне часто снятся умные люди и беседы с ними. <...> Мой отец дал мне прекрасное образование, но под влиянием идей шестидесятых годов заставил меня сделаться врачом. Мне кажется, что если б я тогда не послушался его, то теперь я находился бы в самом центре умственного движения.

Читай — «угодил бы Волынскому»: вспомним гипотезу Волынского о том, что в «былое время» Чехов был бы захвачен «течением». А фразеология вроде «когда люди, склонные к анализу и обобщениям, сходятся вместе и проводят время в обмене гордых свободных идей» уже прямо заключает в себе ощутимый иронический кивок в сторону философического чеховского зоила, от всех требующего «анализа и обобщений», этого неуместного идеалиста, влюбленного в свои «гордые, свободные идеи».

Чехов для Волынского человек толпы: хоть и присоединившийся к «Русской мысли», а все-таки корнями связанный с ненавистным голосом толпы — «Новым временем»: Волынский бьет по соприродности Чехова «патриотам» и не делает разницы между ними и «реалистами», между «Новым временем» и «Русской мыслью». И те и другие для него — консерваторы и равно глушат разум, равно против «высших вопросов знания»:

И опять-таки, на стороне г. Чехова в этом пункте тысячи единомышленников, вся толпа читателей, воспитанная в реалистическом направлении, все знаменитые и незнаменитые, даровитые и бездарные носители журнального знамени, все воинствующие патриоты русской печати. Г.Чехов ударил по открытому, совершенно беззащитному нерву русской жизни, и тихий, осторожный смех его над собственным философствующим героем сольется с громким, раскатистым хохотом над философствующими людьми всей разнузданной интеллигентной черни. России не нужны мыслители <...>. Сапожник, один только сапожник имеет в руках своих положительное гражданское дело <...>. Шире дорогу, дорогу сапожнику, сапожник идет!³⁶

То есть основная претензия Волынского к Чехову — почему он не «оторвется» от публики, от этого «общего», «нормального», «мещанского» (неважно, правого или левого) взгляда на вещи? Это обвинение в конформизме, прямом нежелании встать в ряды «авангарда», прямой ответ на вызов Чехова, каким кажется мотив ухода от глупой суеты мира к интеллектуальным уладам для немногих, иронически обыгранный в диалоге двух безумцев:

А дело в том, что мы с вами мыслим; мы видим друг в друге людей, которые способны мыслить и рассуждать, и это делает нас солидарными, как бы различны ни были наши взгляды. Если бы вы знали, друг мой, как надоело мне всеобщее безумие, бездарность, тупость, и с какою радостью я всякий раз беседую с вами! Вы умный человек, и я наслаждаюсь вами.

Чехов решает двойную задачу: не только ответить в рассказе Вольтеру, осмеивая духовный активизм, но и написать «либеральный» рассказ. Для этого необходимо уравновесить осмеяние «идейности»: «мыслящая личность» помещается в психиатрическую больницу. Чудовищная резкость красок, свирепый образ «действительности», как бы оправдывающий психиатрическое «заблуждение», и является таким противовесом. Действительность в рассказе не менее ужасна, чем картины безумия, поэтому рассказ в целом вовсе не означает обывательского приговора «мыслящей личности», — но Вольтер почему-то не видит этого целого; однако, он чувствует, что Чехов все запутал «оттенками» и «прополз» между «да» и «нет».

Но утверждать некоторую художественную нечувствительность значит сказать только половину «правды о Вольтере»: легче провозгласить, что вся Россия — палата № 6, чем докопаться до скрытой и действительно несправедливой, слишком злободневной и даже личной тенденции Чехова в этом рассказе.

Вольтер вновь обращается к творчеству Чехова в феврале 1896 г. Эта рецензия³⁷ резко негативная. Разбег Вольтера берет начиная с темы несоответствия уровня литературы уровню запросов лучшей части общества. Эта проблема ощущалась и Чеховым (переписка с Сувориным 1892 г.), и Мережковским (его знаменитая лекция 1892 г.); об этом вспоминает в своих мемуарах и Гуревич. Гуревич именно и в том видеела задачу журнала, чтоб возобновить живой обмен между литературой и ушедшей далеко вперед университетской интеллигенцией и просто ценителями искусств:

Новые наслоения жизни не воспроизводятся современным искусством. То, что бродит и закипает в интеллигентных кругах общества, не отливается ни в какую законченную литературную форму <...>. Между обществом и литературой разрывается живая связь <...>. Публика в своих настроениях, духовных и эстетических запросах, можно сказать, опередила современную русскую беллетристику³⁸.

Вольтер переходит к обзору: первым он ставит Антона Чехова. Это обзор социологическо-литературный: теперь, ког-

да репутация Чехова окрепла, Вольтер хочет напомнить читателю, что не столько «Новое время» Суворина сделало Чехова большим писателем, сколько «Северный вестник».

В столичных кругах сложилась <...> довольно нелепая легенда, что своим успехом Чехов обязан покровительству руководителей одной в своем роде могущественной газеты, умеющих — при всей заносчивой грубости, распущенности и умственной шаткости, не лишенной оттенка русского простодушия, — разыгрывать роль призванных, привилегированных покровителей истинного искусства. Эти люди — будто бы по свойственной им чуткости — обратили внимание на свежее дарование Чехова <...>. Но не может подлежать сомнению, что литературная репутация Чехова не обязана ничем положительным этим своеобразным деятелям русского печатного слова³⁹.

В этой рецензии задним числом характеристика «умственной шаткости» снимается с Чехова и оказывается атрибутом не Чехова, а Суворина (причем импровизируется еще один портрет в духе Достоевского). Эта ревизия соответствует новой общественной оценке Чехова, пошедшего на конфликт из-за дела Дрейфуса. Однако, обелив Чехова в этом одном, критик жестко судит остальное.

Вольтер пересматривает раннего Чехова (т.е. юмористического), за которым он раньше почти не видел серьезных достоинств:

Все написанное им в первую пору развития его таланта, когда в творчестве его не было никакой надуманности, и, быть может, невольной, склонности прилаживаться к господствующим течениям русской жизни, имеет положительное литературное значение <...>⁴⁰

Это отчасти признание популярности раннего Чехова у публики, но отчасти новый упрек Чехову в конформизме: раньше это был конформизм «лево-правый», антиинтеллигентский, мешанский, а теперь — «прилаживание к господствующим», т.е. «левым» течениям. Вольтер обвиняет зрелого Чехова в надуманности, хотя сам его звал к большей интеллектуальности. Чехов стал идейнее, но не так, как хотел бы Вольтер. В результате, перед нами — талант, не оправдавший надежд.

Никто не послушал Вольтера, рано отметившего слабости Чехова — симптомы опасной болезни:

<...> ясная рассудочность <...> была принята за игру глубокого ума <...>. Живописные краски <...> скрывали от глаз пустоту идейного содержания в художественных замыслах писателя. Всех увлекала красота во внешнем исполнении общедоступных и психологически несложных литературных задач. А между тем, эта холодная рассудочность и внутренняя вялость не позволяли никакому впечатлению жизни пройти в глубину

его души и зажечь ее ярким поэтическим огнем. <...> Талантливый новеллист невольно обнаружил тайну своей внутренней несостоятельности⁴¹.

Современное состояние еще хуже:

В произведениях его последнего периода <...> простота и цельность художественного вымысла разлагается — то под влиянием какой-то специфической философии, превозносящей русское нутро и сродной, по всем типическим признакам, с беспринципным умствованием его прежних буржуазных газетных «патронов», то заметно искажается под импонирующим воздействием легковесного, трезвенного либерализма с его антиэстетическими требованиями и гражданственной тенденциозности⁴².

Суворинское «нутро» Волынский, конечно, усматривает в идейном настрое и культурных предпочтениях повестей «Бабе царство», «Три года» и может быть «Скрипки Ротшильда», в которой, с некоей точки зрения, обидного не меньше, чем гуманного: обвинения в «легковесном трезвенном либерализме» и т.д. развивают мотив чеховского конформизма по отношению к «Русской мысли» и ее публике и относятся, возможно, к «Учителю словесности» или «В усадьбе».

Однако, незадолго до выхода этой рецензии или вскоре после нее Чехов публикует несколько вещей, которые могут быть отчасти ответом на требования Волынского, заявленные ранее. Это, во-первых, «Черный монах» — явно ответ на обвинения в «нормальности». Во-вторых, авторевизия раннего чувства жизни — превращение рассказа о влюбленности «Обыватели» (1889), видимо, одного из осколков несостоявшегося романа, в воспевающий отвержение мира рассказ «Учитель словесности», свидетельствующий о том, что в центр внимания Чехова входит «новая, нервная, сознательная жизнь, которая не в ладу с покоем и личным счастьем» (его ненависть к семье, кругу повседневной жизни и браку обострена настолько, что можно говорить об общих тенденциях в прозе Чехова и Гиппиус). В-третьих, рассказ «Дом с мезонином» (1896) содержит автополемику с антиинтеллектуальной иронией «Палаты № 6»:

Науки и искусства, когда они настоящие, стремятся не к временным, не к частным целям, а к вечному и общему, — они ищут правды и смысла жизни, ищут Бога, душу, а когда их пристегивают к нуждам и злобам дня, к аптечкам и библиотечкам, то они только осложняют, загромождают жизнь. У нас много медиков, фармацевтов, юристов, стало много грамотных, но совсем нет биологов, математиков, философов, поэтов. Весь ум, вся душевная энергия ушли на удовлетворение временных, переходящих нужд...

Может быть, Волынский не так уж несправедлив, говоря о «конформизме» Чехова.

Прошло всего два года, но тон Волынского резко меняется. Чехов признанный мастер, и аура московского триумфа «Чайки» бросает ответ на рецензию «Северного вестника», написанную в декабре 1898 г. Интересно, что Волынский в 1896 г. не увидел, по выражению З.С.Паперного, «той, условно говоря, лирической волны, которая начинается “Студентом” и “Рассказом старшего садовника”, а потом, после пьесы, ее провала, оборвется резко и круто»⁴³. Ему понадобилось несколько лет. Но нам важнее, что и Чехов продолжает преодолевать соблазны культурного шовинизма, «трезвенной» тенденциозности: на место прежнего раздражения — под вопрос ставятся основы бытия⁴⁴. Это то самое, чего требует Волынский, которого Чехов не любит и не ценит, но который прав. Итак, у Чехова наконец якобы появляется то, чего хотел и не мог добиться от него Волынский: а именно — духовное содержание:

Антон Чехов. Человек в футляре. — Крыжовник. — О любви. — Ионыч. — Случай из практики. — По делам службы. — Новая дача.

Я перечел несколько рассказов Чехова, напечатанных им за последние месяцы. Какое яркое развитие таланта! Он стал глубокомысленным и, при своей меланхолической простоте, духовно содержательным. Каждый рассказ занимает всего несколько страниц. Это наброски углем, где отчетливые контуры выступают на дымно-сером поле. <...> Описания, сделанные мимоходом, как бы незначай, с какой-то толстовской незатейливостью, органически сливаются с повествованием — кажется, будто они окутывают людей и их действия, как воздух, иногда ясный, иногда мглистый, иногда несущийся морозною вьюгой. Таких описаний нет ни у одного из новейших русских беллетристов. Вот когда Чехов окончательно вышел из «кустарного» искусства и сделался настоящим крупным явлением⁴⁵.

Волынский, уже несколько лет проповедующий «о духовном в искусстве», доволен: исчезли «роскошные краски» и «оттенки», скрывающие «истину». Графическая метафора «рисунка углем на дымно-сером фоне» также подстраивается к требованию дематериализации, развоплощения искусства. Чехов очистил прозу от «кустарных» — т.е. натуралистических — черт и возвысился до толстовской простоты, которую не замечаешь, «как воздух»; сходные «воздушные» термины переполняют описание: «веяние», «вдохновение» и т.д.; из всего этого возникает образ «души» — Волынский прозревает в Чехове душу:

От рассказов Чехова, с самым простым содержанием, без всякой беллетристической инт-

риги, струится какое-то едва уловимое тонкое веяние. Оно носится над рассказами, как душа их, — скорбная, чуткая, презревшая жизненную суету⁴⁶.

Душа — «носится», в точности, как носится чайка из стихотворения Бальмонта 1893 г., «с печальными криками», и нельзя не увидеть здесь аллюзию на пьесу, о которой все говорят. Впрочем, носится над водами, как известно, дух, а не душа. От «души» Чехов поднимается — пока не к «духу», но к «вдохновенной мысли»:

Ничтожные картинки повседневной жизни, отдельные моменты маленьких душевных движений приобретают какую-то многозначительность, потому что над ними простерт легкий покров чистой вдохновенной мысли⁴⁷.

В соответствии с своим определением символизма Волынский подчеркивает двупланность, двумерность Чехова: «едва уловимое тонкое веяние», «душа» рассказов, как-то связанная напрямую с «правдой», фактически являются символистскими чертами⁴⁸.

Какое развитие таланта в глубину, какое быстрое расширение внутреннего писательского кругозора — включает Волынский. Здесь характерны эти уточнения: «в глубину», «внутреннего» — поскольку Чехов все же не послушался Волынского и не превратился в философа-идеалиста.

Глубокомыслие Волынский усматривает там, где остальные видят карикатуру. В, казалось бы, сатирическом «Человеке в футляре» он находит глубокую лирическую правду: заслугой рассказа — видимо, по сравнению с произведениями 1893-1894 гг. — он считает отказ от подчеркивания либеральной тенденции. Наверно, универсально-психологическая мотивировка «футляра», чисто художественные средства, минимализация нравочужения понравились ему. Современному читателю это архаизирующее прочтение непривычно и поэтому полезно.

В той же рецензии Волынский прочитывает рассказ «Крыжовник» в духе своей собственной критики Льва Толстого. Может быть и изменил он так круто свое отношение к Чехову, увидя в его критике Толстого сходство со своей позицией. Ср.:

В отдельных фразах, кратких и сильных, слышится умный протест против всякого суживания потребностей и запросов человеческой души. <...> Говорят, что человеку нужно только три аршина земли. Когда эти слова говорит Толстой, он открывает человеку своим суровым отрицанием всех земных благ его высшее духовное призвание: человеку не нужна земля, потому что ему нужно только небо. Чехов говорит, что человеку нужен весь земной шар, вся природа, весь простор видимого света, и эти слова тоже — другим путем — ведут человека от всяких тленных сокровищ

к полному раскрытию духа. Как бы возражая Толстому, Чехов невольно вступает в область тех же высших, надземных настроений⁴⁹.

У Волынского два противоположных максимализма уравниваются, потому что оба ведут к полному раскрытию духа.

Вспомним, что еще в статье «Нравственная философия гр. Льва Толстого» (1891) Волынский полемизировал с Толстым по вопросу о бессмертии:

Убеждение, что я не прах, не дым, дает мне силу отпасть от мишурных благ, отпрянуть от толпы и пойти в стан погибающих за великое дело любви. Отречение от личности должно иметь какой-нибудь смысл для самой личности, ибо, повторяем, если личность ничто, нуль, то и человечество тоже ничто, тоже нуль <...> Нельзя возвысить христианскую этику над христианской метафизикой⁵⁰.

Волынский вскрывает корни антиметафизичности Толстого: это непроявленность личного начала в России: в толстовской критике Евангелия сказалась русская натура с ее ярко очерченной реалистической тенденцией:

Русская природа так всемогуща, что в сравнении с нею нельзя не почувствовать своего ничтожества. Вышел русский человек в поле и из человека превратился в точку. Земля от края до края, и на ней маленькое черное пятнышко. Человек — пятнышко. Мечта о вечности — преступная гордыня⁵¹.

И вот, Чехов в своей критике Толстого, со своим якобы арелигиозным требованием «всего мира» для свободной игры своего духа оказывается более сродни воинствующему свободному идеализму Волынского, стоящему на уверенности в существовании внеположного абсолюта. Упорная нерастворимость Чехова наконец находит у него признание. Личностное начало Чехова Волынский ободряет и подвигает к бунту. Он рад, что в прозе Чехова начинает ощущаться непримиримость к «естественному порядку вещей»:

<...> я, живой, мыслящий человек, стою над рвом и жду, когда он зарастет сам <...>. И, опять-таки, во имя чего ждать? Ждать, когда нет сил жить, а между тем жить нужно и хочется жить!

Чехов активизируется. Волынский изобретает новое словосочетание: он, враг обличительной, тенденциозной литературы, находит у Чехова «обличительную мудрость». Это значит, что Чехов наконец отринул «мещанскую нормальность» и бросил вызов основам бытия, то есть обрел духовную позицию в глазах Волынского.

И действительно, взрыв «отрицания» в «Трех сестрах», «Вишневом саде», «Невесте» таков, что Волынский вряд ли ошибается, пророчески утверждая эту метаморфозу Чехова.

Особый восторг вызывает у критика заключение рассказа «О любви». Чеховская фраза «я понял, что когда любишь, то в своих рассуждениях об этой любви нужно исходить от высшего, от более важного, чем счастье или несчастье, грех или добродетель в их ходячем смысле, или не нужно рассуждать вовсе» видимо, звучит для Вольтинского особенно притягательно, ведь он все эти годы к такому именно расширению горизонтов и призывал. Это фраза современного писателя, явно познакомившегося с Ницше и с русским ницшеанцем Минским, фраза, звучащая даже несколько «по-шестовски». Итак, Чехов знает о трансцендентном, и Вольтинский им доволен настолько, что если раньше он раздражался «игрой оттенков», то теперь готов признать:

Сколько нужно искреннего таланта, живого воображения, чтобы писать серыми красками по серому фону так, как пишет Чехов. Ни одной крикливой ноты, ни одного банального штриха. Несмотря на некоторую старомодность повествовательной структуры <...>, все эти очерки в гораздо большей степени принадлежат современной волне идейных настроений, чем разные тенденциозные писания с намерением приобщиться к этой волне⁵².

(Тут «тенденция», конечно, декадентская). Вольтинский первым утверждает Чехова как символиста, — мысль эту разовьет потом Белый.

Критик демонстрирует и свою собственную чуткость:

<...> все слито невидимыми внутренними причинами и томится общими настроениями, общей тоской о ясном небе и солнце⁵³.

Можно сказать, что Вольтинский в конце концов не только научился воспринимать чеховскую поэтику, но и сам насквозь пропитался чеховскими — то есть, модными псевдочеховскими — настроениями и даже пытался им подражать (впрочем, это, и гораздо лучше, делал Мережковский).

Итак, чеховские произведения уже не мелкотемны, они теперь — по Вольтинскому — проникнуты «какой-то отрадной многотуманной тишиной»⁵⁴. Умиротворенный критик дает понять, что речь идет в сущности о выполнении Чеховым «социального заказа», к которому он сам призывал его все эти девять лет.

Образ, возникающий в следующем печатном выступлении о Чехове Вольтинского — «Старый и новый репертуар» (1901), также написан с несомненным одобрением и симпатией. Отвергая Ницше, но пропитавшись его духом и понятиями, Вольтинский использует выработанную им дихо-

томию старого и нового в психике. «Новое» — это готовность к «сверхнормальному восприятию», обещающая «новое развитие», «новую эмансипацию человека», а Чехов:

является <...> как бы последним ветхим человеком. Слово его, такое вдумчивое, такое благородное, передает конвульсию этого ветхого человека, из которого должен выйти новый человек. <...> Вот почему все его последние пьесы <...> показывают нам людей, которые тоскуют, томятся в разных уездных болотах, полны каких-то судорог <...>. Такая масса психологических томлений, какое-то непрерывное рыдание со сцены и никакого проблеска того будущего, которое <...> уже вырывается иногда у миссионерских натур в новых освободительных словах. Эта чеховская психология, отражающаяся в дивном художественном зеркале, — психология великолепная, но бессильная <...>. Герои чеховских произведений — это какие-то безвольные люди, т.е. люди, лишенные той силы, которая является принципом всякой индивидуальности, всех форм жизни, личной и исторической⁵⁵.

Здесь Вольтинский подчеркивает основную роль «воли» в преодолении «психологии», которую он презирает, — и вновь, как в случае с критикой Толстого, прозорливо соотносит проблему психологии героя с его «метафизической основой» с национальным пороком — отсутствием индивидуальности.

Восхищаясь чисто беллетристическими качествами пьес Чехова, Вольтинский признает их негодными для театра, предваряя критику антитеатральности Чехова, которая появится у Брюсова и Гиппиус:

Все это превосходно в смысле литературной живописи, но для сцены этого мало, потому что сцена <...> не должна давать одну только психологию. Она должна показывать волевою жизнь человека и связанные с этой жизнью страсти <...>. Сцена должна давать вдохновенную дидактику (курсив мой. — Е.Т.) в страстных подъемах всего человеческого существа <...>⁵⁶.

Можно сказать, что выражение «вдохновенный дидакт» точно ухватывает сущность самого Вольтинского, его чисто интеллектуального и учительного дара, заключенного по большей части в многословную форму, отражающую не письменную, а устную речь. Хотя порой он взмывает в своем интеллектуальном дервишизме, чуть ли не самовозгораясь в нагнетаемом им самим риторическом жару: тогда и язык его переплавляется в качественной метаморфозе этих «страстных подъемов».

И наконец в своей ноябрьской лекции того же 1901 г. «Современная русская беллетристика и журналистика» Вольтинский соотносит «нормальный» и «сверхнормальный» типы с линией Толстого и Достоевского; Чехова он относит к линии Толстого, а не Достоевского, которым как

раз в это время усиленно занимается. Герои Достоевского находят экстатический исход из тупика своей эпохи. Волинский покажет нам эти пути в своем «Достоевском». Герои Толстого докапываются до причин своего жизненного недовольства путем сознательного самоанализа, таким образом находя нормальный исход для своих томлений. А Чехов у Волинского:

довел до конца изображение нормальной русской души, которая на переходе из одной исторической эпохи в другую начала томиться разлагающими ее недугами. Чехов, как врач, тихо стал у постели смертельно больного человека <...>. Он щупает пульс, слушает сердце, говорит осторожные, мягкие слова и поспешно отвертывается, чтобы скрыть от больного слезы, которые дрожат у него на глазах от чувства своей беспомощности <...>. Совершенно понятно, почему русская публика за последнее время так полюбила этого талантливого человека. <...> Потому, что она начинала узнавать себя в его скорбном искусстве, и потому, что сам он становился все серьезнее и сердечнее⁵⁷.

Видно, что Волинский вместе с публикой научился отличать understatement от равнодушия.

Итак, хороня своих героев, Чехов уже как бы склоняется перед какой-то новой, сверхнормальной истиной. Таким образом, если Волинский пропитывается чеховской «атмосферой», то Чехов оказывается все-таки пристегнут к концепции Волинского в качестве пророка.

Чехов Волинского недолюбливал: шпильки в адрес «облезлых философов из «Северного вестника»» и печальные пророчества о крахе журнала рассыпаны по его письмам: я пыталась их собрать в специальной главе готовящейся монографии «Групповой портрет с Чеховым (Чехов в «Северном вестнике»)».

На мой взгляд, Волинскому он посвятил набросок 1894 г. (см. изложение его в письме А.С.Суворину от 16 февраля 1894 г.⁵⁸), в котором фигурирует некий Гинзельт, «православный, но брюнет», который «корчит из себя Лассалья или президента республики» и «хочет издавать газету». Тут все похоже — журналистика, еврейство и либерализм (Лассаль), палестинофильский национализм (президентство), а также романтические отношения Гинзельта с женщинами⁵⁹.

Однако, с оценками Волинского чеховские оценки совпадали иногда почти дословно. См., напр., письмо А.С.Суворину от 11 марта 1892 г. о Писареве:

Прочел опять критику Писарева на Пушкина. Ужасно наивно. Человек развенчивает Онегина и Татьяну, а Пушкин остается целехонек. Писарев дедушка и папенька всех нынешних критиков, в том числе и Буренина. Та же мелочность в

развенчивании, то же холодное и себялюбивое остроумие и та же грубость и неделикатность по отношению к людям. Оскотиниться можно не от идей Писарева, которых нет, а от его грубого тона. <...> Воняет от критики назойливым, придирчивым прокурором. Впрочем, шут с ним!⁶⁰

Чехов объективно принял победившую к концу века программу «Северного вестника», требующую духовного активизма: от отвержения отдельных аспектов существования он перешел к тотальному отрицанию абсурдного мира. Негативная поэтика, выработанная им, во многом шла навстречу требованию символического, одухотворенного, «воздушного» искусства, заявленного «Северным вестником» Волинского. Можно сказать, что неоромантическая, мироотрицающая эстетическая программа, заявленная Волинским, была выполнена на конец века Чеховым и Горьким и в этом виде усвоена культурой русской «левой». (Сам Волинский к этому времени был уже далеко впереди). То есть триумфальное слияние с аудиторией было наконец достигнуто Чеховым на том самом социокультурном направлении надполитической, космополитско-интеллигентской, западно-элитарной, модернистской, адогматической, негативной духовной активности, которой Чехов упорно сопротивлялся до середины 1890-х гг. и которая связана с деятельностью «Северного вестника».

В эссе «Лица и лики»⁶¹ Волинский вспоминал Чехова:

Но вот еще одна фигура писателя-непрофессионала: Антон Чехов. Я видел его несколько раз и сохраняю в памяти его внешний облик. Простой человек, свежий и непосредственный, отнюдь не литературный, с густым баском и венцом на носу, настоящий милейший земский врач из сердца России. Помню его спор со мною в кабинете А.М.Евреиновой па тему о материализме. Он добродушно засовывал в дебаты лезвия полемических замечаний, почти без признака темперамента. Философская сторона вопроса его не занимала. Он пил чай с большим удовольствием, чем говорил, и на бурную поддержку Анны Михайловны Евреиновой взглядывал искоса, с мягкой улыбкой на лице. Но какой это был обаятельный человек! Спор этот, по-видимому, остался в его памяти каким-то удручающим клином. Ему казалось, что он обидел меня. Каждый раз, когда он впоследствии встречался со мной у Мережковских, в редакции «Северного Вестника», я наблюдал на его лице экспрессию приязни и внимания. Увидев меня однажды в зимнюю ночь уже севшим на извозчика по выходе из Малого театра, он крикнул мне свое приветствие с тротуара в особенно дружеском, незабываемом тоне. <...> Наконец, впоследствии, в Берлине, я получил газетную вырезку, передававшую один из предсмертных разговоров А.П.Чехова о современной литературе. Сочувственные мне слова он облек в такую превозносительную форму, что нет никакой возможности привести их мне в моей же статье, хотя они и были напечатаны в одесской газете⁶².

(Доброта Чехова обычно бросалась в глаза тем, кто его не знал — об этом писал Дерман).

Но в те же дни Волынский писал о том, что «нельзя быть ипокритом в пиджаке повседневноности <...>, играя славяно-реалистические фотографии Островского или акварели Чехова»⁶³. Подлинно духовное, солнечное искусство «ипокрита» не совместимо с Чеховым. Так Волынский, подобно почти всем символистам (кроме Блока и Белого), подобно акмеистам, в конце концов Чехова отторг.

Примечания

1. Об А.Волынском писали чаще всего в связи с «Северным вестником», см.: Гуревич Л.Я. История «Северного вестника» // Русская литература XX века. М., 1914-1915. Т.1. Кн.1; Венгеров С.А. А.Л.Волынский // Там же. Т.2; Иванова Е.В. «Северный вестник» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века. 1890-1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982; Она же. Волынский // Русские писатели 1800-1917: Биографический словарь. М. 1989. Т.1.

Журнал не репринтирован и мало где сохранился, кроме России. Обзоры его начинается статья Д.Максимова «Журналы раннего символизма» (Евгеньев-Максимов В., Максимов Д. Из прошлого русской журналистики: Статьи и материалы. Л., 1930). Изучение возобновил в 1960-х гг. П.В.Куприяновский, см.: А.М.Горький и журнал «Северный вестник» // Горький и его современники / Под ред. К.Д.Муратовой. Л., 1968 (цитаты цензурованы); А.П.Чехов и журнал «Северный вестник»: (90-е годы) // Уч. зап. Ивановского гос. пед. ин-та. 1968. Т.13; Из истории раннего русского символизма: Символисты и журнал «Северный вестник» // Русская литература XX века. Калуга, 1968. Сб.1; Поэты-символисты в журнале «Северный вестник» // Русская советская поэзия и стихотворения. М., 1969; История журнала «Северный вестник» // Уч. зап. Ивановского гос. пед. ин-та. 1970. Т.59; К проблеме: символисты и «легальные марксисты» // Русская литература XX века. Калуга, 1970. Сб.2; Журнал «Северный вестник» и литературное народничество // Страницы истории русской литературы. М., 1971; Из литературно-журнальной полемики 90-х годов // Русская литература XX века. Калуга, 1971. Сб.3; А.Волынский — критик // Творчество писателя и литературный процесс. Иваново, 1978. См. также: Крутикова Л.В. «Северный вестник» // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1965. Т.1. Неполную библиографию трудов Волынского см. в сб.: Памяти Акима Львовича Волынского. Л., 1928.

2. Rabinovitz S. «A Fairy Tale of Love?»: The Relationship of Zinaida Hippus and Akim Volynsky: (Unpublished Materials) // Oxford Slavonic Papers 1991. Vol.XIV. Одновременно — Письма З.Н.Гиппиус

к А.Л.Волынскому / Публ. А.Евстигнеевой и Н.Пушкаревой // Минувшее. Paris, 1991. [Вып.] 12.

3. Rabinovitz S. A Room of His Own // Russian Review. 1992. №3.

4. «Талант и искра Божия» — глава из романа Н.К.Михайловского «Карьера Оладушкина» (Северный вестник. 1891. №1).

5. Нравственная философия гр. Льва Толстого // Там же. 1891. №10.

6. Серия статей в «Северном вестнике» в разделе «Литературные заметки» в 1893-1895 гг., впоследствии объединенная в книгу «Русские критики» (СПб., 1898).

7. Приведено в книге Н.Г.Молоствовова «Борец за идеализм: (Слово правды об А.Л.Волынском)» (Рига, 1902. С.78-80. Паг.1-я). Ср.: «Возвышенно христианские идеи наших русских писателей находят в нем горячего сторонника. В то же время меньше всего можно упрекать г.Волынского в пристрастии к каким-нибудь исключительным партиям. Уж если на то пошло, то следует отметить, что он думает и пишет гораздо либеральнее всех наших либералов. <...> Г.Волынского постоянно корят его языком, и когда заходит о нем речь, то все вспоминают “спиральные линии” или что-нибудь в этом роде. <...> Книга, о которой я говорю, однако, доказывает, что автор, если пожелает, может обойтись без ненужных риторических “выкрутас”. Она написана стилем строгим, ясным и благородным» (с.80).

8. Златоцвет: Петербургская новелла // Северный вестник. 1896. №2; №3; №4. Я благодарю Е.В.Иванову за это наблюдение.

9. Гиппиус З.Н. Зеркала: Рассказ // Там же. 1896. №11.

10. Литературные заметки // Там же. 1896. №12. С.274-275. Отд. 1-й.

11. См.: В поисках за Леонардо да Винчи // Там же. 1897. №9; №10; №11; №12; Леонардо да Винчи, его жизнь и научно-философские труды // Там же. 1898. №1; №2; №3; №4; Леонардо да Винчи. СПб., 1900.

12. Поддержка Волынским Толстого отразилась в рецензиях на том XIV его Сочинений (Северный вестник. 1895. №7) и на «Власть тьмы» (Там же. 1896. №1).

13. Аполлон и Дионис // Там же. 1896. №11

14. Начало темы Достоевского у Волынского — в «Русских критиках» (1896), далее следуют два наброска 1897 г. «В купэ» и «У Палкина» и, наконец, цикл статей об «Идиоте» «Великий безумец» (в кн.: Борьба за идеализм. СПб., 1900), «Царство Карамзовых» (СПб., 1901), «Книга великого гнева» (СПб., 1902-1904. Т.1-2) и «Достоевский» (СПб., 1906. Т.1-2).

Лучшая рецензия на работы Волынского о Достоевском: Шагинян М. Достоевский под знаком Аполлона // Шагинян М. Литературный дневник. Пг., 1923. С.77-84.

15. Белый, в частности, повторяет дихотомию декадентства и символизма Волынского и в особенности — его концепцию Чехова.
16. Ратнер М.Б. Проблемы идеализма в русской литературе // Русское богатство. 1903. №8/9. См. также анонимную рецензию на «Книгу великого гнева» (Правда. 1904. №3), книгу Н.Г.Молодцова «Волынский и новейшие идеалисты» (СПб., 1905), ряд статей «От книги к человеку» А.Гизетти (сборник «Памяти Акима Львовича Волынского»).
17. Аврелий [Брюсов В.Я.]. «Книга великого гнева» // Весы. 1904. №2; Белый А. А.Л.Волынский. «Достоевский» // Золотое руно. 1906. №2.
18. В ряде эссе, опубликованных в 1923 г. в газете «Жизнь искусства» и в неопубликованной книге «Гиперборейский гимн» (1923), которая была подарена им театру «Габима» как «наиболее духовной» группе людей.
19. В статье «Из впечатлений об А.Л.Волынском» (Памяти Акима Львовича Волынского. С.44-46).
20. В очаровательной зарисовке Волынского периода Дома искусств, изображенного под именем «Аковича» («Сумасшедший корабль»).
21. Волынский А. Бог или боженка? // Куда мы идем? М., 1910. С.31.
22. Там же. С.31-32.
23. Волынский А. Н.С.Лесков: Критический очерк. СПб., 1898.
24. Северный вестник. 1890. №5. С.104-108. Отд. 2-й.
25. Там же. С.104.
26. Там же.
27. Литературные заметки // Там же. 1893. №5. С.130-141. Отд. 2-й.
28. Там же. С.130.
29. Там же. С.131.
30. Там же.
31. Там же. С.130, 132.
32. Там же. С.133.
33. Впервые эту тему заявил Мережковский в лекции «О причинах упадка и о новых течениях в современной русской литературе» (декабрь 1892 г., вышла брошюрой в 1893 г.)
34. Литературные заметки // Там же. 1893. №5. С.134. Отд. 2-й.
35. Там же. С.134-135.
36. Там же. С.137-138. Ср. суворинское «Жид идет» — название одного из самых знаменитых его фельетонов (1880).
37. Литературные заметки: Современная русская беллетристика // Там же. 1896. №2. С.328-341. Отд. 2-й.
38. Там же. С.329.
39. Там же. С.329-330.
40. Там же. С.330.
41. Там же. С.330-331.
42. Там же. С.331.
43. Паперный З. Стрелка искусства. М., 1986. С.38.
44. А.Дерман в проницательном очерке творчества Чехова писал: «Есть писатели, и даже огромного таланта (например, Гончаров, Лесков), которые оставляют обычно в своих читателях нечто вроде чувства *духовной сытости*. И есть другие, которые создают в его душе *духовный голод*. Первые <...> суть писатели консервативные, если не ретроградные, ибо они успокаивают читателя, они притуплиают в нем чувство возмущения против косности жизни. И подлинно революционными являются те писатели, которые возбуждают духовный голод в своих читателях, хотя бы изображали они не революционеров, а учителей словесности, баронов Тузенбахов и Душечек, потому что они обостряют нашу ненависть к обветшалым формам жизни, вооружают против косности, в чем бы она ни проявлялась. И в этом смысле мы затрудняемся назвать у нас писателя более революционного, чем Чехов. Никто не нанес косной, мещанской, пошлой, обывательской жизни таких смертельных ударов, таких ядовитых незакрывающихся ран, как именно он своими «милыми», невинными, ласкающими, то смешными, то грустными рассказами. Не «липовым чаем», а отравой напоил он российского обывателя. И сделал он это с такой неотразимой простотой, <...> что эту отраву пили с наслаждением даже те, кого она убивала» (Дерман А. Творческий портрет Чехова. М., 1929. С.347-348).
45. Северный вестник. 1898. №10/12. С.198.
46. Там же. С.199.
47. Там же.
48. Наверное, отчасти прав Гейнц Зетцер, связывая эту переоценку Чехова с началом борьбы Волынского против декадентов, с его дихотомией декадентства и символизма: Волынский отверг первое, видя в нем лишь переходный этап, ведущий к новому, идеалистическому искусству, в котором форма и содержание сольются в символе. Символизм для Волынского означал «художественную связь всех явлений с тайным миром божества». Зетцер считает, что Чехов для Волынского явился ответом на его чаяние символического искусства (Setzer H. Zu Cechovs Bedeutung fur die literarische Neuorientierung M.Gorkijs um die Jahrhundertende: (In der Vermittlung A.L.Volynskijs) // Anton P.Cechov: Werk und Wirkung / Hrsg. R.-D.Kluge. Wiesbaden, 1990. Bd.II. S.806-820).
49. Северный вестник. 1898. №10/12. С.200-201.
50. Там же. 1891. №10. С.198, 200. Отд. 1-й.
51. Там же. С.200.
52. Там же. 1898. №10/12. С.203.
53. Там же. С.205.
54. Там же. С.206.
55. Цит. по: Молодцов Н.Г. Борец за идеализм. С.56-57. Паг. 3-я.

56. Там же. С.57.
57. Там же. С.68-69. Паг. 2-я.
58. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т.: Письма. М., 1977. Т.5. С.271-272.
59. Видимо, сочетание радикализма и идеализма, воплощенное в Лассале, тогда упоминалось в качестве образца для Вольнского: в начале века имя Лассала начертал на своем знамени Бердяев, см.: «И мы в своей борьбе за идеализм должны именно в Лассале найти точку опоры, его исторический образ достаточно показывает, насколько прогрессивна природа философского идеализма» (Бердяев Н. Борьба за идеализм // Мир Божий. 1901. №6. С.16). Более подробно об этом наброске см. в моей статье «Венеция. Музыкант. Разговор о смерти: (Чехов и Мережковский)» в кн.: Anton P.Cechov: Werk und Wirkung / Hrsg. R.-D.Kluge. Wiesbaden, 1990. Bd.II.
60. Чехов А.П. Указ. соч. С.22.
61. Жизнь искусства. 1923. №42. Подпись: Старый энтузиаст.
62. Имеется в виду интервью Гиндесмана, напечатанное в №6357 «Одесских новостей» от 4-7 июля 1904 г.
63. Вольнский А. Еврейский театр. Статья I: Ипокрит // Жизнь искусства. 1923. №27.

Л.М.Турчинский

Русские поэты XX века. 1900-1955

Новые материалы к библиографии А.К.Тарасенкова

Трудно найти историка или любителя русской литературы XX века, не знакомого с библиографическим указателем А.К.Тарасенкова «Русские поэты XX века. 1900-1955» (М., 1966). Вышедший более четверти века назад, этот указатель и сегодня остается одним из основных источников для специалиста. Однако, за пределами этого указателя, составленного на основе уникального книжного собрания автора, осталось значительное количество поэтических книг, вышедших в это время. Настоящие Материалы составлялись в течение почти 20 лет. Большая часть изданий была просмотрена *de visu*. При составлении библиографии были использованы материалы «Книжной летописи», каталоги книжных магазинов (в частности, магазина «Русский библиофил» Андрея Савина в Париже), книжных аукционов (например, составленные М.Я.Чапкиной каталоги аукционов, проводившихся в Доме архитектора и Фотоцентре в 1989-1993 гг., выпуск 1-22), а также сведения, предоставленные мне в разные годы Н.А.Богомоловым, Е.В.Витковским, А.С.Ивановым, Н.В.Котрелевым, М.Е.Кудрявцевым, Д.Малмстадом, Т.Л.Никольской, С.А.Ниточкиным, А.Е.Парнисом, Б.И.Ставровским, Р.Д.Тименчиком, С.Шаргородским, Н.Г.Юсовым, В.И.Якубовичем. Значительная часть материала была указана нам Д.А.Тарасенковым. Всем им мы приносим глубокую благодарность. Особая благодарность М.И.Белкиной, без помощи и поддержки которой настоящая работа не была бы возможна. Мы признательны за помощь В.В.Леонидову, заведующему библиотекой-архивом Российского фонда культуры, советами которого мы пользовались неоднократно.

Настоящие Материалы кумулируют библиографические сведения из других указателей и справочников¹. В Материалы включены и сведения о некоторых изданиях, описанных в указателе А.К.Тарасенкова с неточностями и ошибками.

В этом номере «ДВ» печатается первая часть Материалов; в ближайших номерах журнала будет напечатана вторая, заключительная часть. Мы заранее благодарны за дополнения и исправления, которые читатель сообщит после ознакомления с нашей работой.

1. Библиография русской зарубежной литературы. 1918-1970 / Сост. Л.А.Фостер. Бостон, 1970. Т.1-2; Библиотека русской поэзии Ивана Никаноровича Розанова. М., 1975; Русские советские писатели: Поэты. М., 1977-1992. Т.1-15; Штейн Э. Поэзия русского рассеяния. 1920-1977. Ashford, Conn., 1978; Указатель заглавий произведений художественной литературы. 1801-1975. М., 1985-1992. Т.1-5; Hellman V., Kjellberg J. Библиография русской литературы, изданной в Финляндии. 1813-1972. Helsinki, 1988; Книги и рукописи в собрании М.С.Лесмана. М., 1989; Русское печатное слово в Латвии. 1917-1944 / Сост. Ю.Абызов. Stanford, 1990-1991. Vol.1-4; Katchaki J.N. Библиография русских беженцев в королевстве С.Х.С. (Югославия). 1920-1945 гг. Arnhem, 1991; Московские и ленинградские издатели и издательства двадцатых годов. М., 1992. Ч.2; Русское зарубежье. 1917-1991: Каталог изданий из фонда библиотеки-архива Российского фонда культуры. М., 1992.

А.Б. Трудовикам. — [СПб]: Тип. «Россия», Б.г. — 1 с.

А.Д. Прохвост, или Невозможный балаган: Фантастическое масленичное представление. — Париж, 1926. — 46 с.

А.К. Отклики войны: Стихотворения. — М.: Тип. В.Зеликова и К^о, 1914. — 31 с.

А.Л. Осколки из прозаической поэзии. — Рига: Тип. Гемпель и К^о, 1902. — 15 с.

А-Н Л.Я. Забытый Хан: Поэма. — Симферополь: Паровая типо-лит. Версотской и Брахтмана, 1904. — 15 с.

А.Ф. Из песен и стонов. — Тифлис: Тип. Шрома, 1913. — 47 с. — 50 экз.

Абкович Ксения. Огни и дали: Стихи. — Вильно: Тип. бр. Д. и Х.Яловцев, 1922. — 168 с.

Августович Ф. [Кауфман Федор Евгеньевич]. Доля рыбака: Драма из народной жизни [в стихах]. В 5-ти картинах. — М.: Тип. А.П.Поплавского, 1911. — 63 с.

Авдашков И.И. Христос и Россия. Т.1. Религиозные и патриотические стихотворения — Харбин: Тип. Казанско-Богородицк. монастыря, 1932. — 178, VI с.

Аврамов Е.П. Слава России: Стихотворения: Изд. 2-е. — Пг.: Тип. М.И.Фоминой, 1916. — 19 с.

De Visu. 1993. №8(9).
© Л.М.Турчинский.

- Он же. Витязи Руси: Стихотворения. — Пг.: Тип. М.И.Фоминой, 1916. — 22 с.
- Он же. Доблестное Всероссийское Воинство: Стихотворения. — Пг.: Тип. М.И.Фоминой, 1916. — 19 с.
- Автономов В. Сторонка лесная: Стихи. — Горький: Обл. изд., 1955. — 92 с. — 2000 экз. — 1 р. 50 к.
- Агатов Вл. [Гуревич Владимир Исидорович]. Зеркала / Обл. Б. Ефимова. — Киев: 7-я Гос. тип., 1923. — 22 с. — 1000 экз.
- Агнивцев Н. Пьесы. — Берлин: Русское творчество, 1923. — 95 с.
- Он же. Твои машинные друзья / Рис. А.Ефимова. — Л.; М.: Радуга, 1926. — 10 нен. с. — 3000 экз.
- Он же. Случай в Сент-Джемском парке: Стихи / Предисл. И. — Мюнхен, 1946. — 64 с. — На об. тит. л.: Argrave by UNRRA, октябрь, 1945.
- Адельгейм Роберт. Павшим героям Новогеоргиевска священной памяти. — М.: Изд. автора, 1915. — 4 с.
- Он же. Письмо Вильгельму II. — М.: Изд. автора, 1915. — 4 с.
- Адуев Н. Вечеринка у Петровых / Рис. В.Арлашина. — Фрунзе: ОПО МВД Киргиз. ССР, 1948. — 1 л., слож. в 22 с. Текст на одной стороне. — 5000 экз.
- Он же. Когда огонь пылает, или Как это бывает: (Рассказ правдивый о девице ленивой). Стихи. — Фрунзе: ОПО МВД Киргиз. ССР, 1948. — 1 л., слож. в 22 с. Текст на одной стороне. — 5000 экз.
- Он же. Эх, раз! Стихи. — Фрунзе: ОПО МВД Киргиз. ССР, 1948. — 1 л., слож. в 18 с. Текст на одной стороне. — 5000 экз.
- Азаревич В., Тэ М. Сердце в заплатках. — СПб., 1920. — 29 с. — Содерж.: В.Азаревич. Переулки; М.Тэ. Прихоти блуждающие. — Стеклогр. изд.
- Акс Леопольд. Так говорили дни... — Таллин, 1932.
- Он же. Улица. — Нарва, 1937. — 10 с.
- Аксенов. Для солдата. 1915-1916 гг. — Бирск: Тип. «Труд», 1916. — 33 с.
- Аксенов И.А. Корифяне: Трагедия / Предисл. авт; Фронтиспис А.М.Родченко. — М.: Центрифуга, 1918. — 66 с.
- Александров В.С. Стихотворения. — СПб.: [Тип. И.М.Комелова], 1900. — 16 с. — 50 экз. — Изд. в продажу не поступало.
- Он же. Стихотворения: Вып. 2. — СПб.: [Тип. Н.Н.Клобукова], 1902. — 50 с. — 50 экз. — Изд. в продажу не поступало.
- Александров Г.Д. Стихотворение: По поводу столетия [1803-1903] со времени Высочайшего соизволения на преобразование адмиралтейских Ижорских заводов, для более широкой и многосторонней их деятельности. — СПб.: Тип. К.Фельдмана, 1903. — 13 с.
- Александров М.С. Стихотворения: Кн. 1-я. — Харьков: Тип. Н.В.Петрова, 1906. — 32 с.
- Александрович А. Стихом по прозе. — Нью-Йорк: Атлантик-Базар К°, [1925]. — 44 с.
- Алексеев Н. В омуте жизни: История одной девушки: Стихи. — Везенберг [Эстония]: Изд. автора, 1922. — 32 с.
- Алексеева Л. [Иванникова Лидия Алексеевна]. Лесное солнце: Стихи. — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1954. — 66 с. — (Русская зарубежная поэзия; № 3).
- Алексинский Григорий. Тюремные досуги. — М.: Изд. Т.И.Алексинской, 1918. — 32 с.
- Алиханов-Искандэр А.Г. Отвергнутый монах: Картинка в стихах. — Тифлис, 1909. — 11 с.
- Алланд А. Стихи: Книга первая / Обл. Н.Цицковского. — Нью-Йорк: Изд. автора, 1925. — 41 нен. с.
- Алтаузен Д. Политбоец Порфирий Бабий. — Б.м.: Изд. газ. «Боевая красноармейская», 1941. — 7 с.
- Алфеев Борис. Песни души: Изд. 1-е. — Майкоп: Изд. Союза раб. печатного дела, Б.г. — 32 с.
- Альтер М. Русской женщине. — Казань, 1914. — 1 с.
- Амурский Н. [Матвеев Николай Павлович]. Стихотворения, пародии и подражания. — СПб.: Тип. М.Розенроер, 1902 (обл.1903). — 116 с.
- Он же. Стихотворения. — Владивосток: Тип. Н.П.Матвеева, 1915. — 120 нен. с.
- Андерсен Лариса. По земным дугам. — Шанхай: Изд. журн. «Современная женщина», 1940. — 56 с.
- Андреев Вадим. Свинцовый час. — Берлин: 4 плюс 1, 1924. — 48 с.
- Он же. Недуг бытия: Вторая книга стихотв. — Париж: Стихотворение, 1928. — 94 с.
- Он же. Восстанье звезд: Поэма. — Париж: Стихотворение, 1932. — 46 с.
- Он же. Второе дыхание: Стихи 1940-1950 гг. — Париж: Рифма, 1950. — 109 с.
- Андреев Василий. Стихотворения. Т.1. Из моих писем и альбома: 1894-1907 гг. — Харьков: Тип. Х.М.Аршанской, 1907. — 31 с.
- Андреев Н. Стихи. — М.: Тип. А.И.Мамонтова, 1905. — 247 с.
- Андреевская В.Н. Орхидеи. — Астрахань: Паровая губ. тип., 1902. — 7 с.
- Анриан Б. Венок из лилий. — [Льеж, 1951]. — 49 с. — Ротатор. изд.
- Он же. Сон Петра: Поэма. — [Льеж, 1951]. — 20 с. — Ротатор. изд.
- Он же. Сон Петра: Поэма. — [Канада, 1954]. — 20 с. — Ротатор. изд.
- Он же. История Тани: Отрывки из романа в стихах «Обреченные». — [Канада, 1955]. — 52 с. — Ротатор. изд.
- Андринг Э.А. (матрос). Из недавнего прошлого: Сказка-быль. — Гельсингфорс: Тип. «Известий Гельсингфорского совета депутатов», [1917]. — 4 с.
- Он же. Политические песни и стихотворения Свободной России. Вып. 1. — Гельсингфорс: Тип. «Известий Гельсингфорского совета депутатов», 1917. — 16 с.
- Он же. Сказка-быль о мужике Панкрате, о его сыне Игнате, о земле и свободе и о русском народе. — Гельсингфорс: Тип. «Известий Гельсингфорского совета депутатов», 1917. — 16 с.
- Андропов Виктор. Стихотворения. — Харьков: Тип. «Экономия», 1919. — 99, VIII с. — 1200 экз.
- Анимор Николай. Песни запоздалые. — Берлин: [Тип. Штраус], 1919. — 48 с.
- Анисимов И.Н. Звездная ночь. — Новгород: Губерн. тип., 1909. — 2 с. — 200 экз.
- Анисимова Мария. Стихи. — Рим, 1920. — 84 с.
- Аничков В.П. Аляска — Русская река, форт Росс: Поэма. — Б.м., [1932]. — 64 с.
- Аничкова С. (Баронесса Таубе). Рассказы и юмористические стихотворения. — СПб.: Тип. Мин. путей сообщения, 1908. — 70 с.

Она же. Три пути: Стихотворения. — СПб.: Тип. Мин. путей сообщения, 1908. — 80 с.

Она же. Бесконечность без мгновения. — Прага: Чешская беллетристика, 1928. — 122 с.

Анкори Иошуа. Нападение. Эрец-Исраел, август 1929. — Тель-Авив: Тип. Войдысловского, 1930. — 79 с.

Он же. Песни и поэмы. Т. 1. — Тель-Авив: Изд. автора. [Тип. Войдысловского], 1930. — 302 с.

Анненков К.М. Стихотворения. — СПб.: Тип. Ю.Л. Римана, 1912. — 54 с.

Анофриев Н.Ю. Сборник охотничьих рассказов и стихотворений. — Киев: Тип. 2-й артели, 1912. — 140 с.

Анстей О. Дверь в стене. — Мюнхен, 1949. — 48 с.

Антимонов С. Петровы потехи: Комедия в 4-х действ. — Саратов: ГИЗ, 1921. — 100 с. — 3000 экз.

Он же. Безбожный оболыститель: Комедия в 4-х действ. — Саратов: Губполиграфпром, 1922. — 63 с.

Антипов В. Стихотворения. [Вып. 1] — Иерусалим: [Тип. PP Franciscans], 1932. — 152 с.

Он же. Стихотворения. [Вып.] 11. — Иерусалим, 1934. — 162, 1 с.

Он же. Стихотворения. [Вып.] 13. — Иерусалим, 1936. — 158, 1 с.

Он же. Стихотворения. [Вып.] 14. — Иерусалим, 1938. — 152 с.

Антонов К.Е. Новые думы: Стихотворения. — СПб., 1903.

Он же. Цветы религии и веры. — Харбин, 1920. — 58 с.

Антонова Елена. Отражения: Стихотворения (1942-1944) / Обл. М.Добужинского. — Нью-Йорк: Кружок русских поэтов в Америке, 1944. — 95 с.

Ануров С.Б. Русалки: Драма в стихах. — Тула: Тип. Губ. правления, 1902. — 17 с.

Анцев М.В. Двадцать басен. — Витебск: Губ. тип., 1910. — 57 с.

Аполлонов С. Свободные песни и настроения С.Аполлонова [1901-1917]. — Баку: Тип. С.Шахбагова, 1917. — 76 с.

Апостолов Н. Утренние сумерки: Лирика 1907 г. — Киев: Тип. окружного штаба, 1908. — 59 с.

Аракелов Гайк М., бек. Аравия и Мухаммед: Поэма. Ч. 1. [Главы 1-5]; За рубежом: Сборник стихотворений. — Гельсингфорс: Тип. Акц. общ. «Либрис», 1933. — 128 с.

Аракин Я. Стихотворения с того берега: Рассказ в стихах / Романы, музыка барона М.Ш. — СПб.: Сенатская тип., 1912. — 111 с.

Он же. Мартышка в городе: Сказка. Для детей младш. возр. — Харбин: Тип. «Техническая компания», Б.г. — 12 с.

Он же. Остров Благи: Повесть [в стихах]. — Харбин: Худож. тип. К.Сорокин и К^о, 1926. — 30 с.

Арбатов. Самодержавие — горе России: Биографии царей от Петра до наших дней; Свобода. — М.: Тип. «Русская печатня», 1917. — 74 с.

Аргамаков С.А. Христос и Россия. — Берлин: Изд. миссии «Свет на Востоке», 1937. — 160 с.

Он же. Родные дали: Избранные стихотворения с 1931 по 1939 — [Берлин], 1939. — 80 с.

Аргус [Айзенштадт Михаил Константинович]. Восточный герой / Фронтиспис И.Болотиной; Обл.

автора. — Нью-Йорк, 1947. — 61 с. — Автор писал также под псевдонимом «М.Железнов».

Аренс Эльза. Мои песни. — Рига: Изд. М.Дидковского, 1938. — 63 с., 1 л. портр. — 200 экз.

Арест Абрам. Машбэр: Поэма из цикла «Матерная Палестина» [в дни Хосер-Авода]. — Иерусалим, 1927. — 7 с.

Ариэль Арнольд. Красное знамя: [Сатирические легенды, поэмы, басни и сказки]. — М.: Типо-лит. «Русского Т-ва печатного и изд. дела», 1905. — 64 с.

Он же. Мрак: Драматическая грёза. В 5 действиях. — М.: [Тип. А.П.Поплавского], 1905. — 127 с.

Он же. Жрица свободы: Трагедия. — М.: Изд. М.Н.Прокоповича, 1907. — 104 с.

Аркадии А. [Цетлин Исаак]. Современные колокола: Стихотворения. — Брюссель: Зарница, 1927. — 31 с.

Он же. Настроения: Сборник стихотворений. — Брюссель: Зарница, 1934. — 76 с.

Аронсон Г. Мир издалека: Лирические стихотворения. — Берлин: Заветы, 1923. — 64 с.

Арсеньев Н. Безбрежное сияние. — [Мюнхен, 1955]. — 38 с.

Арский М. У старой Волги. — Симбирск: Тип. Губ. правления, 1911. — 38 с.

Арский Павел. Болтун: Монолог. — М.: Цедрам, 1935. — 2 с. — Ротатор. изд.

Он же. Знамя Парижской коммуны. — М.: Цедрам, 1935. — 1 с. — Ротатор. изд.

Он же. Песня о Кремле. — М.: Цедрам, 1935. — 3 с. — Ротатор. изд.

Он же. Песня о маленьком Мигуэле. — М.: Цедрам, 1935. — 3 с. — Ротатор. изд.

Он же. Песня о седом Эльбрусе. — М.: Цедрам, 1935. — 1 с. — Ротатор. изд.

Он же. Песня о юном барабанщике. — М.: Цедрам, 1935. — 2 с. — Ротатор. изд.

Он же. Сборник: 1. Баллада о крейсере «Аврора»; 2. Песня о Москве; 3. Рапорт миллионеров. — М.: Цедрам, 1935. — 6 с. — Ротатор. изд.

Он же. То же. 2-е изд. — М.: Цедрам, 1936. — 7 с. — Ротатор. изд.

Он же. Сборник малых форм: 1. Песня о Щорсе; 2. Песня о Тельмане; 3. Песня о Чапаеве. — М.: Цедрам, 1935. — 8 с. — Ротатор. изд.

Он же. Товарищ урожай. — М.: Цедрам, 1935. — 6 с. — Ротатор. изд.

Он же. Часовой у границ: Эстрадный сб. — М.: Упр. по охране авт. прав, 1936. — 23 с. — Ротатор. изд.

Он же. Эстрада. — М.: Цедрам, 1936. — 20 с. — Ротатор. изд.

Он же. Эстрада. — М.: Упр. по охране авт. прав, 1936. — 30 с. — Ротатор. изд.

Артамонов К.К. Сборник духовных стихотворений, посвященных в честь Спасителя. — СПб.: Изд. Брызгина, 1910. — 64 с. — 10000 экз.

Он же. Сборник духовных стихотворений, посвященных в честь Богоматери. — СПб.: Изд. Брызгина, 1910. — 48 с. — 10000 экз.

Аргуа. На земной лад: Стихи [Конго, 1929-1930]. — Париж: Изд-во Я.Е.Поволоцкий и К^о, 1931. — 64 с.

Он же. Зовы земные. — Париж: Параболы, 1934. — 63 с.

Он же. Песенный лад. — Париж: Параболы, 1935. — 48 с.

Архангельский Михаил. Для немногих: Стихи. — Париж: Тип. Я.П.Никишина, 1939. — 40 с.

Астори Е. Диссонансы. — Варшава: Тип. «Русского общества», 1911. — 43 с. — 500 экз.

Атанас. Новые священные песни. — СПб.: Пчелка, 1908. — 48 с.

Ахал-Текинец. Поэзия Пегаса: Сатира и мораль: (Стихи не стихи, а певучая проза). — СПб.: Изд. А.В.Александрова, 1900. — 95 с.

Ахшарумов В.Д. Стихотворения. — Полтава: Тип. И.А.Дохмана, 1908. — 100 с.

Ачаир А. [Грызов Алексей Алексеевич]. Первая: Книга стихов. — Харбин: Содружество поэтов Медитат, 1925. — 70 с.

Он же. Лаконизмы. — Харбин: Лаконизмы, 1937. — 32 с.

Он же. Полюнь и солнце. — Харбин, 1938.

Он же. Тропы: Стихи. — Харбин: Изд. В.В.Плотникова, 1939. — 64 с. — 220 экз.

Он же. Под золотым небом. — Харбин, 1943.

Аэль. Стихотворения. — М.: Тип. «Труд», 1909. — 92 с.

Баженова-Хомутова Е. Нарциссы. — Берлин, 1922. — 37 с.

Базий А.М. Памяти В.А.Жуковского: Читано в женской гимназии Д.Д.Оболенской 27 апреля и в первой мужской гимназии 28 апреля 1902 г. — Харьков: Тип. губ. правл., 1902. — 4 с.

Бакунина Е. [Новоселова Екатерина Васильевна]. Стихи: 1. Родина; 2. Изгнание; 3. Люди; 4. Одиночество; 5. О смерти; 6. Материнство; 7. Женское; 8. Отражения; 9. Земля. — Париж: Склад изд. «Родник», 1931. — 239 с.

Балашов А. Стихотворения: На чужбине; Песни гусарские: Для немногих. — Новый Сад: Тип. М.Г.Ковалева и К^о, 1923. — 40 с.

Он же. Перед портретом Царя Мученика. — Б.м.: Чужбина, 1929. — 1 с., 1 л. портр.

Бальмонт К.Д. Голубая подкова: Стихи о Сибири / Обл. И.Ф.Замотина; Илл. В.Ф.Ульянова. — Southoug, Сопл.: Алатаз, Б.г. [1937?]. — 45 с., 2 л. илл.

Он же. Светослужение (1936 г. Август — 1937 г. Январь): Стихи / Обл. В.Обольяниновой. — Харбин: Изд. В.В.Обольянинов, 1937. — 94, 5 с., 1 л. портр.

Бану Ц.Б. Два письма / Илл. М.Карпенко. — Сталинабад: Госиздат Тадж. ССР, 1942. — 16 нен. с.

Она же. Нераздельный союз: Поэма. — Сталинабад: Госиздат Тадж. ССР, 1942. — 16 нен. с. — 3100 экз. — 1 р. 30 к.

Она же. Рассказ пионера: [В стихах. Для средн. возраста] / Илл. М.Краснопольского и А.Орлова. — Сталинабад: Госиздат Тадж. ССР, 1942. — 10 нен. с. — 3000 экз. — 60 к.

Барабашев А. Стихотворения. — СПб.: Тип. И.Скорородова, 1905. — 56 с. — 300 экз.

Баранцевич Е.М. Вера: Стихотворение, сказанное на обеде 17 мая в Томске в честь римско-католического епископа Иоанна Цепляка. — Томск: Тип. Н.Орловой, 1909. — 3 с. — 200 экз.

Барт С. [Копельман С.В.]. Флоридеи: Стихи. — М.: Тип. кн-ва «Кошница», 1918. — 95 с.

Басов-Верхоянцев С. Конек-скакунок: Русская сказка. — Ревель: Изд. Ревельского комитета партии социалистов-революционеров, 1917. — 64 с.

Он же. Конек-скакунок: Русская сказка. — Берлин: Heinrich Caspari, 1918. — 72 с.

Он же. Сказ, отколь пошли цари у нас. — Берлин: Heinrich Caspari, 1917. — 56 с.

Он же. Конек-скакунок: Русская сказка. — Нью-Йорк: Изд. Книжного склада М.Н.Майзеля, Б.г. — 62 с.

Бассов Г.Ф. Современные куплеты: Репертуар известных куплетистов Г. и Г.Бассовых / Составил Г.Ф.Бассов. — Одесса: Изд. Г.Ф.Бассова, 1908. — 16 с.

Он же. Современные куплеты: Репертуар известных дуэтистов Г. и Г.Бассовых / Составил Г.Ф.Бассов. Вып. 2. — Одесса: тип. бр. Гринберг, 1908. — 16 с.

Бачай Роман. Стихотворение в честь офицеров и нижних чинов 166 пехот. Ровненского полка, павших в боях во время Русско-японской войны в полках Манчжурской действующей армии. — Киев: Тип. Печатный труд, 1909. — 1 с. — 150 экз.

Он же. Стихотворение героическому 129 пехот. Бессарабскому полку и его дорожному Августейшему Шефу Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Александровичу в день празднования столетия. — Киев: Тип. Печатный труд, 1909. — 1 с. — 250 экз.

Бездольный С. [Котельников Н.Д.]. Побег сумасшедшего: Истинное происшествие. — СПб.: Тип. К.Фельдман, 1905. — 1 с. — 10000 экз.

Бек Владимир. О Русская Земля: Поэма / Предисл. А.Ш. — Буэнос-Айрес: [Тип. «Полиглот»], 1944. — 48 с.

Белкин Федор. Родной простор. — М.: Моск. рабочий, 1947. — 63 с. — 10000 экз. — 2 р. 45 к.

Он же. Наш колхоз: Стихи / Илл. С.Бойм. — М.: Детгиз, 1950. — 24 с. — 50000 экз. — 3 р.

Белкина Л. Мои стихи. — Б.м., 1920. — 24 л. Текст на одной стороне листа. — Перед загл. авт.: Л.Б.

Белоцветов Николай. Дикий мед. — Берлин: Слово, 1930. — 52 с.

Он же. Мистическая поэма о Карле Марксе. — Рига: Тип. Карла Пола, 1934. — 16 с. — Перед загл. авт. не указан.

Он же. Песня о Григории Распутине. — Рига: Тип. А.Вассермана, [1934]. — 8 с. — Перед загл. авт.: Кроткий Федор.

Он же. Шелест: Второй сборник стихотворений. — Рига: Изд. М.Дидковского, 1936. — 32 с. — 100 экз.

Он же. Жатва: Третья книга стихов / Предисл. А.Белоцветовой. — Париж: «Рифма», 1953. — 48 с., 1 л. портр.

Белый А., Есенин С. Россия и Иония / Предисл. Р.В.Иванова-Разумника. — Берлин: Скифы, 1920. — 80 с. — Содерж.: Белый А. Христос воскрес; Есенин С. Товарищ; Иония.

Беляев И.Д. Голод: Стихи. — Юрьев, 1918. — 30 с.

Он же. Возвращение жизни. — Юрьев: Изд. Вадим Бергман, 1927. — 50 с.

Беляева Наталия. Нищета: Стихи 1942-1944 гг. / Обл. Ю.Анненкова. — Париж: Птицелов, 1945. — 61 с.

Беляков М. [Шварц Михаил]. Прага, или Четверг, который был человеком: (Чапелинада): Поэма. — Рига: Изд. автора, 1929. — 16 с.

Белякова Т. Поэмы. — [Брюссель], 1936. — 28 нен. с.

Бем Ирина. Орфей: Стихи 1937-1941 гг. — Прага, 1943. — 21 л. — 100 экз. — Ротатор. изд.

Бенедикт [Вентцель Николай Николаевич]. Городок: Сказка / Рис. С.Малютина. — М.: Тип. т-во А.И.Мамонтова, 1900. — 24 с. — Перед загл. авт.: Н.Юрьин.

Он же. Город и деревня: Картинки из детской жизни / Рис. А.Эйснера. — СПб.: Изд-во А.С.Суворина, [1910]. — 32 с. — Перед загл. авт.: Н.Юрьин (Бенедикт).

Он же. Лицедейство о господине Иванове: Моралитэ XX века. — СПб.: Столич. театр. изд-во «Театральные новинки», 1912. — 9 с. — Литогр. изд.

Он же. Несмеяна: Сказка в 2-х д. — СПб.: Столич. театр. изд-во «Театральные новинки», 1912. — 27 с. — Литогр. изд.

Он же. Прекрасная дама-публика: Фантазия в 1 д. — СПб.: Столич. театр. изд-во «Театральные новинки», 1912. — 11 с. — Литогр. изд.

Он же. Чудище многоглавое: Фантазия в 1 д. — СПб.: Столич. театр. изд-во «Театральные новинки», 1912. — 12 с. — Литогр. изд.

Он же. Несмеяна: Сказка в 2-х д. — Пб.: Изд-во Театр. отд. Нар. комиссариата по просвещению, 1919. — 36 с. — Перед загл. авт.: Н.Юрьин-Бенедикт.

Березов Р. [Акульшин Родион Михайлович]. Радость будет! — [Зальцбург, Лагерь Парш, 1946]. — 76 нен. с. — Ротатор. изд.

Он же. Веруй, надейся и жди: Стихи. — Зальцбург: Утро, 1948. — 64 с.

Он же. Дождь и слезы: Стихи. — Сан-Франциско: Дело, 1951. — 98 с.

Он же. Народные жемчужины: [Частушки] / Собрал Р.Березов. — Сан-Франциско: Дело, 1951. — 97 с.

Он же. Радость: Стихи. — Лос-Анджелес, 1953. — 104 с.

Он же. Песни души: Стихи. — [Голливуд], 1955. — 110 с.

Берг Н. Повесть о маленькой Оле. — Новый Сад: [Рус. тип. С.Филонова], Б.г.. — 23 с.

Бессарабев С. Записки коня: Поэзия. — Нью-Йорк: Мостовая, 1931. — 36 с.

Бехтеев С. Песни русской скорби и слез: Сборник стихотворений. — Мюнхен: [Тип. Р.Ольденбург], 1923. Вып. 1. — 47 с. Вып. 2. — 71 с.

Он же. Два письма: Роман в стихах. — Ницца, 1925. — 16 с.

Он же. Песни сердца. — Белград: [Тип. «Карут»], 1927. — 32 с.

Он же. Царский гуслир: Сборник патриотических стихотворений. Вып. 1. — Ницца: Святая Русь, 1934. — 32 с., 1 л. портр.

Он же. Святая Русь: Сборник православно-патриотических стихотворений. — Ницца: Святая Русь, 1949-1952.

Вып. 1. — 1949 / Предисл. игум. Афанасия. — 48 с., 1 л. илл.

Вып. 2. — 1950. — 32 с., 1 л. портр.

Вып. 3. — 1951 / Предисл. авт. — 32 с., 1 л. портр.

Вып. 4. — 1952. — 32 с., 1 л. илл. — Подзаг.: Сборник патриотических стихотворений.

Бехтеева Н.Н. На грани переживаний. — Белград: [Рус. тип. С.Филонова, Новый сад], Б.г. — 31 с., 1 л. портр.

Бильдерман М.Я. Тромбон: Сборник новейших куплетов. — Одесса: Изд. автора, 1910. — 8 с. — 2000 экз.

Бирская-Окунцова Н.А. Искры: Стихи 1902-1932. — Париж: [Тип. «Etoile»], 1934. — 110 с. — 300 экз.

Благих Я.Н. Изгнанник: Поэма. — Шанхай: Изд. автора, 1935. — 147 с. — 500 экз.

Блок А. Двенадцать: Поэма / Предисл. и илл. В.Масютина. 3-е изд. — Берлин: Нева, 1922. — 22 с., 4 л. илл.

Он же. Двенадцать: Поэма. — Львов: Русалка, 1922. — 15 с. — (Соврем. б-ка «Русалки»; Вып. 2).

Он же. Избранные стихотворения / Предисл. Арсения Несмелова. — Харбин, 1941. — 97 с.

Блох Андрей. Стихотворения. — Париж: Родник, 1927. — 85 с. — 300 экз.

Он же. Поэмы и стихи. — Париж: Родник, 1929. — 39 с. — 300 экз.

Блох Г.А. Стихотворения. — Выборг: [Тип. «Ильмаринен»], 1920. — 182 с. — Перед загл. авт.: Тюрсев Г.

Он же. Стихотворения. — Париж: Родник, [1928]. — 269 с., 1 л. портр.

Блох Раиса. Мой город. — Берлин: Петрополис, 1928. — 55 с.

Она же. Тишина: Стихи 1928-1934. — Берлин: Петрополис, 1935. — 56 с.

Божнев Борис. Борьба за несуществование. — Париж: [Тип. Л.Березняк], 1925. — 86 с.

Он же. Фонтан: Восемнадцать стихотворений. — Париж, 1927. — 31 с.

Он же. Альфы с пеною омеги: Двадцать семь стихотворений. — Париж: [Тип. «Cooperative Etoile»], 1936. — 32 с.

Он же. Silentium Sociologicum: Поэма. — Париж: [Тип. «Cooperative Etoile»], 1936. — 16 с.

Он же. Саннодержавие: Четверостишия о снеге. — Париж, 1939. — 30 нен. с.

Он же. Элегия эллическая: Стихи. — Париж, 1939. — 16 нен. с.

Он же. Утешенность разрушения: Книга стихотворений. — Париж, 1939. — 51 нен. с.

Он же. Колокольный звон над «Царство Божие внутри нас»: Поэма. — Б.м., 1948. — 25 нен. с.

Он же. Оратория для дождя, мужского голоса и тумана. — Б.м., 1948. — 27 нен. с.

Он же. Утро после чтения «Братьев Карамазовых»: Поэма. — Б.м., 1948. — 27 нен. с.

Он же. Высокобелеющие строки и свист площади: Поэма. — Б.м., 1949. — 16 нен. с.

Он же. Уход солдат на русско-японскую войну: Поэма. — Б.м., 1949. — 33 нен. с.

Бойм Эммануил. Луны электрические: Стихи. 2-е изд. — Пг.: Уриель, 1917. — 22 с.

Бондаренко В.Д. Осенние листья: Стихи. — Нью-Йорк, 1926. — 122 с.

Болотин С. Пропавшая тишина / Рис. Д.Штеренберга. — М.: Молодая гвардия, 1931. — 16 с. — 50000 экз. — 10 к.

Борич В. Ирочка в детской: Стихи / Рис. Д.Шохина. — М.: Изд. И.Кнебель, Б.г. — 12 нен. с.

Борич В. Любовный круг. — Б.м.: Орион, 1920. — 34 с.

Борич В. Чудесные царства: Сказка в 3-х частях: 1. Алое царство; 2. Синее царство; 3. Белое царство. — Б.м.: Орион, 1921. — 52 с.

Боричевский Стахий, протоиерей. Песни духовные. — Southbury, Conn.: Алатас, [1934]. — 192 с.

Бородина Мирра, Блох Раиса. Заветы: Стихотворения. — Брюссель: Петрополис, 1939. — 70 с.

- Босяк [Чудаков Федор Иванович]. Пережитое: Стихи. — Благовещенск: Тип. Г.И.Клиточглу, 1910. — 30 с.
- Бохан Д. Минские предания и легенды. — Минск: Типо-лит. И. и В.Тасьман, 1901. — 95, V с.
- Браиловский Александр. Дорогой свободной: Книга стихов. — Нью-Йорк: Орфей, 1955. — 63 с.
- Браславский А. Стихотворения. — Париж: [Тип. «Наварр»], 1926. — 72 с. — Перед загл. авт.: Булкин А.
- Он же. Стихотворения: Книга вторая. — Париж: [Тип. «Паскаль»], 1929. — 94 с.
- Он же. Стихотворения: Книга третья. — Париж: [Тип. «Crozier»], 1937. — 93 с.
- Бред П. [Горгулов Павел]. Тайна жизни скифов. — Париж: Франко-Славянское изд., 1932. — 127 с. — Содерж.: Даль: Повесть; Скиф: Поэма-трагедия; Тоска поэта: Поэма; Цветы: Стихотв.
- Брянский А.Д. [Псевд.: Саша Красный]. Если был бы я Убейко Юлий: Сборник куплетов. — Одесса: Изд. Шермана, 1913. — 7 с. — 3000 экз.
- Битан Илья. Богу: Стихотворения. — Берлин: [Тип. Зонабург и К^о], 1924. — 207 с.
- Он же. На пороге: Лирическая поэма. — Берлин: [Тип. Зонабург и К^о], 1924. — 40 с. — 3000 экз.
- Он же. Разноцвет. — Берлин: [Тип. Зонабург и К^о], 1924. — 222 с. — 2000 экз.
- Он же. С детьми. — Берлин: [Тип. Зонабург и К^о], 1924. — 64 с. — 2000 экз.
- Он же. Полдень. — Берлин: [Тип. Зонабург и К^о], 1925. — 200 с. — 3000 экз.
- Он же. Мария: Мистерия. — Берлин: Слово, 1927. — 94 с.
- Бройтман М. Куплеты [На полете; Гвалд я больше не буду и др.]. — Кишинев: Тип. Д.Г.Верба, [1911]. — 7 с.
- Брофельд Е. Стихи. — Белград, 1936. — 16 с.
- Брюсов Валерий. На смерть вождя: Кантата народного поэта В.Брюсова / Музыка М.Брагинского; Статья Л.Б.Каменева. — М.: Изд. Комиссии помощи детям при Президиуме Моссовета, [1924]. — 8 с. — Кантата исполнена на похоронах В.И.Ленина в Колонном зале Дома Союзов.
- Будкевич Л. На распустье: Стихи. — Киев: Тип. т-ва «Просвещение», 1907. — 55 с.
- Будевич А. Радость моя. Преподобный Серафим Саровский: [Поэма]. — Джорданвилл, Нью-Йорк: Тип. преп. Иова Почаевского в Свято-Троицком монастыре, 1949. — 40 с.
- Булин В. Думы скитальца. — Мюнхен, 1948. — 62 с.
- Он же. На огонек. — Кливленд: Изд. автора, 1952. — 124 с.
- Он же. В лесах заснеженных: Стихи. — Кливленд: Изд. автора, 1954. — 128 с.
- Булич Вера. Маятник: Стихи. — Гельсингфорс: Акц. о-во «Либрис», 1934. — 56 с.
- Она же. Пленный ветер: Стихи. — Таллинн, 1938. — 67 с.
- Она же. Бурелом: Третья книга стихов. — Хельсинки: Изд. автора, 1947. — 70 с.
- Она же. Ветви: Четвертая книга стихов. — Париж: Рифма, 1954. — 46 с.
- Булыгин П. Стихотворения. — Берлин: Тип. Ланде и К^о, Б.г. — 136 с.
- Он же. Янтари: Стихотворения / Предисл. П.Пильского. — Рига: Изд. М.Дидковского, [1937]. — 152 с. — 200 экз.
- Бунов-Таль Л. Горе быть женатым: Сборник куплетов. — Херсон: Изд. П.Шишкинса, [1913]. — 12 с.
- Бурелом [Балин Г.]. Царство Сатаны; Грустные песни безвременья; Наброски по наблевшему вопросу; Посвящается обманутому народу / Предисл. авт. — София: [Тип. Армейского военно-изд. фонда], 1921. — 66 с.
- Буренин В. Песнь любви и смерти: Сказка-драма в 4-х действиях. Сюжет взят из поэмы Альфреда Теннисона «Elaine». — СПб.: [Тип. А.С.Суворина], 1909. — 67 с.
- Буркин И. Только ты: Стихи. — Мюнхен, 1947. — 28 с.
- Бурлюк Д. 1/2 века: (Издано к пятидесятилетию со дня рождения): Россия 1882 — 1932 Америка. — [Нью-Йорк]: Изд. М.Н.Бурлюк, [1932]. — 18 с., 1 л. портр.
- Бурнакин Анатолий. Чужая даль: Стихотворения 1907-1922. — Царьград [Стамбул]: Изд. О-ва русских писателей и журналистов, Б.г. — 48 с.
- Буров А.П. [Бурд-Восходов Алесандр Павлович]. Тяжко мне, тяжко без сталинградской России: (В трех балладах); Плач вопиющего в пустыне. — Лейден, 1947. — 192 с.
- Он же. Москва далекая... — [Голландия], 1950. — 219 с. — На суперобл. загл.: «Россия — книга золотая».
- Бух Тамара. Солнце веков: К 950-летию крещения Руси. — Нарва: [Тип. M.Minis'e], 1938. — 8 с.
- Бухарова З. Стихотворения. — СПб., 1903. — 96 нен. с.
- Бухгольц Р.Д. Гнездо ласточек: Сборник стихотворений / Предисл. А.Балабановой. — Нью-Йорк, 1946. — 88 с.
- Быковский И. Стихотворение, посвященное В.М.Пуришкевичу. — М.: Тип. Ф.И.Филатова, 1910. — 1 с. — 500 экз.
- В.К. Ее Императорскому Высочеству Великой Княгине Елизавете Федоровне посвящается на Новый 1908 год. — Тверь: Тип. Родионова, 1907. — 1 с. — 100 экз.
- В.К. Посвящается на Новый 1908 год: Поздравительное стихотворение. — Тверь: Тип. Родионова, 1907. — 1 с. — 50 экз.
- Ваврик В.Р. Песни; Русь; Трёмбита. — Ужгород: Тип. Школьной помощи, 1921. — 94 с.
- Он же. Гаивки. — Львов — Прага: Отдельн. оттиск из газ. «Русский голос», 1922. — 17 с.
- Он же. Стихотворения. — Филадельфия, 1922. — 26 с.
- Он же. Красная горка: Третий сборник стихотворений. — Львов: Живое слово, 1923. — 28 с.
- Он же. О. Игнатий: Поэма. — Львов, 1934. — 20 с.
- Вадимов Е. [Лисовский Юрий Ипполитович]. К Единому: Пять стихотворений (Йог; Буддист-китаец; Персы; Пилигрим Ясной Горы; Византиец). — Белград: Изд. «Книжного кружка», 1929. — 28 с.
- Он же. Где-то...: Избранные стихотворения. — Белград: Изд. Н.З.Рыбинского, 1930. — 94 с., 1 л. портр.
- Он же. «Русская культура» и другие избранные стихотворения, 1932 — 1936. — Варшава: Изд. Русского благотворительного общества в Польше, 1937. — 15 с.
- Он же. Свете Тихой: Вторая тетрадь избранных баллад и стихотворений. — Варшава, 1938. — 24 с.
- Вайсер Д.П. Плач Валгунды: Сборник стихотворений. Т.П. — Берлин, [1923]. — 64 с.

Варсофоний, архимандрит. Духовные стихотворения. — Шамордино, Калуж. губ.: [Тип. Казанской Амвросиевской женской пустыни], 1914. — 32 с.

Он же. Духовные стихотворения оптинского старца схи-архимандрита Варсофония: Изд. 2-е. — Шамордино, Калуж. губ.: [Тип. Казанской Амвросиевской женской пустыни], 1915. — 32 с. — 1000 экз.

Варст. [Степанова Варвара Федоровна]. Беспредметные стихи. — [М., 1919]. — 32 л. — Стеклогр. изд.

Василенко В. Андрей Родин: Роман в стихах. — Пг., 1917. — 32 с.

Васильев П.А. Футурззы: (Оливковая папка стихопроз): Десятая книга писателя Павла Андреевича Васильева. — Ростов н/Д: Тип. «Печатное дело» Ф.Е.Ревич, 1915 (обл. 1917). — 13 л. — 200 экз.

Васильева Н. Золотые ресницы: Стихи. — Тифлис, 1919. — 22 с.

Вахрушев Н. К врагам отчизны; Колыбельная песня. — Ковров: Тип. А.Никольского, 1906. — 1 с. — 1000 экз.

Вахтман М.И. Бум чик-чик!: Сборник новейших куплетов. — Одесса: Тип. Зирькова, 1908. — 8 с. — 2000 экз.

Вега М. [Ланг Мария Николаевна]. Полюнь. — Париж: [Склад изд. Книжный магазин Е.Сияльской], 1933. — 56 с.

Она же. Мажор в миноре: Стихи. — Париж, 1938. — 71 с.

Она же. Лилит: Третья книга стихов. — Париж, 1955. — 48 с.

Вегенов В. Песни нищеты. — СПб.: Изд. П.В.Шишова, 1911. — 71 с.

Ведринский И. С нами Бог; Самаритянка; Надежда; Кавказ: Стихи. — Тифлис: Тип. Либерман и К^о, 1915. — 8 с. — 100 экз.

Вейнберг Борис. Координата: Стихи / Вступит. ст. Н.Антоновой. — Рио-де-Жанейро: Изд. книж. магазина «Александр Северинг», 1955. — 96 с.

Вейншал Зинаида. Палестинский альбом. — Берлин, 1929. — 46 с.

Величковская Т. Белый посох: Стихи. — Париж: Рифма, 1952. — 46 с.

Величковский Алексей. Песни изгнания: Стихи. — Белград: Рус. тип., 1926. — 159 с.

Величковский Анатолий. Лицом к лицу: Стихи. — Париж: Рифма, 1952. — 47 с.

Венский Евгений. [Пяткин Евгений Осипович]. Конец Касьяна Камаринского: Республиканская поэма. — СПб.: [Электротеч. «Маяк»], 1917. — 30, 2 с. — Перед загл. авт.: Е.Ф.Богоявленский (Евг.Венский).

Он же. К людям вольных гор. — Ростов н/Д: Тип. т-ва «Обновление», 1919. — 11 с.

Он же. Сказка о рыбаке и рыбке / Худ. С.Дригин. — [Ростов н/Д, 1919]. — 9 л., 9 л. илл.

Венус Г. Полустанок: Стихи. — Берлин, 1925. — 62 с.

Вербицкий Л.В. Стихотворения: 1. Российскому воину; 2. Правда Божия Православному воину / Сост. Л.В.Вербицкий. — Чернигов: Тип. Губ. Земства, 1916. — 11 с.

Вергун Д.Н. Червоно-русские отзвуки: Стихотворения. — Львов: Изд. Литературного кружка при Обществе галицко-русских студентов «Друг» во Львове, 1901. — 144 с.

Он же. Стихотворения. 2-е, просмотр. и значит. доп. изд. — Львов: Изд. «Галицко-Русской Матицы», 1907. — 174 с., 1 л. портр.

Он же. Карпатские отзвуки: Сборник стихотворений. 3-е изд. — Нью-Йорк, 1920. — 160 с.

Верещагин В. Стихи. — Париж: [Тип. «Наварр»], 1955. — 28 с.

Верне Аким. [Карнеев Михаил Иванович]. Всякая всячина: Из жизни разных деятелей и бездельников Тверской губернии. Вып. 1. — Тверь: Тип. Губерн. ведомства, 1907. — 56 с.

Верхоустицкий Б. Черные песни: Сборник анархических стихов. — М.: Изд. Всероссийской федерации анархистов-коммунистов, 1920. — 22 с.

Веселицкий А. 8-е ноября 1911 г. — Симферополь: Таврич. губ. тип., 1911. — 1 с.

[Веселовский В.] Спут: Русская поэма лорда Ловелэй из Эдинбурга / Изд. В.Веселовского. — Нижний Новгород: Тип. Ройского и Душина, 1902 (обл. 1903). — 217 с.

Вестфаль Л. В стране чужой... — Прага, 1922. — 96 с.

Вечорка Т. [Толстая Татьяна Владимировна]. Беспомощная нежность. — Тифлис, 1918. — 23 л. — Стеклогр. изд.

Визи М. [Туркова Мария Генриховна]. Стихотворения. — Харбин, 1929. — 172 с. — 100 экз.

Она же. Стихотворения: Вторая книга стихов. — Шанхай: Изд. В.П.Камкина и Х.В.Попова, 1936. — 56 с.

Виленский И. Звезды: (Мерцания Юности). — Бобруйск: Тип. И.Фейгина и А.Минскера, 1910. — 117, III с.

Вильде Ольга. Сборник призываний О.В. — Армавир, 1916. — 35 с.

Viola Pavl. Прелюдии творчества: Стихотворения. — Киев: [Тип. Т-ва И.Н.Кушнерев и К^о в Киеве], 1907. — 4, IV, 143 с., 1 л. портр.

Вичугин В. Басни. — Берлин, Б.г. [до 1929]. — 116 с.

Владиславович М. На мотивы «Звериады»: Воспоминания о Николаевском Кавалерийском Училище. [СПб., 1896-1898]. — Ровно [Печ. в Вильно], 1936. — 170, 2 с.

Водкин Серафим М. [Усас С.М.] История Государей Российских в стихах / Рис. Н.А. и Г.М. — Пг.: Изд. В.Христофоровой, 1917. — 32 с.

Водневский Н. Радуга: Христианские стихи. — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1952. — 51 с.

Он же. На рассвете: Стихи и рассказы. — [Виннипег, Канада], 1954. — 110 с.

Воеводин Всеволод. Расцвет души: Стихи. — Пг.: [9-я Гос. тип.], 1922. — 16 с. — 25 экз.

Воинов И. Чаша ярости. — Париж: Дом книги, [1938]. — 48 с. — 200 экз.

Войтенков Н. Стихотворения. — Александрия: Павлин. [Печ. в Париже, 1932]. — 60 с.

Вокс М.А. Пируэт шута: Эскизы о дебоширской поэзии и стихи. — Тифлис: Тип. насл. К.П.Коаловского, 1918. — 24 с.

Волков А. Молитва. Стихотворение посвящается открытию Ковровского отдела Союза русского народа. — Ковров: Тип. А.Никольского, 1906. — 1 с. — 1000 экз.

Волков Б. В пыли чужих дорог: Стихи. — Берлин: Парабола, [1934]. — 157 с., 1 л. портр.

Волкова Мария. Песни Родине / Предисл. П.Н.Краснова. — Харбин: Изд. Войсковое Представительство Сибирского казачьего войска, 1936. — 102 с. — 3000 экз.

Она же. Стихи. — Париж: Кружок казаков-литераторов, 1944. — 64 с.

Волошин А.А. На путях и перепутьях; Досуги вечерние; Европа-Америка 1921-1952 / Предисл. Г.Д.Гребенщикова; Портр.- шарж Я.Анчутина. — Сан-Франциско: Дело, 1953. — 148 с., 1 л. портр. — На обл. авт.: Волошин А.А. (Негритос).

Волошин Максимилиан. Пути России: Стихотворения / Под ред. и с предисл. В.Завалишина. — [Регенсбург]: Эхо, 1946. — 62 с.

Волынец Архип. К событиям в городе Киеве [1-го сент. 1911 г.]: Стихотворение. — Одесса: Тип. С.Н.Скарлато, 1911. — 1 с. — 1500 экз.

Он же. На день тезоименитства Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича. — Одесса: Тип. Епархиального дома, [1914]. — 1 с.

Волькенштейн В. Черный рыцарь. — Берлин: Эпоха, 1922. — 76 с.

Вонсович И.И. Покуривая трубку: Рифмованный блокнот. — Харбин: [Тип. «Гун-Бао»], 1930. — 215 с.

Он же. Проблески: Блокнот № 2. — Шанхай: Голос, 1934. — 82 с.

Воронович (корнет). Вороные кони рвутся. — СПб., [1910]. — 2 с.

Вороновский Н. Шелесты жизни: [Стихотворения]. — Киев: Тип. Губерн. правл., 1913. — 16 с. — 100 экз.

Вороновский В. Стихи: Тетрадь 1-я. — Нью-Йорк: Китоврас, 1924. — 32 с.

Востоков В.И., протоиерей. Розы и шипы. — Сан-Франциско, 1953. — 74 с.

Он же. Розы и шипы: 2-е изд. — Сан-Франциско, 1954. — 96 с.

Враль Ф.Е. Не люблю — не слушай!: Горсточка басен Ф.Е.Враля / Рис. М.Пастернака и Спрингиса. — Рига: Изд. автора, 1926. — 20 с. — 300 экз.

Всегдапьющенский И. Песни монополии: Очерки, сцены, песни, куплеты / Сочинил и собрал И.Всегдапьющенский. — М.: Изд. книгопродавца И.А.Морозова, 1906. — 24 с.

Высоцкий К. Иисус Христос: Стихотворения в четырех книгах. — Вильно: Тип. Штаба Виленского военного округа, 1912. — 351 с.

Он же. Апостол: Стихотворения. — Сувалки: Тип. Губ. правл., 1913. — 99 с.

Вян [Нечаев Вячеслав Яковлевич]. Моя муза: Избранные стихотворения / Обл. и илл. автора. — [Германия]: Изд. автора, [1947]. — 68 с. — Ротатор. изд.

Вяткин Г. Раненая Россия: Стихи; Верность; Каллистрат: Рассказы. — Екатеринбург: Тип. Вр. Центр. Военно-промышл. Комитета, 1919. — 11 с.

Он же. Сказ о Ермаковом походе. — [Новосибирск: Тип. СКС, 1927]. — 10 с. — 50 экз.

Г.Х.Д. Осенние листья: Стихотворения в прозе. — СПб.: Тип. Сириус, 1914. — 156, IV с.

Габрилович Е., Лапин Б., Спасский С., Соколов И. Экспрессионисты. — М.: Сад Академа, 1921. — 16 с.

Галахов В. Враждебный мир: Стихи 1920-1932 гг. — Гельсингфорс: Тип. акц. о-ва «Либрис», 1933. — 56 с.

Гапаранди Е. Цветы любви. — Рига: Изд. М.И.Докторова, 1925. — 80 с. — 5000 экз. — На обл.: Лазурный любовный письмовник.

Он же. Песни латгальца. — Рига: Изд. автора, 1928. — 8 с. — Перед загл. авт.: Янитис Волдемар.

Он же. Сказ латгальца. — Рига: Изд. офени У.Роговского, 1931. — 32 с. — 1000 экз.

Он же. Черная бумба: Песни рижского босяка. — Рига: Изд. автора, 1931. — 2 с.

Гарднер Вадим. Под далекими звездами: Стихотворения. — Париж: Concorde, 1929. — 156 с.

Гаур Л. Стихи. — Канада: Форум, 1949. — 72 с.

Гейнцельман А. Космические мелодии. — Неаполь: Изд. Пиронти и С-я, 1951. — 267 с.

Он же. Священные огни. — Неаполь: Изд. Пиронти и С-я, 1955. — 350 с.

Генкен А. Как слезы сирени. — Харьков, 1918. — 48 с.

Герасименко К. На южном фронте. — Б.м.: Изд. Союза сов. писателей Украины, 1942. — 29 с. — (Б-ка «Фронт и тыл»). — 1000 экз.

Герман П. Париж пламенеющий. — Париж: La Cible, 1927. — 51 с.

Гетманский. Буффонада святынь: Первый сборник трагических гримасьеров. — Краснодар: Семь тубероз, 1921. — 6 нен. с. — Стеклогр. изд.

Гиляр Л.П. Мне только семнадцать лет: (Тайна девушки на восходе жизни). — М., 1914. — 16 с.

Гиляровский В. Солдатская песня: (Посвящена Козловцам). — Харьков: Тип. А.Дарре, 1912. — 1 с. — 100 экз.

Гингер А. Свора верных. — Париж: Палата поэтов, 1922. — 35 с.

Он же. Преданность: Вторая книга стихов. — Париж: Канарейка, 1925. — 86 нен. с.

Он же. Жалоба и торжество: Третья книга стихов. — Париж: Дом книги, 1939. — 45 с. — 200 экз. — (Русские поэты; Вып. 6).

Гиппиус З. Походные песни. — [Варшава, 1920]. — 23 с. — Перед загл. авт.: Антон Кириша.

Глагольский П.Н. Стихи: Книга первая / Обл. А.Худякова. — Нью-Йорк, 1955. — 96 с.

Гладищев П. Сны на яву. — Берлин: Парабола, 1933. — 80 с. — 300 экз.

Он же. В разлуке: Стихи. — Берлин: Парабола, 1935. — 58 с.

Глер Я. Зарницы: Сказы в ритмах современности. — Рига: Тип. «Герольд», 1931. — 80 с.

Глушкевич Мариан. Собрание стихов: Книга вторая. — Львов: Изд. Кружка рус. студентов, 1907. — 45 с.

Он же. Символы и иллюзии: Третья книга стихов. — Львов, 1922. — 40 с. — (Соврем. б-ка; № 4).

Голованов Н.Н. Юлиан-отступник: Героическо-романтическая фантазия на историческую тему. — М.: Тип. К.Л.Меньшова, 1904. — 111 с.

Он же. Искарriot: Драма (в стихах). — М.: Тип. А.П.Поплавского, 1905. — 160 с.

Головина Алла. Лебединая карусель: Стихи. 1929 — 1934. — Берлин: Петрополис, 1935. — 62 с. — 300 экз. — («Скит»; Вып. 5).

Голохвастов Г.В. Полусонеты / Вступит. ст. Б.Бразоля. — Париж: [Тип. «Паскаль»], 1931. — XIII, 311 с. — 300 экз.

Он же. Гибель Атлантиды: Поэма / Илл. А.Н.Авинова. — Нью-Йорк: Изд. Общества Ревнителей Русской Изящной Словесности, 1938. — 256, 30, XXXII с. — 300 экз.

Он же. Жизнь и сны. — Нью-Йорк: Изд. Кружка русских поэтов в Америке, 1943 (обл. 1944). — 90 с., 1 л. портр.

Он же. Четыре стихотворения (Иван Калита; Ворон; Покаянное письмо; Полуоправдание). — Нью-Йорк: Изд. Б.А.Завалишина, 1944. — 27 с.

Голубев-Багрянородный Л. Каури: Стихи. Кн. 5-я / Обл. авт. — Ростов н/Д: Эгосамость, 1920. — 64 с. — 6000 экз.

Гомзаков П. Стихотворения. — Владивосток: [Тип. Строевого отдела командира Владивостокского порта], 1904. — 82 с. — Весь сбор от продажи поступает в пользу Российского О-ва Красного Креста.

Гомолицкий Л. Миниатюры: Стихи 1919 — 1921. — Варшава: Россика, 1921. — 32 с.

Он же. Дом: Стихи. — Варшава: Литературное содружество, 1933. — 23 с.

Он же. Варшава: Поэма. — Варшава, 1934. — 16 с. — 100 экз.

Он же. Сотом вечности. — Варшава: Священная Лира, 1937. — 16 с. — 100 экз.

Он же. Притчи. — Варшава, 1938. — 13 с.

Гончаров Ю.Ф. Книга стихов. — Прага: Вольное казачество, 1929. — 56 с., 1 л. портр. — 520 экз.

Горлин М. Путешествия: Стихи. — Берлин: Петрополис, 1936. — 40 с.

Горная Любовь. Иней. — Харбин: Изд. О.С.А., 1921. — 60 с.

Горностаев А. [Горский Александр Константинович]. Лицо эры. — Харбин: Тип. Л.М.Абрамовича, 1928. — 45 с. — 500 экз.

Горов. Сладше меда и вина. — [Варшава], 1907. — 32 с.

Он же. Сладше меда и вина. — Варшава, 1907. Ч. 1. — 15 с. Ч. 2. — 15 с.

Горовцев А. Думы о России: Стихотворения, басни, пародии, эпиграммы и т.п., напечатанные в первых выпусках политического журнала-альманаха, издаваемого проф. А.Горовцевым. — Б.м.: Трибуна, Б.г. [Печ. Берлин: Тип. О-ва «Прессе»]. — 24 с.

Городецкий С. Судьба России: Стихотворение. — Тифлис, 1918. — 4 с.

Он же. Бунт кукол / Рис. авт. — М.: Новая Москва, [1925]. — 14 с. — 4000 экз. — 30 к.

Он же. Хозяйки-лентяйки / Рис. Е.Белухи. — М.: Л.: Радуга, [1927]. — 10 нен. с.

Городской Я. Встречи. — Киев: Госиздат Украины, 1940. — 126 с. — 5000 экз. — 4 р. 75 к.

Он же. На зов наркома обороны. — Киев; Харьков: Радянский письменник, 1941. — 20 с. — 13000 экз. — 30 к.

Горохов П.Г. Самобитная свирель: Стихотворения П.Г.Горохова, самоучки, писателя-крестьянина Калужской губернии, Малоярославецкого уезда, Башмаковской волости, дер. Якимовки. — М.: Тип. Вильде, 1901. — 32 с.

Горская А. [Гривцова Антонина Алексеевна]. Раздумья: Стихи. — Париж, 1938. — 31 с.

Она же. Тревога: Второй сборник стихов. — Париж: Дом книги, 1947. — 32 с.

Горянский В. [Иванов Валентин Иванович]. Вехи огненные: Поэма о революции. — Константинополь: Изд. автора, 1921. — 60 нен. с. — 100 экз. — Ротатор. изд.

Готвиль А. де [Байов Алексей Алексеевич]. Грядущая Цусима: Поэма. — Ревель, 1921. — 15 с.

Градиленко Д.С. В часы досуга: Сборник стихотворений и рассказ «Прошлое»: Изд. первое. — М[алое] Городище, Киевск. губ.: Скоропеч. М.Э.Юницкого, 1905. — 79 с.

Грачев С. Стихотворения крестьянина. — Козлов: Тип. Калманок и бр. Веллер, 1906. Ч. 1. — 47 с. Ч. 2. — 44 с. Ч. 3. — 40 с.

Гребеншиков Г. Златоглав: Эпическая сказка XX века / Обл. работы худож. И.Ф.Замотина. — Southbury, Conn.: Алатас, [1939]. — 107 с.

Он же. Златоглав: Эпическая сказка XX века: 2-е изд. / Обл. работы худож. В.Ф.Ульянова. — Southbury, Conn.: Алатас, [1939]. — 107 с.

Он же. Радонега: Сказание о неугасимом свете и о радужном знамени жития преподобного Сергия Радонежского, к 600-летию со дня его вступления в Хотьковский монастырь. — Southbury, Conn.: Алатас, 1938. — 158 с.

Он же. Радонега: Изд. 2-е, доп. — Southbury, Conn.: Алатас, 1954. — 218 с.

Гребеншиков С. Родина: Стихотворения. — [Белград], 1931. — 24 с.

Гребнев Л. [Файнберг Леонид Александрович]. На паперти дорог: Стихи / Обл. работы Л.Лозовика. — Берлин: [Склад издания кн-во «Москва»], 1923. — 96 с.

Гриф. На путях огня: Лирика. — Берлин: [Склад изд. маг. «Москва»], 1924. — 48 с.

Гриценко Е.Р. Стихотворения. Кн. первая. — Скопье, 1938. — 16 с.

Гришин М. (Черт). Сволочь: Стихи: (Опыт революционной лирики). — Минск: 2-я Сов. тип., 1922. — 24 с. — 1000 экз.

Гронский Н.П. Стихи и поэмы. — Париж: Парабола, 1936. — 218 с., 1 л. портр.

Гроссе Л. Мысли сердца. — Париж: [Тип. А.Сниткин и К°], 1925. — 110 с.

Он же. Видение. — Шанхай, 1926. — 14 с.

Он же. Грехопадение. — Шанхай, 1926. — 6 с.

Он же. Кремль: Поэма. — Шанхай, 1926. — 24 с.

Он же. Песня жизни. — Шанхай, 1926. — 32 с.

Он же. Пророк. — Шанхай, 1928. — 4 с.

Он же. Я, вы и он: Роман из жизни шанхайских эмигрантов. — [Шанхай], 1930. — 317 с.

Он же. Мирам сердца. — Париж: [Тип. «Паскаль»], 1931. — 37 с. — Склад изд.: кн. маг. Е.Сияльской.

Он же. Мертвая смерть: Юбилейное изд. 1922 — 1932. — Б.м., [1932]. — 208 нен. с.

Грот Е. Свеча зажженная. — Сан-Франциско: Тип. газ. «Русская жизнь», 1930. — 31 с.

Грошиков Ф. С винтовкой: Сборник стихов / Предисл. К.С.Еремеева. — Л., 1926. — 31 с.

Груз Пьер [Грузинцев Петр Петрович]. Искры любви, игранья жизни: 2-й сборник стихов: Изд. первое. — Ярославль: Тип. «Печатное Дело», 1917. — 20 с.

Груздев И. Из пожара времен: Стихи. — Сан-Франциско, 1951. — 43 с.

Грузинов И. Серафические подвески. — Пг.: Имажинисты, 1922. — 7 нен. с. — 100 экз.

Грэт В. Грань. — Ростов н/Д: Тип. Т.Шуликовой, 1918. — 64 с.

Гудзенко А. Ленинград: Поэма. — Шанхай: Эпоха, 1943. — 30 с.

Гулуев А. В ночи бессонные... — Берлин: Изд. Е.А.Гутнова, 1923. — 42 с.

Гумилев Н. Избранные стихотворения. — Зальцбург: Информационный бюллетень, 1946. — 69 с.

Он же. Собрание сочинений: В 4 т. / Ред. и вступит. ст. В.Завалишина. — Регенсбург, 1947. Т.1. — 160 с. Т.2. — 139 с.

- Т.3. — 108 с.
Т.4. — 88 с.
- Гурлянд И.Я. На кресте: Повесть в стихах. — Париж: [Тип. Якубовича и Романо], 1921. — 175 с.
- Гуро Е. Шарманка: Пьесы, стихи, проза. 2-е изд. — [СПб.: Журавль, 1914]. — 220 с., 8 с. нот.
- Гусев Д. Грешный цвет: Стихи о душе человеческой. — Париж, 1927. — 75 с.
- Гусев-Оренбургский С. В поисках пути: Ритмические размышления. — Нью-Йорк: Изд. «Старого времени», 1935. — 16 с.
- Гущик О. Следы. — Брюссель: Петрополис, 1939. — 28 с.
- Давид. В котгах города. — Нью-Йорк: Изд. Давид Естрин, 1920. — 16 с.
- Давыдов В.А. На пути к Богу и Бесконечности / Предисл. Н.Брешко-Брешковского. — Париж: Тип. «Франко-русская печать», 1923. — 75 с.
- Он же. Песни солнца: Сборник стихотворений. 3-е изд. / Предисл. А.Куприна; Критико-биограф. очерк Н.Брешко-Брешковского. — Париж: [Тип. Е.И.Р.Р. (O.Želuk)], 1933. — 107 с. — Перед загл. авт.: Владимир Горийский.
- Дагестан В. Сердце. — Париж: Дом книги, [1939]. — 48 с.
- Дайнов М. Моисей: Драматическая поэма в 4-х действиях. — Женева: Русская тип. И.С.Ремизова в Женеве, 1941. — 144 с., 1 л. портр.
- Д'Актиль А. [Френкель Анатолий Адольфович]. Бабушкины сказки про коммуну. — Харьков: [Тип. М.И.Левин], 1919. — 16 с. — Перед загл. авт.: Д'Актиль (Желчный поэт).
- Он же. Никаких настроений. — Рига: Тип. Д.Апта, 1927. — 30 с. — 4000 экз. — (Веселая б-ка журн. «Ванька-Встанька»).
- Даль Ю. Орлиные полеты: 1-й сборник поэзии. — Вильно: Изд. автора «Набат», 1939. — 64 с., 1 л. портр.
- Дарем Е. У моря: Стихи. — Харбин: Изд. М.С.Никитиной, 1938. — 74 с. — 160 экз.
- Дартау О. Стихи. — Колумбус, Штат Огайо: Изд. авт., 1955. — 54 с.
- Дегтярев Н., Полетаев Н. Огниво. — М., 1921. — 8 с. — 3000 экз.
- Дерунов С.Я. Бедный Ваня-подкидыш. — Пошехонье: Изд. А.О.Волкова, 1904. — 19 с. — (Первая книжка детям-грамотеям).
- Дешевой Н. Фата: Стихотворения 1920-1933 гг. — Париж: [1933]. — 21 с.
- Он же. Листопад: Воспоминания; Цикл стихов. — Париж; Берлин: Парабола, 1934. — 149 с.
- Джембулат Е. Край отцов: Стихи. — Берлин: Парабола, 1934. — 72 с.
- Джунковский Л. Стихи. — Париж, 1940. — 126 с.
- Дзамбулат Д. Изгнанник Кавказа: Стихи. — Париж: [Тип. «Паскаль»], 1931. — 78 с.
- Диксон В. Ступени: Стихотворения. — Париж: Гнездо, 1924. — 148 с.
- Он же. Листья. — Париж: Вол, 1927. — 71 с.
- Он же. Стихи и проза / Предисл. А.Ремизова. — Париж: Вол, 1930. — 248 с.
- Дмитриев В. (Волжанин). Волжские мотивы: Стихотворения. Т.1. — Шанхай, 1923. — 42 с.
- Дмитриева Ф. Цветы в конверте. — Харбин, 1940. — 62 с.
- Долгунов М. В память посещения Киева Его Императорского Величества 19-го августа 1906 г. и 28-го июня 1909 г.: Стихотворения. — Киев: Тип. Рус. печатня, 1909. — 1 с. — 2000 экз.
- Долин Е.З. В вихре революции: Стихи, проза, фельетоны, критика / Предисл. М.Р-н. — Мичиган: Друг, 1954. — 460 с.
- Дон-Аминадо [Шполянский Аминад Петрович]. Дым без отечества. — Париж: Север, 1921. — 102 с.
- Он же. Накинув плащ: Сборник лирической сатиры / Обл. Ф.Рожанковского. — Париж: Нескучный сад, 1928. — 206 с.
- Он же. Всем сестрам по серьгам: Юбилейная шутка. — Париж, 1931. — 12 с. — 60 экз.
- Он же. Нескучный сад. — Париж: Дом книги, 1935. — 197 с.
- Он же. В те баснословные года. — Париж: Editions Universaires, 1951. — 147 с.
- Дон Базилио. Микрофон, стишки и куплеты. — Рига: [Тип. М.Махтенберга], 1928. — 8 с.
- Дон Карлос. Вещие сны: 1. «Зарубежные гости»; 2. «Перезвон»; 3. «Тайная вечеря». — Выборг, 1921. — 64 с.
- Донской И.Н. Стихотворения. Рассказы. Дневник туриста. — СПб.: Тип. В.Я.Мильштейна, 1905. — 156 с.
- Дорогойченко А. Боевые песни красноармейца: Стихи. — Самара, [1919]. — 19 с.
- Дорожинская М. Зарево прошлого. — Париж: [Тип. «Паскаль», 1929]. — 90 с.
- Доронин И. Книжка-картинка для маленьких ребят / Илл. Б.Покровского. — М.: Рабочая Москва, [1926]. — 4 с.
- Досужков Ф. Игрушки. — Прага: [Тип. Я.Андреска Вд.], 1940. — 52 с. — 100 экз.
- Он же. Моя молодость. — Прага: Изд-ль Я.И.Тоужичка, 1941. — 79 с. — 125 экз.
- Дубинский М. Сумерки жизни: Стихотворения. 2-е изд., доп. — СПб.: [Тип. Загородный, 6], 1904. — 80 с.
- Дудин М. Гангут смеется: Черно-вороны и бело-финны. — Б. м.: Изд. Политотд. Военно-морской базы Ханко, 1941. — 16 с., илл. — На обл. и тит. л. авт. не указан.
- Дукельский Б. Сонеты. 1923 — 1924. — Париж: Изд-во Я.Поволоцкий и К^о, 1924. — 388 с. — 500 номер. экз.
- Он же. Сонеты. 1923 — 1925. — Париж, 1926. — 263 с. — 330 экз.
- Он же. Душа в заветной лире: Стихотворения. — Париж: [Тип. Л.Березняк], 1927. — 270 с., 1 л. портр. — 1000 экз.
- Он же. Моей души предел желанный: Стихотворения. — Париж: [Тип. Л.Березняк], 1928-1929. — 94 с. — 350 экз.
- Он же. Разуверенье: Стихи. — Париж: [Тип. Л.Березняк], 1930. — 92 с.
- Он же. Кораллы: Стихотворения. — Париж, 1930-1931. — 94 с. — 200 экз.
- Дунин В., поэт-крестьянин. Жив Курилка! Ярославский раешник, или Адмирал Того у Порт-Артура и в густом тумане Кимамура. — СПб.: Типо-лит. В.В.Комарова, 1904. — 1 с.
- Он же. Новые военные походные песни на Дальнем Востоке. — СПб.: Типо-лит. Я.Кровацкого, 1904. — 1 с.
- Он же. Ярославский раешник из Порт-Артура; Праздничный сон до обеда, или Славная японская

победа; Геройский подвиг русской женщины. — СПб.: Типо-лит. Я.Кровацкого, 1904. — 2 с.

Духовецкий В. Духовные стихотворения. — СПб.: Тип. Максимова, 1903. — 2 с. — 20000 экз.

Дядя Михай [Кроткий Сергей Аполлонович]. Дядя Михай за границей; Дядя Михай в деревне; Дядя Михай в Петербурге: Фельетон — рекламы дяди Михея [Кроткого С.А.]: К XX-летнему юбилею его табачной деятельности. — СПб.: Тип. Аригольда, 1905. — 32 с.

Дядя Пуд. «Грядущая война»: В трех частях. — Выборг: [Тип. «Либрис», Таллинн], 1939. — 107 с. — Авт. указан в конце книги.

Евангулов Г. Барон в заплатанных штанах: Трагическая поэма. — Тифлис: Кольчуга, 1918. — 6 с.

Он же. Белый духан. — Париж: Палата Поэтов, 1921. — 45 с.

Он же. Золотой пепел: Стихи. — Париж: Изд. Л.Грединона, 1925. — 39 с.

Он же. Необыкновенные приключения Павла Павловича Пупкова в СССР и в эмиграции / Обл. Б.Гроссмана; Илл. Кристи и Рожана. — Париж: [Тип. «Наварр», 1946]. — 104 с.

Евгений, архимандрит. Религиозно-нравственные стихотворения, относящиеся к событиям жизни Господа нашего Иисуса Христа: Изд. 4-е, доп. — СПб.: Тип. т-ва «Свет», 1913. — 308, III с. — 2100 экз.

Евграфов П. Перед рассветом... — Белград: Тип. «Слово», 1934. — 24 с.

Он же. Далматинские строфы / Предисл. Д.Сидорова. — Белград: Тип. «Меркур», 1937. — 28 с.

Евреиннов А. Стихотворения. — Белград: Тип. «Орао», 1929. — 48 с., 1 л. портр.

Егунов П.Т. Стихотворения. — Лондон, 1949. — 58 с. — 1000 экз.

Елагин И. [Матвеев Иван Венедиктович]. По дороге отсюда: Стихи. — Мюнхен, [1947]. — 68 с.

Он же. Ты, мое столетие!: Стихи / Предисл. Р.Менского. — Мюнхен, 1948. — 47 с.

Он же. Портрет мадемуазель Таржи: Комедия — шутка в трех картинах. — Мюнхен, 1949. — 36 с. — 1012 экз.

Он же. По дороге отсюда: Стихи. — Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1953. — 166 с.

Ермаков Н.А. Ея Императорскому Высочеству Великой Княгине Татиане Николаевне благоговейно посвящено: [Стихотворение]. — Харьков: Тип. А.Дарре, 1916. — 1 с.

Ермолов А.С. Голодный год: Стихотворение. — СПб.: Тип. Т-ва худож. печати, [1907]. — 1 с.

Ерофеев Б. Стихи. 1916 — 1920 / Предисл. М.Смирнова. — Париж, Б.г. — 36 с.

Есенин С. Мой путь: Стихи. — Париж: Очарованный странник, 1926. — 48 с.

Он же. Избранный Есенин: Стихи и поэмы. — Рига: Грамату драгус, 1928. — 143 с.

Он же. Избранные произведения / Под ред. М.Бардина; Вступ. ст. В.Завалишина. — Регенбург, 1946. — Т.1. Стихотворения — 111 с.

Он же. Избранные стихотворения / Под ред. В.Озерова. — Регенбург, 1946. — Т.2. Поэмы, драматические произведения. — 99 с.

Он же. Стихотворения 1910 — 1925 / Ред. и вступит. ст. Г.Иванова. — Париж: Возрождение, [1951]. — 255 с., 1 л. портр.

Жаботинский В. Чужбина: Комедия в 5 д.: Изд. 2-е. — Берлин: Изд. С.Д.Зальцмана, 1922. — 238 с.

Он же. Стихи. Переводы — плагиаты — свое: 2-е изд. — Париж: [Тип. d'Art Voltaire], 1931. — 117 с.

Жадкевич В.М. Тени прошлого: Стихотворения. — Орел, Б.г. — 118 с.

Жакмон П.П. В гостях у Калипсо: Театральное представление. — Париж: Павлин, 1930. — 47 с.

Он же. Жакмониада. — Париж: Павлин, 1930. — 55 с.

Он же. Пожар: Театральное представление; Пигмалион и Галатей: Поэма; Диктатор: Ода. — Париж: Павлин, 1931. — 72 с.

Он же. Кукольный театр: Представление. — Париж: Павлин, 1932. — 64 с.

Он же. XXV. — Париж: Тип. «VAL», 1937. — 32 с.

Жарновский Э. Поздравление в Новым годом: [Стихотворение]. — Вильна: Тип. И.Блютовича, 1908. — 1 с.

Жасминов П. Стихотворения и статьи. — Тамбов: Тип. П.С.Москалева, 1902. — 24 с.

Жданович О. Я сегодня пою. — Одесса, 1944. — 31 с.

Жемчужный А. Холодные зори: Стихи. — Харбин, 1931. — 52 с.

Он же. Северные цветы: Вторая книга стихов. — Харбин.

Он же. Северные отблески: Третья книга стихов. — Тяньцзинь, 1938. — 33 с.

Жерлицын М.М. Басни и смешные рассказы. — Нью-Йорк, 1947. — 23 с.

Он же. Басни. — Нью-Йорк, 1947. — 20 с.

Он же. Басни. — Нью-Йорк, 1947. — 46 с.

Он же. Легенда о Черной Лошади: Поэма. — Нью-Йорк, 1947. — 40 с.

Жилинский И. «Рюрик»: Из воспоминаний об Одесском юнкерском училище; Дмитриев В. Юнкерские стихотворения. — СПб.: Изд. В.И.Дмитриев, 1908. — 38 с.

Жиркевич А. Поправки к воспоминаниям Г.Ф.Скрипкина о процессе невинного страдальца архимандрита Зосимы: Шутка в стихах по серьезному делу. — Вильна: Тип. «Русск. почин», 1913. — 20 с. — 500 экз.

Жуковский-Бебелло Г. Кризантемы в ладане: Поэзы. — Кишинев, 1925. — 42 с.

Жуковский-Жук И.И. Цветы крови: Сборник стихотворений / Предисл. автора. — Благовещенск: Изд. Амурского Союза С.-Р. Максималистов, 1922. — 128 с.

Журавская Е.М. Звенья: Стихи. — Белград: Изд. Н.В.Рыбинского, 1931. — 64 с., 1 л. портр.

Забезинский Г. Боб и Зоя: Сказка для маленьких детей / Рис. Шмидтгаммера. — Берлин: Волга, Б.г. — 18 с. — Перед загл. авт.: Борский Г.

Он же. Стихи. — Нью-Йорк: Кремень, 1953. — 106 л. — Ротатор. изд.

Завадская Н. Светлое кольцо: Книга стихов. — Харбин: Изд. О.Ф.Басов, 1944. — 271 с. — 350 экз.

Замтари А. (кн. А.Меликова). Стихотворения. — Берлин: [Тип. «Прессе»], 1922. — 64 с.

Запасный. На добрую память запасным: Стихотворение. — Новгород: Тип. О.Проворовой, 1904. — 1 с.

Записной И. Рифмованные мысли: Сборник стихотворений. 1896-1900. — Кронштадт: Изд. газ. «Котлин», 1900. — 69 с.

- Зарин Л.Н. Черносотенные напевы: Сборник стихотворений. — СПб.: Отечественная тип., 1910. — 156, П с.
- Захарас Ф.Ф. Сборники куплетов и шансонеток: Вып. 1. — Харьков: Типо-лит. С.А.Шмерковича, Б.г. — 11 с.
- Он же. Сборник куплетов и шансонеток: Вып. 3. — Харьков: Тип. фирмы «Адольф Дарре», 1916. — 14 с.
- Захаров Г. На тропинке: Стихи. — Одесса: Потоки Октября, [1925]. — 32 с. — 2000 экз. — 15 к. — (Б-ка «Потоки Октября»).
- Захаров-Мэнский Н. Борис Седов: Поэма о героизме / Обл. М.Д.Жилинского. — Ст. Ахпун, р. Темир-Тай: Изд. КВЧ Ахпунского отд. Упр. ИТЛ, ТП и МЗ по ЗСК, 1936. — 14 с. — 500 экз. — На 4-й с. обл.: За пределы лагеря не распространять.
- Звегинцев В.И. Несколько строк. — Париж. 1926 (обл. 1927). — 47 с.
- Зилов Л.Н. Дед: Поэма. — М.: Метель, 1912. — 136 с.
- Он же. Глиняный болван: Сказка / Рис. Л.М.Чернова-Полеского. — Иваново-Вознесенск: Основа, 1923. — 12 нен. с. — 5000 экз.
- Он же. Ворона Карабута: Байка / Илл. К.Ротова, гравированные на дереве Андреевым. — М.; Пг.: ГИЗ, 1923. — 20 с. — 7000 экз.
- Он же. Как небо упало: Байка / Илл. Бориса Покровского, гравированы на дереве Ф.П.Денисовским. — М.; Пг.: ГИЗ, 1923. — 20 с. — 7000 экз.
- Он же. Кисель: Байка / Илл. Б.Покровского. — М.; Пг.: ГИЗ, 1923. — 20 с. — 7000 экз.
- Он же. Мизгирь: Байка / Илл. К.Ротова, гравированы на дереве Ф.П.Денисовским. — М.; Пг.: ГИЗ, 1923. — 23 с. — 7000 экз.
- Он же. Как рабочие и крестьяне с НЭП'ом управляются: (Песни пролетария-кооператора). — М.: Изд. Центросоюза, 1924. — 20 с. — 15000 экз. — 5 к. — (Дешевая б-чка деревенского и городского кооператора; №4). — Перед загл. авт.: Гавриков.
- Он же. Май и Октябрина: Сказка / Рис. Вл.Орлова. — М.: Мосполиграф, 1924. — 46 с. — 5000 экз.
- Он же. Сказка о караване / Рис. Виталия Вермеля. — М.: Изд-во Всерокомпома при ВЦИК Советов, 1924. — 15 с. — 15000 экз. — На 4-й с. обл.: М.: Изд-во «И.Кнебель».
- Он же. Теремок: Народная сказка в пересказе Льва Зилова / Рис. Вл.Орлова. — М.: Изд-во «И.Кнебель», 1924. — 16 нен. с. — 5500 экз.
- Он же. У Алеши калоши / Илл. К.Ротова. — М.; Л.: ГИЗ, 1925. — 16 с. — 10000 экз. — 35 к.
- Он же. Что сделал трактор / Рис. О.Чичаговой. — М.: Новая Москва, 1925. — 16 с. — 5000 экз. — 20 к.
- Он же. Кто скорее / Илл. И.Француза. — М.; Л.: ГИЗ, 1926. — 16 с. — 10000 экз. — 30 к. — Перед загл. авт.: В.Гавриков.
- Он же. То же. 2-е изд. — М.; Л.: ГИЗ, 1928. — 16 с. — 10000 экз. — 30 к.
- Он же. Миллионный Ленин / Илл. Б.Покровского. — М.; Л.: ГИЗ, 1926. — 35 с. — 10000 экз. — 60 к.
- Он же. Мелюзга: Загадки / Рис. Бориса Вирганского. — [М.]: Молодая гвардия, [1927]. — 10 нен. с. — 35000 экз. — 12 к.
- Он же. Хлеб / Рис. М.Ивашинцевой. — М.: Молодая гвардия, [1927]. — 10 нен. с. — 35000 экз. — 12 к.
- Он же. Как день прожили / Илл. А.Суворова. — М.: Молодая гвардия, Б.г. — 11 с. — 10000 экз. — 33 к.
- Он же. Катина каша / Илл. А.Комарова. — М.: Г.Ф.Мириманов, 1928. — 10 нен. с. — 40000 экз. — 40 к.
- Он же. У ворот / Илл. С.Герасимова. — М.: Г.Ф.Мириманов, [1928]. — 10 нен. с. — 100000 экз. — 9 к. — (Книжка-малышка; №26).
- Он же. Пес Акимка / Илл. А.Комарова. — М.: Г.Ф.Мириманов, 1929. — 10 нен. с. — 100000 экз. — 9 к.
- Злин А. Сны наяву: Стихи. — Париж: Дом книги, 1948. — 64 с.
- Злобин В. После ее смерти: Стихи. — Париж: Рифма, 1951. — 46 с.
- Злотникова М. Храбрецам Порт-Артура: Стихотворение. — СПб.: Тип. Я.Кровицкого, 1905. — 1 с.
- Знакомый И. Крестьянская молва: (Где она родится): Сказ. — Вязьма: Изд. газ. «Товарищ», 1924. — 8 нен. с.
- Зозуля Е. Поэмы. — М.: Акц. изд. о-во «Огонек», 1930. — 38 с. — 20000 экз. — 15 к. — (Б-ка «Огонек»; № 565).
- Зоммер А. Странствия: Книга стихов. — Белград: [Тип. «Меркур»], 1938. — 49, 2 с.
- Зубов Н., гр. Крум, хан болгар: Ист. картины в стихах. — София: Русская библиотека, 1921. — 104 с.
- Он же. Избранные стихотворения. — Париж: [Русская Библиотека], 1929. — 59 с., 1 л. портр.
- И.С. Прощай, мой друг: Сборник новейших стихов и песен. — Одесса: Тип. «Экспресс», [1911]. — 8 с. — 3000 экз.
- Иванов Владислав. Концы и начала: Попытка эпоса. — Париж: [Изд. книж. магазина Я.Поволоцкого и К^о], 1930. — 29 с.
- Иванов Всеволод Никанорович. Огненная душа. — Харбин, 1921. — 15 с.
- Он же. Беженская поэма. — Харбин: Бамбуковая роща, 1926. — 85 с.
- Он же. Поэма еды: Изд. 4-е. — Харбин: [Тип. «Гун-Бао»], 1928. — 28 с.
- Он же. Сонеты. — Харбин: [Тип. «Гун-Бао»], 1930. — 32 с.
- Иванов Георгий. Портрет без сходства: Стихи. — Париж: Рифма, 1950. — 43 с.
- Иваск Ю. Северный берег (1933 — 1936). — Варшава: Священная лира, 1938. — 23 с. — 100 экз.
- Он же. Царская осень: Вторая книга стихов. — Париж: Рифма, 1953. — 46 с.
- Ивнев Р., Эсс П. У Пяти углов. Диалог. Взлет I. — СПб.: Тип. «Рекорд», 1913. — 4 с.
- Игнатов Ф.С. Св. Митрофан, первый епископ Воронежский. Назидательное значение прославления мощей святителя. Его завещание, наша похвала и молитвы ему: Стихотворения. — Воронеж: Тип. т-ва Кравцов и К^о, 1905. — 22 с.
- Изгой В. Звон колокольный: Книга стихов. — Варшава: Добро, 1929. — 32 с.
- Измайлов А. 4 басни: Для детей старшего возраста. 1-я серия. — М.: Типо-лит. Т/Д А.П.Коркин, А.В.Бейдеман и К^о, Б. г. — 1 л., слож. в 4 с. Текст на одной стороне.
- Израилевич И. Браслет Горизонта. Вып. 1. — Харбин; Владивосток, 1921. — 16 с.

- Он же. Браслет Горизонта. Вып. 2. — Харбин: [Тип. «Хоа-тай»], 1922. — 11 с.
- Изюмов А.Ф. Отзвуки минувшего: Драматическая сюита в стихах. — Белград, 1924. — 50 с.
- Илларион, митрополит. Легенды Свиту: Virши. — Париж, 1946. — 92 с.
- Ильин Вл. Песни пахаря: Сборник революционных стихов. — Нью-Йорк: Молот, 1919. — 60 с.
- Ильин М. Память / Рис. Ю.Анненкова. — Париж, [1954]. — 59 с. — 300 экз.
- Ильина О. Молчание звезд: Стихи. — Нью-Йорк; Париж: К-во крылатых [Напечатано в Ницце], 1927. — 48 с.
- Ильинская-Стахович О. Дыхание жизни: Стихи. — Прага, 1938. — 31 с.
- Ильязд [Зданевич Илья Михайлович]. Афет. — Париж, 1940. — 36 с. — 68 экз.
- Он же. Письмо. — Париж: Сорок первый градус, 1948. — 31 с. — 60 экз.
- Инфантьев П. Блуждающий огонек: Стихотворения. — Новгород: Губерн. тип., 1901. — 77 с.
- Иог Вероника. Стихи. — Париж, 1931. — 78 с.
- Иосифова. Голос крови: Стихи. — Б.м., 1943. — 15 с.
- Ир [Петров Е.]. Горькие ягоды: Сатира и юмор. — Тяньцзин, Б.г. — 88 с.
- Ирколин Н. Проза в стихах: Сборник басен. — Мюнхен: Изд. М.Бибилова, 1952. — 59 с.
- Исаковский М. Борьба с голодом: (Боевые лозунги дня). — Смоленск: Гос. изд-во, 1921. — 16 с. — Утв. к печати Агитотд. Смолгубкома РКП.
- Истомин Н. Цветень: Первый изборник стихотворений за 1924-1928 гг. — Рига: Русское изд. «Весна», 1928. — 52 с.
- К.Р. Жемчужины поэзии / С портретом и автографом К.Р.; Ред., вступит. ст. и биографический очерк Н.Н.Сергиевского; Обл. А.Е.Агафонова. — Сан-Пауло: Изд-во «Луч» В.В.Сапелкина, 1955. — 46 с.
- К.С. Поэтические вариации / Предисл. М.Сло-нима. — Одесса: Тип. о-ва «Печатного дела», 1917. — 16 с. — 150 экз.
- КН. СР. Патриотические пьесы. — Берлин, 1938. — 64 с. — На обл.: III патриотические пьесы.
- Кавецкий Л. [Гинзбург Михаил]. Напевность красок: Голубая лирика. — [Рига]: Типо-лит. Э.Левина, 1921. — 8 с. — На тит. л.: Содружество сумасбродов «Кабак звезд». Вышвырнуто в мир 1921 г.
- Он же. Всем скорбящим: Книга лирики. — Рига: Изд. Леонида Светлова, 1921. — 8 с.
- Он же. Благовест: 3-я книга лирики. — Рига: Тип. А.Креслина, 1922. — 8 с. — На тит. л.: Издание, конечно, автора.
- Кадьян Н.Н. Памяти о. Иоанна Сергиева Кронштадтского. — Белград, 1933. — 1 с.
- Он же. За веру, царя и отечество: Стихотворения. Сб. 1. — Белград, 1934. — 48 с.
- Он же. Под Плевной 30 — 31 августа 1877 года: Военно-историческая поэма / Илл. и портр. автора: Сб. 2. — Белград, 1936. — 28 с.
- Казанский П.А. Песни борьбы и надежды: (1905 — 1917). — Барнаул, 1917.
- Он же. Родному краю: Стихи. — Барнаул: Изд-во Культурно-Просветительского Союза Алтайского края, 1918. — 31 с.
- Кальма Эмилия. Знакомые: Стихи для детей. — Дрепт: Изд. Юргенса, 1921. — 16 с.
- Она же. Спелый колос. — Берлин: Изд-во З.И.Гржебина, 1923. — 100 с.
- Она же. В цирке. — Берлин: Новая книга, 1924. — 8 с.
- Камаровский С.Л., гр. Пережитое: Москва 1897 — Брюссель 1935. — [Брюссель, 1935]. — 38 с.
- Каменский Н. Святой черт: Сказание о самодержавном Гришке Распутине. — М.: Изд-во русских чудес / Тип. Т.Р.Дортмана, 1917. — 28, П с.
- Камышнюк Ф. Музыка боли: Стихи (Зорные зеркала; Свете тихий; Излом; Мистерии хаоса; Молнии в сумраке; Глубины наркотные; Ледяноли-ли; Музыка боли) / Обл. Н.Недашковского. — Харбин: Ф.Старовойтов, 1918. — 202, IV с.
- Каннегисер Л. Из посмертных стихов; Статьи Г.Адамовича, М.А.Алданова; Г.Иванова. — Париж: [Тип. Л.Березняк], 1928. — 93 с., 3 л. илл.
- Карабелеп А. Избранные стихотворения. — Ужгород: Изд. культ.-просвет. общества им. А.Дух-новича в Ужгороде, 1928. — Вып. 36. — 96 с.
- Карамзина М. Ковчег. — Таллинн: [Narva: M. Minis'e truck], 1939. — 84 с.
- Караулов 1-й Н.А. На клич орлиный: [Стихо-творение]. — Пг.: Тип. Имп. училища глухонемых, 1916. — 1 с.
- Карелин Ю. [Бронштейн Петр Абрамович]. Горький цвет: Стихи. — Берлин: Петрополис, 1932. — 64 с.
- Карин. Елка: Стихотворение. — [Варшава]: Тип. Варшавского ин-та глухих и слепых, 1911. — 1 с.
- Карлен Я. Песни раскулаченного: 1930-1936. — Париж: [Печ. в Риге, тип. «Star»], 1937. — 119 с.
- Он же. Грусть и звезды: Сборник стихотворений. — Париж: [Тип. «Наварр»], 1953. — 127 с.
- Кармаза Н. Концерт: Поэма. — М.: Для друзей, 1922. — 6 с. — 10 экз. — Стеклогр. изд.
- Касперович П.Н. Школьное дело: Песенник для Потешных полков и Солдат русской армии. 1909 г. гор. Севастополь: Изд. первое. — Минск: Тип. Готовского и Юрщика, 1912. — 60 с.
- Каткова А.Е. Новая эра: Стихи. — Рига: [Тип. «Perfect», 1932]. — 64 с.
- Катранов В. Из жизни духа и природы: Рифмо-ванные думы и переживания. — Кишинев: Тип. Г.Ю.Волина, 1922. — 100 с.
- Кауш В. Рижская юмористика в «стишках»: Что Рига делает? Чем забавляется? Чему смеется? — Рига: Изд. В.Кауша, 1913. — 32 с.
- Кашинцев Ф. Дерзо-Коран. — Константинополь: [Тип. Л.Бобок и сыновья], 1924. — 213, VII с.
- Келин Н. Стихи. — Прага: Литературная казачья семья, 1937. — 143 с.
- Он же. Стихи. — Прага: Литературная казачья семья, 1939. — 94 с.
- Кельберин Л. Идол. — Париж, 1929. — 47 с.
- Кириштейн Елена. Кристаллы грез: Стихи / Предисл. Л.Кормчего. — Рига, 1936. — 127 с.
- Она же. Заинька-вавака / Рис. авт. — Рига: Изд. М.Дидковского, 1938. — 8 с. — 1000 экз.
- Она же. Кувыркалочка / Рис. авт. — Рига: Изд. М.Дидковского, 1938. — 18 с. — 1000 экз.
- Она же. Небылицы / Рис. авт. — Рига: Изд. М.Дидковского, 1938. — 16 с.
- Она же. Коротышка / Рис. авт. — Рига: Изд. М.Дидковского, 1939. — 16 с. — 1000 экз.
- Кисина М. Сказка о маленьких рыбаках / Илл. Л.Ароновой-Ботвинкиной. — Рига, 1939. — 12 с. — 500 экз.

- Кискевич Е. Собрание стихов. 1923 — 1928. — Белград: [Машинописное изд. Е.Таубер в Белграде], 1929. — 58, П с.
- Он же. Стихи о погоде: Пьесы 1930 — 1940. — Белград, 1940. — 48 с.
- Кистяковская Н. Астрей: Стихи. — Париж: Изд-во Я.Поволоцкий и К^о, 1925. — 101 с.
- Кичеев А.А. Стихотворения. — Тверь: Типо-лит. Н.М.Родионова, 1911. — 64 с. — 500 экз.
- Кленовский Д. [Крачковский Дмитрий Иосифович]. След жизни / Предисл. П.Берберовой. — Б.м.: Сполохи, [1950]. — 64 с.
- Он же. Навстречу небу. — [Франкфурт-на-Майне]: Иверни, 1952. — 48 с.
- Клепа Е. Звуки из латгальской глуши. — Рига: Мир, 1935. — 32 с. — 1500 экз.
- Он же. Рубцы: Стихотворения. — Рига: Логос, 1938. — 32 с. — 1000 экз.
- Клингер Г. Небесный плуг: Поэмы. — Варшава: Священная Лира, 1937. — 14 с. — 200 экз.
- Клюев Н. Неувядаемый цвет: Песенник. — Вытегра: Изд. кружка «Похвала народной песне и музыке», 1920. — 64 с.
- Он же. Плач о Есенине / Предисл. Р.Гуля. — Нью-Йорк: Мост, 1954. — 32 с.
- Клюева З. Белым орлам: Песни о Родине. — Гельсингфорс: [1920]. — 29 с.
- Ключарев П. Книжка о Мишке: Стихи для детей. — М.: Изд. авт., 1927. — 11 с. — 5000 экз.
- Он же. Книжка о Мишке: Стихи для детей. — М.: Изд. автора, 1927. — 9 с. — 5000 экз.
- Кнорринг Ирина. Стихи о себе. — Париж: [Тип. «Паскаль»], 1931. — 62 с. — 250 экз. + 50 номер. экз.
- Она же. Окна на север: Вторая книга стихов. — Париж: Дом книги, 1939. — 62 с. — 200 экз. — (Русские поэты; Вып. 10).
- Она же. После всего: Третья книга стихов / Предисл. Н.Кнорринга; Обл. Ю.Софиева. — Париж, 1949. — VIII, 60 с., 3 л. портр.
- Кнут Давид [Фиксман Давид Миронович]. Моих тысячелетий. — Париж: Птицелов, 1925. — 48 с.
- Он же. Вторая книга стихов. — Париж: [Тип. «Наварр»], 1928. — 72 с.
- Он же. Сатир. — Париж: Монастырь муз, 1929. — 24 с. — 100 экз.
- Он же. Парижские ночи: Стихи. — Париж: Родник, 1932. — 47 с.
- Он же. Насущная любовь. — Париж: Дом Русской Книги, 1938. — 64 с.
- Он же. Избранные стихи. — Париж: [Тип. «Moderne de la Presse»], 1949. — 188 с. — 200 экз.
- Князев В. Нинкины сказочки / Илл. В.Чеснокова. — [Пг.; М.]: Изд-во т-ва М.О.Вольф, 1915. — 10 с. — (Бесплатное прил. к журн. «Задушевное слово»).
- Он же. На толчке. — Рига: [Тип. Д.Апта], 1927. — 32 с. — (Веселая б-ка журн. «Ванька-Встанька»).
- Князев В., Потемкин П., Боба Сквозняков: В 2-х ч. — СПб.: Тип. журн. «Сатирикон», 1912. — 47 с. — В конце 1-й части авт.: В.Князев; 2-й части: П.Потемкин. — На обл.: Премия журн. «Галченко» на 1912 г.
- Кобяков Д. Керамика: Тринадцать вещей двадцать четвертого года. — Париж: Птицелов, 1925. — 16 с. — 500 экз.
- Он же. Вешняк: Ритмический цикл. — Париж: Птицелов, 1926. — 31 с.
- Он же. Горечь: Книга третья. — Париж: Птицелов, 1927. — 15 с.
- Он же. Чаша. — Париж: Птицелов, 1936. — 56 с.
- Ковалев Н., Клевенский Л. Стихи. — Рыльск: Гос. тип., 1922. — 81, 45 с. — 300 экз. — Содерж.: Н.Ковалев. Стихи; Л.Клевенский. Четыре поэмы.
- Коваленко Евтихий. Бунт игрушек. — [Германия]: Тип. «Маяк», 1948. — 16 с.
- Он же. Новоселье: Стихи для детей. — [Германия]: Тип. «Маяк», 1948. — 14 нен. с.
- Он же. Царевна-змея: Русская сказка. — [Германия]: Тип. «Маяк», 1948. — 16 с.
- Ковган П. Записки неуча, или Ответ подлым клеветникам. — Харбин; Шанхай: Вольное казачество, 1930 — 1933.
- Т.3. Проза и стихи. — 1930. — 241 с.
- Т.4. Проза и стихи. — 1931. — 214 с.
- Т.5. Проза и стихи. — 1933. — 152 с.
- Коген А.М. Стихи. — Киев: Тип. В.Кульженко, 1906. — 226, IV с.
- Кожемякина М. Земное томление: Стихи. — София, 1926. — 48 с.
- Козеко С. Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Константиновичу. — СПб.: Тип. В.Д.Смирнова, 1914. — 1 с. — 100 экз.
- Козлов И. Христос воскрес: Стихотворение. — Казань: Тип. Губерн. правл., 1915. — 1 с. — 1000 экз.
- Колесов И. Стихи и песни; Рассказы. — Братислава: Литературная казачья семья, 1936. — 46, 98 с. — Ротатор. изд.
- Колосова Марианна. Армия песен. — [Харбин]: Изд. Р.Н.-М.П., [1928]. — 116 с.
- Она же. Господи! Спаси Россию!: Книга вторая. — Харбин, 1930. — 82 с.
- Она же. Не покорюсь!: Книга третья. — Харбин, 1932. — 125, III с.
- Она же. На звон мечей...: Книга четвертая. — Харбин: [Тип. «Заря»], 1934. — 107 с. — 1000 экз.
- Она же. Медный гул: Книга пятая. — Шанхай: [Тип. И.Г.Романова], 1937. — 153 с.
- Колосовский В. Моя лирика о Пушкине: Первая часть II-го тома. — [Болгария]: Тип. «Учитель» — Русе, 1928. — 16, 18 с.
- Он же. Русский Эмигрант (Илья Потнев): В стихах. — София: Тип. «Согласие», 1929. — 15 с.
- Комаров Н. Горе преступника: Песнь наболевшей души. — М.: Прогрессивные новости, 1913. — 5 с. — 1000 экз.
- Комаров П. Год Порт-Артура (1904 — 1929). — Харбин: Изд. Кружка Порт-Артурцев, 1929. — 158 с.
- Кондратьев А. Славянские боги: Стихотворения на мифологические темы. — Ровно, 1936. — 73 с.
- Коновалов Е.Д. Правда. — Париж: Изд. автора, 1949. — 59 нен. с.
- Конст К. Песни цветов: Вып. 1. — Ярославль: Изд. автора, 1922. — 16 с. — 325 экз.
- Кончаков Т. Шоферские песни. — Париж, 1935. — 32 с.
- Он же. Из крестьянской жизни. — Париж, 1936. — 32 с.
- Он же. Ей: Третья книга стихотворений. — Париж, 1938. — 32 с.
- Он же. Старина, сказка, небыль: Пятый сборник стихов. — Париж, 1945. — 32 с.

Корвацкий И. (К.Тальявин). Лунное венчание: Стихотворения (1908 — 1922) / Предисл. А.Бурнакина. — Стамбул, 1923. — 66 с.

Корвейский Е. [Калантаров Георгий Сергеевич]. Пров. (De Hominis Nature). — Париж: [Тип. «Рапид»], 1947. — 200 с. — 500 экз.

Корвин-Крукоская Е. Осень. — Париж: [Тип. «Паскаль»], 1930. — 30 с.

Корвин-Пиотровский В., Роснмов Г. [Офросимов Ю.В.]. Веселые безделки. — Берлин: Изд-во Ладыжничкова, 1924. — 30 с.

Корецкий Н.В. Песни ночи: Стихотворения. 3-е изд. — СПб.: [Тип. «Т-во Худож. печати»], 1912. — 172, III с.

Коринфский А. Песнь Цесаревича. — Одесса: Тип. Е.Христорогос, 1913. — 1 с. — 120 экз.

Кормчий Я. [Сетницкий Николай Александрович]. Епафродит: Эпопея. — [Харбин], 1927. — 224, XIV с. — Перед загл. авт. не указан.

Он же. Валаам: Поэмы. — Шанхай, 1931. — 41 с.

Корносевиц Р.М. Звездные бразды: Сборник стихотворений / Предисл. Д.Бурлюка. — Нью-Йорк: Изд. кооператива газ. «Русский голос», 1924. — 80 с., 2 л. портр.

Он же. Кандальный перезвон: Сборник стихов, рассказов и водевилей «Военщина» / Предисл. В.Г.Воронцовского. — Нью-Йорк: Китоврас, 1925. — 63 с.

Он же. Вечный зов: Сборник стихотворений и рассказов; Водевиль «Военщина». — Нью-Йорк: Изд. автора, 1927. — 248 с., 1 л. портр.

Коротков Карп. Божественная трилогия: Христос перед лицом Пилата; Сон Пилата; Пилат изгнанником и поцелуй Атласа. — М.: Тип. И.М.Машистова, 1907. — 48 с. — Перед загл. авт.: А.Рокотков.

Косаткин-Ростовский Ф., кн. Крестным путем к Воскресению / Предисл. авт.; Под ред. С.Позднышева; Вступ. ст. С.Михалевского, П.К., А.Тырковой-Вильямс, ген.-лейтенанта Кальницкого; После сл. С.Позднышева. — Париж: Изд. Зарубежного Союза Инвалидов, 1948. — 191 с., 1 л. портр.

Костарев Н. 1. — М., [1922]. — 32 с.

Костенский Н. Открытое письмо автору романа «Воскресение». — Тула: Тип. Тульского губерн. правл., 1902. — 10 с.

Костин Н. Песни от души: Сборник произведений, посвященных матери, родине и природе. — Ставрополь: Изд. автора, 1914. — XVI, 80 с. — 1200 экз.

Косяков М. Осенние листья: Стихи. — Белград: Тип. «Светлост», 1941. — 31 с.

Он же. Осенние листья: Стихи: 2-е изд. — Белград: Тип. Д.Мартиновича и Ф.Ефименка, 1942. — 40 с.

Котляр И. Утро: Стихи / Рис. Ж.Архипова. — М.; Л.: Детгиз, 1949. — 56 с. — 20000 экз. — 1 р. 50 к.

Котомкин А. Ян Гус: Ист. драма в стихах, в 5 д., 6 карт. / Вступ. ст. проф. М.В.Бречкевича и Н.М.Петровского. 5-е изд. — Прага: Славянское изд-во, 1921. — 72 с.

Он же. За Россию: Стихи. — Париж, 1927. — 144 с.

Кофанов П. На фоне огненной горы: Стихи. — [Пятигорск, 1920]. — 32 с.

Он же. Песни Эльбурса: Стихи. — Ростов н/Д: Трудовой Дон, 1926. — 46 с.

Кочуров Б. Искры под пеллом. — Шанхай, 1936. — 82 с.

Кошеверов И. Взмахом крыльев: Стихи. — Орел: Тип. Техн. школы, 1921. — 16 с.

Крандиевская Н. Веселые пустыки / Карт. А.Гольста. — Берлин: [Тип. «Накануне»], Б.г. — 12 л.

Красносельский А.Л. Семирифменный спектр: Сонеты. — Екатеринослав, 1922. — 32 с. — 650 экз., из которых 30 экз. нум.

Красуская О. Весенняя песнь. — СПб.: Городская тип., 1914. — 3 с. — 25 экз.

Крейчева О. [Шеттнер Ольга Карловна]. Новый путь. — Прага, 1944. — 32 с.

Кривуц Ф. Стихотворения. — Париж, 1946. — 6 нен. с.

Кроткий Эмиль [Герман Эммануил Яковлевич]. Повесть об Иванушке-Дурачке: (Русская история в стихах). — Пг., 1918. — 47 с.

Кроткова Х. Белым по черному. — Нью-Йорк — Париж: Дом книги, 1951. — 209 с.

Крузенштерн-Петерец Ю. Стихи: Книга первая. — Шанхай, 1946. — 83 с. — 500 экз.

Крушинская Ю. Стихи. — Париж, 1938. — 30 нен. с.

Крючков Д. Прелюдный хорал. — СПб.: Петербургский глашатай, 1913. — 2 с.

Кублицкий А. Аккордом ниже: Изд. 2-е, доп. — Ревель: Изд. автора, 1918. — 64 с.

Кузмин М. Занавешенные картинки / Рис. В.Милашевского. — Амстердам [Пг.], 1920. — 35 нен. с.

Он же. Нездешние вечера / Обл. М.Добужинского. — Берлин: Слово, 1923. — 136 с.

Кузмин Н. Кому на Руси жить хорошо. — Варшава: Изд. Русского политического комитета, 1920. — 14 с.

Кузнецова Галина. Оливковый сад. 1923-1929. — Париж: Изд. ж. «Современные записки», [1937]. — 79 с.

Кузьмина-Караваева Е. Стихотворения, поэмы, мистерии; Воспоминания об аресте и лагере в Равенсбрюк С.Б.Пиленко, Д.Е.Скобцов, И.Н.Вебстер. — Париж: La Presse Francaise et Etrangere Oreste Zeiuck, 1947. — 168 с. — Перед загл. авт.: Мать Мария.

Она же. Стихи / Вступит. ст. С.Пиленко и Г.Раевский. — Париж: Изд. О-ва друзей матери Марии, 1949. — 101 с., 1 л. портр. — Перед загл. авт.: Мать Мария.

Кулагин В. Большая родня: Стихи. — Горький: Кн. изд., 1955. — 44 с. — 3000 экз. — 55 к.

Куликовский В. В гостях у негров / Рис. Ф.Вольфа. — Берлин: Изд. О.Дьяковой и К^о, Б.г. — [18] с.

Он же. Веселый хоровод. — Берлин: Изд. О.Дьяковой и К^о, Б.г. — [16] с.

Он же. Лена и Лиза — Макса и Морица: Сестрицы и их семь проказ. — Берлин: Изд. О.Дьяковой и К^о, Б.г. — 48 с.

Он же. Люди-птицы. — Берлин: Изд. О.Дьяковой и К^о, Б.г. — [10] с.

Он же. Один, два, три... — Берлин: Изд. О.Дьяковой и К^о, Б.г. — [10] с.

Он же. Под грибком. — Берлин: Изд. О.Дьяковой и К^о, 1922. — [10] с.

Он же. Чудо-мореходы: Сказка о детях-шалунах и страшном троереге / Рис. Е.Форке. — Берлин: Изд. О.Дьяковой и К^о, Б.г. — 22 с.

Куракин К.Е. Песни русские. — Париж, 1928. — 47 с.

Куртышев Я.В. Стихотворения всех правд жгучих минут. — СПб.: [Тип. В.Безобразова и К^о], 1905. — 144 с.

Кусков Д.П. Ночь в Элладe: Стихотворение. — Париж, 1930. — [4] с.

Он же. Прометей: Стихотворение. — Париж, 1932. — 14 с.

Он же. Псалом «Верую» Гречанинова. — Париж, 1933. — 8 с. — Литогр. изд.

Он же. Псалом «У дверей покаяния». — Париж, 1933. — 4 с. — Литогр. изд.

Он же. Лебединые песни заживо погребаемого: Собрание мыслей, образов и настроений. — Париж, 1934-1936. — Литогр. изд.

Ч. 1. — 1934. — 28 с.

Ч. 2. — 1935. — 24 с.

Ч. 3. — 1936. — 22 с. + 8 нен. с.

Куш Н. Комсомольские песни. — Ростов н/Д: Изд. Донкомпома, [1924]. — 8 с. — 5000 экз.

Переводы

Аракин Я. Китайская поэзия. — Харбин: [Тип. М.Л.Левитина], 1926. — 107 с. — Издано на средства Харбинского общественного управления.

Аракин Я. Неприятность в небесах: Из китайской мифологии. — Харбин: Изд. кн. маг. «Плмя» Д.И.Позднякова, 1926. — 28 с.

Шимонович Д. Стихотворения / Перевод А.Аронова. — Тель-Авив: Изд. переводчика / Тип. «Давад», 1946. — 80 с., 1 л. портр. Шимоновича. — Бесплатное прилож.: Славная плеяда: Дружеская ода / Сл. и муз. А.Аронова. — Ноты напечат. в тип. Найт и сын. — 4 с.

Гимны союзных наций / В переложении Леонида Афанасьева. — Пг.: [Тип. «Виктория»], 1917. — 16 с.

Врхлицкий Я. Избранные стихи / Пер. с чешского К.Д.Бальмонта. — Прага: Изд. Славянской б-ки мин. иностранных дел, 1928. — 98 с., 1 л. порт. — (Серия II; № 1).

Руставели Ш. Носящий барсову шкуру: Груз. поэма 12-го века / Пер. К.Д.Бальмонта; Илл. Зичи. — Париж: Изд. Д.Хеладзе, 1933. — 54, 236 с.

Овидий. Амores: Элегия: Кн. 1 / Пер. и предисл. Г.А.Барковского. — Новый Сад: Тип. «Натошевич», 1922. — 35 с.

Ангел Силезский. Избранные двустихия из Херувимского странника / Пер. Н.Белоцветова. — Берлин: Гамаюн, 1926. — 32 с.

Тагор Р. Садовник: Избранные стихи / Пер. с англ. М.Бер. — [Харьков]: Госиздат Украины, 1923. — 47 с. — 5000 экз. — (Универсальная б-ка; № 9).

Грильпарцер Ф. Праматерь / Пер. А.Блока. — СПб.: Пантеон, [1909]. — 189 с., 1 л. портр.

Бохан Д. Из польской поэзии. — Минск: Изд. Э.Ф.Аброшкевич, 1906. — 208 с.

Браиловский А. Из классиков: Переводы / Вступит. ст. Г.Федотова; Обл. Ф.Рожанковского. — Нью-Йорк: Изд. Объединения Русских писателей в Нью-Йорке, 1943. — 99 с.

Еготораегния: Стихи Овидия. Петрония, Марциала, Пектафия, Авсония, Клавдиана, Луксория в переводе размерами подлинника [В.Я.Брюсова]. — М.: Альциона, 1917. — 47 с. — 100 экз. — Изд. в продажу не поступало.

Верхарн Э. Обезумевшие деревни / Пер. Николая Васильева; Ст. Реми де Гурмона и Н.Васильева. — Казань: Изд. Казан. Ком. общ. помощи голодающим, 1907. — 95, 4 с. — В пользу голодающих крестьян Поволжских губерний.

Кара-Дарвиш. Сирень / Пер. Татьяны Вечорки. — Тифлис: Шерш, 1923. — 4 с.

Он же. Женщине / Пер. Т.Вечорки. — [Тифлис]: Шерш, [1925]. — 3 с.

Персидские стихи / Пер. А.Н.Ганнибал; Предисл. О.Д.Каменевой и переводчика. — М.: Всесоюзное о-во культурной связи с заграницей, 1926. — 31 с. — 1500 экз.

Слово о полку Игореве / Пер. Г.Голохвастова; Рис. М.Добужинского. — Нью-Йорк: Изд. «Нового Журнала», 1950. — 76, XVI с.

Тагор Р. / Пер. А.Е.Грузинского. — М.: Изд. т-ва «Грань», 1918. — 96 с.

Буш В. Житие святого Антония Падуанского / Пер. А.д'Актиля. — Пг.: Изд. «Красной газеты», 1923. — 70 с. — 5000 экз. — На обл. загл.: Святой Антоний Падуанский.

Уайльд О. Сфинкс: Поэма / Пер. размером подлинника А.Дейча. — Киев: Маски, 1912. — 32 с.

Песня об Алгузе / Пер. с древнегруз. М.Джанашвили; Предисл. Г.Баева. — Берлин: Изд. Е.А.Гутнова, 1922. — 52 с.

Гофмансталь Г. Смерть Тициана; Идиллия / Авториз. пер. и предисл. Г.Забезинского. — Берлин: Русское универсальное изд-во, 1921. — 64 с. — (Всемирный пантеон; № 19).

Из новой немецкой лирики / Пер. и характеристики Г.Забезинского. — Берлин: Русское универсальное изд-во, 1921. — 128 с. — (Всемирный пантеон; № 12-13).

Жизнь и творчество Райнер Мария Рильке: Стихотворные перевоплощения «Часослова» / Пер. Г.Забезинского. — Париж, 1947. — 144 с.

Зарницын А. (Конст.Антипов). Новые немецкие поэты: Демель; Либлиенкорн; Гофмансталь; Бирбаум; Салос; Фальке; Ницше; Шаукаль; Гольцамер; Велкенд; Зоосман; Дрансфельд; Мария Мадлен; Даутендей; Моргенштерн; Мария Яничек; Карл М. — Белая Церковь: Тип. Ш.Б.Рапопорта, 1910. — 100 с.

Он же. Новые немецкие поэты: 2-е изд. — Белая Церковь: Тип. Ш.Б.Рапопорта, 1910. — 100 с.

Краснов П. Из западных лириков. — СПб.: Изд. кн. маг. «Новостей», 1901. — 208 с.

Три повести Марии Французской / Пер. С.Кулаковского. — СПб.: Астрейя [Отпечатано Библиографическим институтом в Лейпциге], [1923]. — 56 с. — 250 экз.

Книжные, журнальные и газетные обзоры «DV» информируют о материалах в текущей печати, относящихся к русской литературе 1890-1930-х гг.

Аннотации составляются на основе данных, сообщаемых в обозреваемых изданиях. «DV» не несет ответственности за неточные сведения, ошибки публикаторов и авторов.

КНИГИ

Цветаева М. Собрание стихотворений, поэм и драматических произведений. В 3 т. — М.: ПТО «Центр», 1993. — Т.3. Стихотворения и поэмы 1930-1941; Драматические произведения; Переводы; Другие редакции; Незавершенные произведения. — 720 с. — Тираж 100000 экз.

Последний третий том завершил Собрание поэтических произведений М.Цветаевой, начатое в 1990 г. Наши сомнения, к счастью, не оправдались (см. аннотацию на 2-й том в №1 «DV» за 1993 г.), и мы, наконец, после трех лет ожидания имеем наиболее полное на сегодня издание цветаевского поэтического наследия.

Введенский А. Полное собрание сочинений. В 2 т. / Вступ. ст. и примеч. М.Мейлаха; Сост. и подгот. текста М.Мейлаха и В.Эрля. — М.: Гилея, 1993. — Т.1. — 288 с.; Т.2. — 272 с. — Тираж 10000 экз.

По сравнению с первым изданием Полного собрания сочинений А.И.Введенского, вышедшим в 1980-1984 гг. в «Ардисе», это издание дополнено некоторыми новонайденными поэтическими текстами, расширено Приложение (за счет включения в него анкет, заполненных Введенским при вступлении в Союз поэтов, материалов, связанных с выступлением «Левого фланга», с арестом и последними днями поэта и др.) Научный аппарат занимает почти 140 книжных страниц, библиография — из 341 позиции.

Издания такого уровня не часто появляются последнее время. И это заставляет нас с вниманием отнестись к другому начинанию издательства «Гилея» — 5-томному Собранию сочинений К.С.Малевица.

Буданцев С. Саранча: Роман; Рассказы / Сост. и послесл. Л.И.Полосиной. — М.: Пресса, 1992. — 416 с. — Тираж 100000 экз.

Этот сборник, вышедший в серии «Мир приключений» (!) за исключением двух-трех рассказов дублирует содержание книги избранных сочинений С.Ф.Буданцева (1896-1940), вышедшей четырьмя годами ранее: Буданцев С.Ф. Писательница: Романы; Рассказы / Сост. и вступ. ст. Л.И.Полосиной. М.: Современник, 1988. 512 с. Тираж 200000 экз.

Жаль, что предоставленную возможность составитель не использовал для переиздания наиболее, на наш взгляд, интересного произведения писателя — романа «Мятеж» (1925, позднее издавался под названием «Командарм»).

Туманский Е. Павел Васильев, каким его не знали... (1927-1937): Документальная повесть. — Самара: Кн. изд-во, 1992. — 112 с. — Тираж 10000 экз.

Книга написана на основе личных воспоминаний о встречах с П.Васильевым, которого автор знал с 1927 г.: здесь сведения об увлечении Васильева Б.Савинковым, С.Есениным и конструктивистами, о его знакомстве с А.Луначарским, А.Серафимовичем, В.Маяковским, И.Сельвинским, Н.Асеевым, Н.Бухариным (к которому он обратился за помощью после выступления «Правды») и др., рассказ о реакции на самоубийство Маяковского и апрельское 1932 г. постановление ЦК, история написания провокационного очерка об убийстве Николая II, поданного на конкурс молодых писателей в РАПП и др.

Бабенко В.Г. Арлекин и Пьеро: Николай Евреинов. Александр Вертинский: Материалы к биографиям, размышления. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. — 352 с. — Тираж 1000 экз.

В предисловии автор не совсем убедительно, как нам показалось, пытается объяснить, почему он связал в своей книге имена Евреинова и Вертинского, и подытоживает: «Моя цель — попытаться собрать разлетевшиеся по сторонам осколки зеркал. Сложить их. Наверное, после склейки будут видны швы <...> (с.3). Другое объяснение дает издательская аннотация: «Вторая часть — переиздание уже вышедшей в 1989 г. книги «Артист Александр Вертинский»».

Первая часть книги представляет собой в меру беллетризованное («ЖЗЛовское») повествование, в которое вкраплены разнообразные архивные материалы из Центрального Театрального музея им. А.В.Бахрушина, ЛГИТМИКа, ГПБ (ныне — РНБ), ЦГАЛИ (ныне — РГАЛИ) и, возможно (но маловероятно), из других, не названных архивов. Часто полностью и без особой нужды для жанра, избранного автором (веяние времени?), приводятся письма Евреинова Э.А.Старку, Н.В.Дризену, Л.М.Василевскому, В.Э.Мейерхольду, Л.Я.Гуревич, Н.Е.Добычиной и др. Биографический рассказ доведен до отъезда Евреинова за границу в 1925 г. В еврейновской

библиографии мы не нашли указаний на некоторые хрестоматийные работы о режиссере (в том числе — на изданную за рубежом книгу А.Кашиной-Евреиновой, которую автор цитирует по рукописи в ЦГАЛИ) и даже на те публикации произведений Евреинова, которые были осуществлены в советской печати задолго до 1992 г. (четыре пьесы в сборнике «Русская театральная пародия XIX — начала XX века», М., 1976).

А.Вертинскому посвящена вторая часть книги, на которой мы не останавливаемся подробно (см. выше). Отметим только, что она показалась нам более выдержанной в своем жанре и документально интереснее.

Марина Цветаева в Москве: Путь к гибели / Автор-сост. Ю.М.Каган. — М.: Отечество, 1992. — 240 с. — Тираж 50000 экз.

Книга представляет собой монтаж из художественных произведений, воспоминаний, писем и др. М.Цветаевой и ее современников, объединенных общей темой — Москва в жизни и творчестве поэтессы. Сопроводительный (часто — комментирующий и уточняющий) текст написан Ю.М.Каган.

Последнее свидание: Материалы о посещении И.А.Буниным Прибалтийских государств в 1938 году / Сост. Ю.Д.Шумаков. — [Таллинн]: Эстонский культурный центр «Русская энциклопедия», 1992. — 184 с. — Тираж не указан.

Сборник составлен из материалов, напечатанных в прибалтийских газетах в связи с турне Бунина по Литве, Латвии и Эстонии весной 1938 г.: хроникальные заметки, статьи, интервью и пр. Некоторые из них впервые переведены на русский. Особую ценность, конечно, представляют интервью: в них бунинские воспоминания о деникинской Одессе, высказывания о Л.Толстом, А.Куприне, А.Толстом, Ф.Шаляпине, А.Федорове, А.Дункан, «деле» Плевицкой. Среди авторов материалов, включенных в книгу, — Б.Оречкин, П.Пильский, Т.Ратгауз. Книга подготовлена одним из старейших писателей Эстонии (р. 1914 г.), чьи личные воспоминания о встречах с Буниным содержатся и во вступительной статье, и в послесловии.

Шумаков Ю. «Пристать бы мне к родному берегу...»: Игорь Северянин и его окружение в Эстонии. — Таллинн: Союз славянских просветительских и благотворительных обществ в Эстонии, 1992. — 64 с. — Тираж не указан.

Новая работа Ю.Д.Шумакова об Игоре Северянине основана на личных воспоминаниях и записях воспоминаний о поэте его эстонских друзей. Автор рассказывает о круге общения Северянина, сообщая попутно новые штрихи к биографиям П.М.Пильского, И.Д.Беляева, В.Адамса, Б.Нарциссова, Б.Вильде, Б.Таго-Новосадова, Б.Правдина, А.Раннита, В.А.Никифорова-Волгина. Особое место уделено взаимоотношениям Северянина и Г.Шенгели (привлечены сохранившиеся в архиве автора письма Северянина к Шенгели), роли Ф.М.Круут в жизни поэта, встрече Северянина с Буниным в 1938 г.

Уайл И. Максим Горький: Взгляд из Америки: Книга о жизни и творчестве А.М.Горького / Пер. с англ. О.Н.Рединой; Предисл. А.С.Мулярячика. — М.: Изд-во МПИ «Мир книги», 1993. — 124 с. — Тираж 1000 экз.

Впервые на русский язык переведен популярный очерк жизни и творчества Горького, написанный более 30 лет назад профессором Северо-Западного университета (Эванстон, Иллинойс).

Многие страницы книги показались нам до боли знакомыми по советским работам о Горьком, да и не только о нем. Например: «Поэты-символисты были заняты поиском новых, порой сложных и непонятных литературных форм. Они сконцентрировали свое внимание на символе <...>» (с.13); «В 1922 году <...> Ладыжников опубликовал памфлет Горького о русском крестьянстве <...>. Похоже, Горький в этот момент потерял всякую веру в свой народ и раздавал оплеухи направо и налево, без всякого разбора» (с.26); «Роман “Мать” интересен не только своим воздействием на революционное движение. Несмотря на слабости стиля, он весьма интересен в эстетическом отношении <...>» (с.52). И т.п.

Некоторые сообщаемые автором сведения основаны на давно уже опровергнутых легендах и слухах. Подробно излагается содержание горьковских произведений, в частности, с нескрываемым удовольствием (которое мы, впрочем, вполне разделяем) — автобиографической трилогии.

Мы не уверены, что к этой работе применима характеристика, данная в предисловии: «<...> книга И.Уайла впервые в развернутом виде доносит до нашей аудитории мнение западных ученых о сильных и слабых сторонах Горького — литератора, просветителя, общественного деятеля» (с.4). И Эванстон, нам кажется, где-то неподалеку от Кремона.

Бугров Б.С. Драматургия русского символизма / Моск. гос. ун-т им. М.В.Ломоносова. — М.: Скифы, 1993. — 64 с. — Тираж 1000 экз.

В первой части работы даются общие (слишком общие!) сведения о становлении русского символизма и делается обзор взглядов на театр В.Брюсова и Вяч.Иванова. Далее рассматриваются пьесы А.Белого «Пасть ночи» и «Пришедший», З.Гиппиус «Святая кровь», Вяч.Иванова «Тантал» и «Сыны Прометеев» («Прометей»), И.Анненского «Лаодамия», Ф.Сологуба «Дар мудрых пчел» и «Заложники жизни», Г.Чулкова «Адония», К.Бальмонта «Три расцвета», А.Блока «Балаганчик», М.Кузмина «Комедия о Евдокии из Гелиополя», В.Брюсова «Земля», «историческая» трилогия Д.Мережковского, а также пьеса З.Гиппиус, Д.Мережковского и Д.Философова «Маков цвет».

От Пушкина до Белого: Проблемы поэтики русского реализма XIX — начала XX века: Межвузовский сб. ст. / Под ред. В.М.Марковича. — СПб.: Изд-во С.-Петербургск. ун-та, 1992. — 304 с. — Тираж 933 экз.

Сборник подготовлен литературоведами С.-Петербургского и Будапештского университетов и посвящен в основном русской прозе XIX века (Пушкин, Гоголь, Гончаров, Тургенев, Лесков, Достоевский). Эти работы включает статья Б.В.Аверина «Автобиографическая трилогия А.Белого и традиции русской

автобиографической прозы XIX — начала XX века» (с.278-304). Автор не ограничивает себя заявленной в заглавии темой и, лишь упомянув мемуарную эпопею Короленко и «Жизнь Арсеньева» Бунина (sic!), рассматривает почти исключительно — «Котика Летаева».

Голубков С. Гармония смеха: Комическое в прозе А.Н.Толстого: Очерки. — Самара: Кн. изд-во, 1993. — 184 с. — Тираж 1300 экз.

Книга, по определению автора, является первым опытом «целостного и систематического анализа комического в творчестве А.Н.Толстого». Более или менее последовательно описаны сатирические персонажи, пересказаны сюжеты, имеющие пародийный или анекдотический характер. Несколько странно смотрятся цитаты из многочисленных эпистолярных источников и воспоминаний современников, призванные раскрыть значение «комического» в жизни и в бытовом поведении писателя.

Андрей Платонов: Исследования и материалы: Межвузовский сб. научн. тр. / Под ред. Т.А.Никоновой. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. — 196 с. — Тираж 500 экз.

Во второй сборник исследований о Платонове, вышедший на родине писателя, вошли работы: Акаткин В.М. «Возвращение Андрея Платонова» (с.3-19); Коваленко В.А. «Становление свободы: (О романе А.Платонова "Чевенгур")» (с.19-28); Мущенко Е.Г. «Художественное время в романе А.Платонова "Чевенгур"» (с.28-39); Лазаренко О.В. «Проблема идеала в антиутопии: "Мы" Е.Замятина и "Чевенгур" А.Платонова» (с.39-46); Абрамов А.В. «Над страницами повести "Котлован"» (с.46-55); Малыгина Н.М. «"Котлован" А.Платонова и общественно-литературная ситуация на рубеже 20-х — 30-х годов» (с.55-61); Алейников О.Ю. «Повесть А.Платонова "Ювенильное море" в общественно-литературном контексте 30-х годов» (с.71-80); Свительский В.А. «Факты и домыслы: О проблемах освоения платоновского наследия» (с.80-102); Иванова Л.А. «"Город Градов" А.Платонова и проблема авторского идеала» (с.102-117); Подшивалова Е.А. «О родовой природе прозы А.Платонова конца 20-х — начала 30-х годов» (с.117-125); Голубков С.А. «Анекдотическое в прозе А.Платонова» (с.125-137); Никонова Т.А. «А.Платонов и А.Новиков: К истории творческих взаимоотношений» (с.137-153); Сарычев В.А. «А.Платонов и эстетика "жизнетворчества"» (с.153-161); Бороздина А.П. «Зороастрийская легенда в повести А.Платонова "Джан"» (с.161-167); Корниенко Н.В. «Повесть о детстве: Опыт комментария к черновым наброскам А.Платонова» (с.167-180); Ласунский О.Г. «А.П.Платонов в печати, документах, иконографии: (По материалам личного собрания автора)» (с.180-194).

Проблемы типологии литературного процесса: Межвузовский сб. научн. трудов. — Пермь: [Изд-во Пермск. ун-та], 1992. — 164 с. — Тираж 250 экз.

В сборнике представлены статьи о творчестве Лермонтова и Тютчева, Лажечникова и Загоскина, Толстого и Достоевского, а также работы о литературе XX века. Так, В.В.Абашев в статье «Художественный опыт Ф.И.Тютчева и мифотворчество русских сим-

волистов» (с.84-95) рассматривает общесимволистское понимание тютчевской лирики как «мифотворческой», основываясь на критических текстах Вяч.Иванова, К.Бальмонта, А.Белого и др. Р.С.Спивак сопоставляет «культурный» и «природный» универсумы в поэзии Бунина и его современников: Мандельштама, Вяч.Иванова, Хлебникова («И.А.Бунин и космос культуры в русской поэзии начала XX века», с.95-110). Особенности поэтики Пастернака, не изменившиеся на протяжении всего его творческого пути, так формулируются в статье В.В.Эйдиновой «О стиле Б.Пастернака» (с.110-118): «<...> сущность формообразования, специфичного для художника, заключается в универсальности того принципа сближения-сцепления (всего со всем), который проявляет себя и метонимически, и метафорически, и в системе сравнений, преувеличений и т.д.» (с.111). На основе анализа стихотворения Мандельштама «Фазтонщик» Д.И.Черашняя определяет его тему как «противостояние чуме среди всеобщего страшного сна» («О субъективном строе стихотворения О.Мандельштама "Фазтонщик"», с.118-125). Тема же работы З.В.Станкеева обозначена в самом ее названии — «Пейзаж русской души: (Заметки о национальном характере в лирике Есенина)» (с.125-135). Отзывы социал-демократической критики начала века (А.Богданович, Л.Троцкий, А.Луначарский, В.Воровский, В.Фриче, П.Коган) о С.Пшибышевском и др. польских писателях проанализированы в работе М.В.Михайловой «Методология и политика: Варианты типологического соотношения» (с.146-161). В обзорной статье А.Н.Маленьких «Типологические схождения прозы и театра как грань общей типологии литературного процесса» (с.135-146) речь, в частности, идет о постановке булгаковского «Мастера и Маргариты» в Театре на Таганке.

Газеты первых лет Советской власти. 1917-1922: Свод. библиогр. каталог / Гос. б-ка СССР им. В.И.Ленина. — М., 1990. — Ч.1. — 350 с. — Тираж 2500 экз.

С выходом первого тома издание этого библиографического указателя завершено. Книга — вопреки обозначенной на титуле дате — появилась в 1993 г. Мнение «DV» об этом издании, высказанное еще в №4 (с.87), не изменилось.

Литература русского зарубежья в фондах библиотек Москвы: Краткий справочник / Ред.-сост. И.В.Балдина. — М.: Рудомино, 1993. — 40 с. — Тираж 5000 экз.

Справочник подготовлен Российской государственной библиотекой (РГБ) и Всероссийской государственной библиотекой иностранной литературы им. М.И.Рудомино (ВГБИЛ) к Международной конференции «Культурное наследие русской эмиграции» (Москва, 8-12 сентября 1993 г.; отчет об этой конференции «DV» предполагает поместить в одном из ближайших номеров). В «Кратком справочнике» даны более чем краткие справки о фондах РГБ, ВГБИЛ, Научной библиотеки Федеральных архивов (НБ ФА), Государственной публичной исторической библиотеки (ГПИБ), Государственной общественно-политической библиотеки (ГОПБ; бывшая Библиотека Института марксизма-ленинизма ЦК КПСС), Библиотеки Инс-

титута научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН), Научной библиотеки МГУ, Библиотеки Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) и Библиотеки Российского фонда культуры. Описаны основные коллекции, указаны адреса.

Напомним, что двумя годами ранее вышли «Материалы к сводному указателю периодических и продолжающихся изданий российского зарубежья в библиотеках Москвы» (М., 1991); в этом указателе были даны сведения о комплектности многих эмигрантских журналов и газет за 1917-1990 гг. в крупнейших библиотеках Москвы. Однако, в этих

«Материалах» отсутствовала информация о собраниях ВГБИЛ, Научных библиотек МГУ и РГГУ и Библиотеки Российского фонда культуры.

Каталог книжной выставки «Российское зарубежье в фондах ИНИОН». — М.: [ИНИОН РАН], 1993. — 48 с. — Тираж 300 экз.

Прошедшая в ИНИОН выставка была также приурочена к Международной конференции «Культурное наследие русской эмиграции». В Каталоге описаны только книжные издания (586 позиций); материал расположен в соответствии с основными отраслями социальных и гуманитарных наук.

ЖУРНАЛЫ

Журналы, просмотренные «De Visu» (апрель 1993 г.): Аврора, Байкал, Вестник Российской Академии наук. Т.63, Военно-исторический журнал, Волга, Вопросы истории, Вопросы литературы, Вопросы философии, Вопросы языкознания, Грани, Дальний Восток, Детская литература, Дон, Дружба народов, Журналист, Звезда, Звезда Востока, Знамя, Иностранная литература, Искусство кино, Кентавр, Киносценарии, Кодры, Континент, Молодая гвардия, Москва, Московский журнал, Московский наблюдатель, Музыкальная жизнь, Наука и жизнь, Наука и религия, Наш современник, Нева, Неман, Новое время, Новое литературное обозрение, Новый мир, Огонек, Октябрь, Памир, Простор, Работница, Родина, Россияне, Русская литература, Свободная мысль, Север, Сельская молодежь, Смена, Согласие, Социологические исследования, Столица, Театр, Театральная жизнь, Урал, Филологические науки, Юность.

В обзоре описаны и отдельные публикации в изданиях, не просмотренных комплектами.

Аврора:

В №4 — статья О.Шеляпиной «Поэта жизнь: Игорь Северянин и его окружение» о детских и юношеских годах Северянина, проведенных в Череповце (1896-1903), встречах с К.Фофановым и Ф.Сологубом.

Там же — републикация рассказа М.Пришвина «Нерль» (1926); предисловие Э.А.

Вестник Еврейского университета в Москве:

В №2 — статья Е.Меламеда «Другой Наумов» о жизни и творчестве Н.Наумова (псевд. Н.Л.Когана, 1863-1893), автора повести «В глухом местечке» (1892), в частности, о его контактах с В.Г.Короленко.

Там же — начало публикации «Воспоминаний» (написаны не позднее 1919 г.) Г.А.Ландау (1877-1940), в частности, о встречах с С.Г.Фругом; предисловие и комментарии В.Кельнера, публикация В.Кельнера и Е.Голлербаха.

Там же — письмо Бен-Ами (Рабинович М.Я., 1854-1932) Д.Н.Овсяннико-Куликовскому от 18 марта 1917 г.; предисловие, публикация и комментарии А.Рогачевского.

Вестник РАН. Т.63:

В №3 — статья В.В.Сапова «Журнал “Логос” — прерванный на полуслове диалог» и 11 писем Ф.Степуна 1909-1913 гг. А.Белому, Э.Метнеру, Вяч. Иванову, С.Каблукову; публикация и примечания В.В.Сапова.

Вопросы литературы:

В вып. 2 — статья С.Фрадкиной «Русская литература XX века как единая эстетическая система».

Там же — статья В.Келдыша «На рубеже художественных эпох: (О русской литературе конца XIX — начала XX века)» (в частности, о прозе Ф.Сологуба и И.Бунина).

Там же — статья В.Вилениной «Короткое, но “царственное слово”» (о роли союзов «и», «а» и «но» в поэзии Ахматовой).

Там же — статья М.Ильницкого «На перепутьях века» о западно-украинской и эмигрантской поэзии 1910-1930-х гг.

Там же — статьи В.Розанова: «Литературные новинки» (впервые — Новое время. 1904. 16 июня); «О “народо”-божии как новой идее Максима Горького» (впервые — Русское слово. 1908. 13 декабря); «Л.Андреев и его “Тьма”» (впервые — Новое время. 1908. 25 января); «Литературные симулянты» (впервые — там же. 1909. 11 января); «Трагическое остроумие» (впервые — там же. 1909. 9 февраля); «Попы, жандармы и Блок» (впервые — там же. 1909. 16 февраля); «Критик русского decadence’a» (впервые — Русское слово. 1909. 25 сентября); «Г-н Н.Я.Абрамович об “улице современной литературы”» (впервые — Колокол. 1916. 12 февраля). Составление, подготовка текста, вступительная заметка и комментарии В.Сукача.

Там же — под заглавием «О встрече Анны Ахматовой и Михаила Зощенко с делегацией английских студентов» публикуются из архива ЦХСД: записка Ленинградского обкома КПСС в Отдел науки и культуры ЦК КПСС от 27 июня 1954 г.; информация Ленинградского обкома о закрытом собрании партийной организации Ленинградского отделения ССП СССР от 27 мая 1954 г. Вступление,

публикация и примечания Т.Домрачевой и Т.Дубинской-Джалиловой.

Там же — подборка материалов из архива ЦХСД о цензурной истории альманаха «Тарусские страницы» (1961), в частности, о публикациях М.Цветаевой и материалов, связанных с И.Буниним, В.Мейерхольдом. Публикация Е.Ореховой.

Там же — продолжение публикации дневника В.Г.Короленко (1919; начало в №5, 6, 8, 10 за 1990 г. и №2 за 1992 г.). Публикация Е.Лосевой, В.Лосева, С.Ляхович; примечания В.Лосева.

Там же — публикация А.Блюма «Как поссорились ГУС с Главсоцвосом: (Из цензурных курьезов 20-х годов)».

Там же — заметка М.Заградки о журнале «Записки наблюдателя» (Прага, 1924).

Там же — под заглавием «Два письма “вице-лидера” большевизма» печатаются письма А.А.Богданова М.Горькому от 22 мая и 5 июня 1910 г.; предисловие, публикация и комментарии П.Плюто.

Там же — аннотации на публикации в №3-6 «Известий АН СССР: Серия литературы и языка» и №4-5 «Советских архивов» за 1991 г., в частности, посвященные литературы 1900-1930-х гг.

Вопросы философии:

В №3 — статья М.Г.Ярошевского «Переживание и драма развития личности: (Последнее слово Л.С.Выготского)» о концепции «переживания» у Выготского.

Там же — окончание статьи В.Л.Махлина «Бахтин и Запад: (Опыт обзорной ориентации)»; начало — в №1.

В №4 — под заглавием «Философский дебют Н.А.Бердяева: (Письма 1899-1900 гг.)» 5 писем Бердяева к П.Б.Струве; публикация и примечания М.А.Колерова.

Там же — статья М.А.Кудринского «Архивная история сборника “Проблемы идеализма”»; среди авторов сборника, вышедшего в 1902 г. — Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, П.И.Новгородцев, П.Б.Струве, Е.Н.Трубецкой, С.Л.Франк.

Грани:

В №168 — статья А.Антонова «Анафема “детской литературе”», в которой критике подвергается, в частности, советская литература для детей 1920-1930-х гг. (В.Маяковский, С.Маршак, А.Гайдар и др.)

Дальний Восток:

В №4 — «Вести о новой эре» Е.Рерих (окончание; начало — в №3).

Там же — статья С.Николаева «Процесс: История одной политической расправы» (в частности, о посмертном обвинении В.К.Арсеньева на одном из процессов в Хабаровске в 1935 г. в шпионской деятельности).

Там же — статья Ю.Шестаковой «Родник его поэзии» о жизни и творчестве дальневосточного поэта П.Комарова (р.1911).

Детская литература:

В №4 — под заглавием «Письмо в Швецию (и Финляндию), или Родимые пятна тоталитаризма: Взгляд со стороны» рецензия Т.Доброницкой на книгу Б.Хелльмана «Детская и юношеская литература в

Советской России: От Октябрьской революции 1917 года до перестройки 1986 года», выпущенную в 1991 г. шведским издательством «Рабен и Шегрен».

Там же — статья Ф.Домогацкого «Богомолье» (о своей работе над иллюстрациями к «Богомолью» И.Шмелева).

Диалог:

В №4 — статья М.Кольцова «Хорошая работа» (1926), посвященная кинофильму «Броненосец “Потемкин”».

Дон:

В №1 — под заглавием «То, что всегда со мною» публикуются воспоминания Ю.Лукина о М.Шолохове, с которым автор был знаком с 1932 г.

В №2 — под заглавием «Как травили Блока» отрывок из подготовленной к печати книги В.Молодякова «Черный день: Кто убил Александра Блока».

Там же — статья Л.Сатаровой «Образ “тихого Дона” в прозе писателей-донцев» (о произведениях Ф.Крюкова, П.Краснова, И.Родионова).

Там же — статья А.Венкова «Роман и история» (о соответствии и несоответствии исторической правде некоторых эпизодов «Тихого Дона» М.Шолохова).

Там же — очерки из книги П.Краснова «Картины былого тихого Дона» (1909).

Дружба народов:

В №4 — под заглавием «“Так будь же сам Вселенной и творцом...”»: Письма М.А.Волошина к В.В.Вересаеву» 26 писем и фрагментов писем 1922-1931 гг. из собрания А.Ф.Маркова; вступительная заметка, публикация и комментарии А.Ф.Маркова.

Звезда:

В №3 — стихотворения В.Ходасевича «Баллада» (1921) и «Перед зеркалом» (1924).

Там же — статья Ф.Розинера «Запредельная встреча: Дополнение к биографии В.Розанова и К.Леонтьева», посвященная в основном книге «Константин Леонтьев. Письма к Василию Розанову» (Лондон, 1981) и поиску автором могил Розанова и Леонтьева неподалеку от Сергиева Посада.

Там же — статья В.Безносова «Путь к духовному синтезу: О Религиозно-философских собраниях в С.-Петербурге».

Там же — статья А.А.Мейера «Правда и неправда социализма» (написана предположительно в 1917-1918 гг.); предисловие и публикация А.И.Добкина и А.Б.Рогинского.

Там же — статья Е.Калмановского «М.Горький и пароход современности», протестующая против критических выпадов в адрес писателя в последние годы.

В №4 — подборка из 12 стихотворений Л.Алексеевой (1909-1989) из книг 1950-х — 1970-х гг.; вступительная статья «Время разлук и встреч: О судьбе Лидии Алексеевой» Г.Ф.Далматовой.

Там же — «Воспоминания о Б.Л.Пастернаке» М.Левина; предисловие Ф.Искандера, публикация, примечания и подготовка текста Н.М.Леонтович.

Там же — статья Ф.Степуна «В защиту свободы» (впервые — в журнале «Утверждения», Париж, 1931, №2).

Знамя:

В №4 — незавершенные воспоминания В.Шаламова (1970-е гг.), в частности, о Москве 1920-1930-х гг.; подготовка текста и публикация И.Сиротинской.

Кредо (Тамбов):

№3/4 журнала почти полностью отдан материалам международной научно-практической конференции «Поэтика русского авангарда» (22-24 апреля 1993 г., Тамбов). Среди авторов статей, посвященных преимущественно современному русскому авангарду, — С.Е.Бирюков, Н.А.Фатеева, А.Хузангай, Б.Констриктор, Л.Н.Березовчук, Д.Янечек, Ры Никонова-Таршис, С.В.Пискунова, Б.Шифрин, В.Кулаков, А.Очеретянский, Л.Гервер; опубликованы также произведения Г.Айги, С.Сигея, А.Горнона, И.Левшина, Б.Лукомникова, А.Очеретянского, С.Бирюкова. На материале русского литературного авангарда 1910-1920-х гг. основаны статьи В.П.Григорьева «К поэтике и эстетике авангарда», Т.Л.Никольской «Н.Я.Мартр и футуристы», О.Н.Панченко «О концах и началах прозаических текстов Виктора Шкловского», Н.А.Кожевниковой и З.Ю.Петровой «О словарном описании паронимии», С.Бирюковой «А.Туфанов — теоретик “фонической музыки”», С.Сигея «Беседы в близине Миргорода». С.В.Кудрявцев публикует письмо И.Терентьева М.М.Карповичу от 8 апреля 1918 г. (под заглавием «От Пушкина к... черт знает чему»).

Идеал:

В №1 — под заглавием «Гениальность или святость?» отрывок из книги Н.Бердяева «Смысл творчества»; предисловие редакции.

Кетгавр:

В №1 — очерк В.В.Горбунова «Родоначальник» о В.Соловьеве (из готовящейся к печати в издательстве «Феникс» его книги «Идея соборности в русской религиозной философии»); предисловие Ю.Нагибина.

В №2 — статья Г.П.Федотова «Народ и власть» (впервые — «Новый журнал», Нью-Йорк, 1949, №21).

Латинская Америка:

В №4 — биографический очерк Б.Ф.Мартынова «Генерал. Ученый. Поэт» об И.Т.Беляеве (1875-1957), жившем в Парагвае и печатавшемся, в частности, в газете «Русский в Аргентине».

Москва:

В №4/5 — пять стихотворений Н.Туровой; публикация и предисловие М.Шаповалова.

Там же — стихотворение К.Бальмонта «Церковь» (1930).

Там же — начало публикации романа А.Ф.Лосева «Женщина-мыслитель»; предисловие Г.Зверева.

Там же — очерк М.Булгакова «В кафе» (Кавказская газета. Владикавказ, 1920. 5/18 января 1920).

Московский наблюдатель:

В №4 — статья С.Ивановой «Я чужому ответила: “Нет!”» (о поэзии А.Ахматовой).

Наука и религия:

В №4 — продолжение работы А.Никитина «Тамплиеры в Москве» (начало в №4-12 за 1992 г.

и №1-3 за 1993 г.); в этом номере речь идет об обрядовой и идейной близости анархомистицизма и масонства в Москве в 1920-е гг.

Наш современник:

В №4 — окончание публикации подборки статей И.Ильина (начало в №3): «О возрождении России», «Надо готовить грядущую Россию», «О главном», «О воспитании русского народа к справедливости», «Основная задача грядущей России», «О русском национальном самостоянии», «О русской идее», «Мы были правы».

Нева:

В №3 — статья И.Сухих «Обреченная (?) книга» (о романе М.Горького «Мать»).

В №4 — статья Я.Гордина «Поэт и хаос» (об отношении Б.Пастернака, О.Мандельштама и А.Ахматовой к революции).

Там же — начало «Записок об Анне Ахматовой» Л.Чуковской (том 2, 1952-1962 гг.).

Новое время:

В №17 — под заглавием «Отбор лучших» фрагменты из цикла статей И.Ильина, опубликованного в парижском журнале «Возрождение» за 1932 г.

В №18 — фрагменты очерка А.Петрищева «О разочарованных и распаде», посвященного русской революции (впервые опубликован в «Русском богатстве», 1917).

Новое литературное обозрение:

В №2 (вышел в апреле) — рассказ Б.Садовского «Александр Третий» (1930); публикация и послесловие С.В.Шумихина.

Там же — воспоминания Р.М.Миркиной «Бахтин, каким я его знала» о встречах в 1920-е гг. в Витебске и Ленинграде; предисловие С.Б. «О воспоминаниях Р.М.Миркиной».

Там же — воспоминания о М.Бахтине С.Г.Бочарова «Об одном разговоре и вокруг него» (встречи в 1970-е гг., отзывы Бахтина о «Мастере и Маргарите» Булгакова, А.А.Мейера и др.)

Там же — статья о М.Бахтине Э.Несбет и Э.Наймана «Формы времени в “Формах времени...”»

Там же — неизданные фрагменты «Мелкого беса» Ф.Сологуба; вступительная заметка, публикация и примечания А.Соболева.

Там же — под заглавием «Из неизданного наследия В.Ходасевича» публикуются неизданные стихи «Дрожит вагон. Заледенелых стекол...», «Я не старик, ты не старушка...», «Страшны туманные поляны...» 1918-1920 гг., неучтенные в литературе о Ходасевиче варианты его стихотворений, письмо Ходасевича Н.М.Волковскому от 27 ноября 1921 г., переводы из Э.Слоньского, А.Туманяна, английской детской поэзии (публиковались соответственно в «Свободном журнале», 1915, №2, «Жизни искусства», 1923, №15, и журнале «Для детей», 1917, №1); вступительные заметки, публикация и примечания С.В.Поляковой.

Там же — публикуется «Переписка В.Ф.Ходасевича с А.В.Бахрахом» (24 письма 1923-1931 гг.); публикация и примечания Д.Малмстада.

Там же — рецензия К.Азадовского «Серебряные и золотые нити русской культуры» на книгу: *Cultural mythologies of russian modernism / Ed. by B.Gasparov, R.Hughes, I.Paperno. Berkeley, 1992 (California Slavic Studies. Vol. XV).*

Там же — заметка П.В.Дмитриева «Об одном редком петроградском издании начала 20-х годов» (двухнедельник «Жизнь искусства», 1922, №1).

Там же — «Комментарии к примечаниям, или Серебряный век эпохи перестройки и гласности» Ефрема Гусина об ошибках и неточностях в комментировании «Сумасшедшего корабля» О.Форш (альманах «Лазурь», 1989, вып. 1), «Москвы» А.Белого (М., 1990), сочинений К.Бальмонта (Бальмонт К. Стозвучные песни. Ярославль, 1990).

Там же — заметка С.В.Шумихина «Из комментариев к “Записным книжкам” А.А.Блока» (об упоминающемся у Блока покушении Л.Е.Габриловича на А.Д.Нюрнберга).

Там же — статья А.В.Лаврова «“Судьбы скрещенья”: Теснота коммуникативного ряда в “Докторе Живаго”»

Там же — обзор К.М.Поливанова «Отечественная пастернакиана за 10 лет».

Там же — статья М.Золотоносова «“Ахутокоц-Ахум”: Опыт расшифровки сказки К.И.Чуковского о Мухе».

Там же — беседа «Критики и лирики» В.Кулакова с А.Сергеевым (в частности, о встречах с Б.Пастернаком и А.Крученых).

Там же — анонимные рецензии на книги: Гнедов В. Собрание стихотворений. — Тренто, 1992; *Amour et erotisme dans la litterature du XXe siecle / Любовь и эротика в русской литературе XX века. Вегп е.а., 1992.*

Там же — отчет Г.Ельшевой «Искусство писать письма» о выставке «Письмо М.А.Булгакову».

Новый мир:

В №4 — под заглавием «“Меня убьет только прямое попадание по башке”: Материалы к творческой биографии Андрея Платонова. 1927-1932 годы» первые редакции «Города Градова» и «Впрок»; публикация М.А.Платоновой, подготовка текста и очерк творчества Н.В.Корниенко.

Там же — письмо в редакцию Е.Н.Никитина «Был ли фальсификатором В.И.Анучин?», опровергающее утверждение Л.В.Азадовской о фальсификации В.И.Анучиным письма к нему М.Горького.

Там же — под заглавием «Предопределение и свобода» публикуются философские эссе Я.С.Друскина «Грехопадение» и «Предопределение и свобода: Обломов: Аллегория» (последнее написано в 1965-1966 гг. и впервые опубликовано в книге Г.Орлова «Вблизи вестников», Washington, 1988), а также фрагменты из его блокадного дневника 1941-1942 гг. «Перед принадлежностями чего-либо». Все материалы публикуются по рукописям из архива Л.С.Друскиной; составление, публикация и примечания Л.С.Друскиной, вступительная статья В.Н.Сажина, послесловие А.Г.Машевского, «Библиография Якова Семеновича Друскина» — И.Г.Вишневецкого.

Огонек:

В №14/15 — стихотворение Л.Столицы (1884-1934) «Рождество в купеческом доме» (1926); предисловие Е.Витковского.

В №17 — статья Г.Стукаловой «Один офицер по фамилии Родионов...: Читал ли Лев Толстой “Тихий Дон”?» (о возможном использовании Шолоховым в романе произведений писателя И.А.Родионова).

Там же — статья В.Литвинова «Загадка “Тихого Дона”» (в связи с полемикой последних лет вокруг авторства «Тихого Дона»).

Там же — под заглавием «Структура заимствований в “Тихом Доне”» отрывок из книги А. и С.Макаровых «Цветок-татарник».

Там же — под заглавием «Нечиновный казак» отрывки из мемуарных очерков о Шолохове А.Н.Давлятина, жившего в Вешенской с 1962 г.

Все материалы №17 публикуются под общим заглавием «Шолохов, неподнятая целина» и с редакционным предисловием.

Октябрь:

В №4 — роман М.Левитина «Сплошное неприличие», посвященный жизни поэта и режиссера И.Терентьева.

Там же — продолжение публикации книги Д.Мержковского «Иисус Неизвестный» (начало — в №11-12 за 1992 г. и №1-3 за 1993 г.)

Там же — рецензия А.Чернышева на книгу: Осоргин М. Вольный каменщик. М., 1992.

Памир:

В №3/4 — статья В.Дядичева «Маяковский: “Я устал, один по морю лазая...”» (о Маяковском в 1920-е гг., в частности, о его взаимоотношениях с Е.П.Зиберт (Элли Джонс)).

Простор:

В №4 — статья Л.Гальцевой «Михаил Люгарин: Судьба, стихи, годы...», посвященная поэту М.М.Люгарину (р. 1908 г.)

Там же — в рубрике «Возвращаясь к напечатанному» перепечатывается с восстановлением цензурных купюр очерк М.Цветаевой «Вольный проезд» (1918; впервые опубликован в «Современных записках», 1924, №21; републикован в «Подъеме», 1988, №4); предисловие и послесловие Л.Козловой. Здесь же печатается стихотворение Цветаевой «Евреям» (1916), опубликованное в том же номере «Современных записок»; вступительная статья «Купина неопалимых роз» Л.Козловой

Работница:

В №4 — рассказ Н.И.Гаген-Торн (1900-1986) «Пища шаманов»; публикация Г.Ю.Гаген-Торн, предисловие Н.Аришиной.

Родина:

В №4 — под заглавием «Голландские домики» отрывок из книги М.Алданава «Земли, люди» (Берлин, 1932).

Там же — впервые публикуется очерк Б.Шергина «Жители Новой Земли: (Фома Вылка)»; предисловие и публикация Л.Шульман.

Россияне:

В №4/6 — под заглавием «Слава Богу за все!» подборка стихотворений 1919-1960-х гг. А.Солодовникова (1893-1974); предисловие «Путями Иова» Е.Даниловой.

Русская литература:

В №2 за 1992 г. (вышел в апреле 1993 г.) — статья В.А.Мыслякова «“Формула прогресса” в идейной системе Н.Михайловского».

Там же — статья А.А.Станюты «Достоевский в восприятии Бунина».

Там же — статья В.А.Туниманова «Бунин и Достоевский: (По поводу рассказа И.А.Бунина “Петлистые уши”)».

Там же — шесть статей П.Б.Струве о русских писателях: «Любовник Эллады» (1930; о Н.Ф.Щербине), «Юрий Самарин: (Опыт характеристики и оценки)» (1926), «Достоевский — путь к Пушкину» (1931), «Константин Леонтьев» (1926), «Н.С.Лесков: (Несколько черт из воспоминаний)» (1930), «И.А.Бунин» (1933); предисловие К.Ю.Лаппо-Данилевского, комментарии М.Д.Эльзона.

Там же — под заглавием «Девять писем Леонида Николаевича Андреева к Лидии Семеновне Раменской» печатаются письма 1908-1916 гг.; публикация и вступительная статья Л.А.Иезуитовой.

Там же — статья А.А.Александрова «О первых литературных опытах Даниила Хармса».

Там же — под заглавием «Из переписки Зинаиды Гиппиус» печатается письмо З.Гиппиус Л.Д.Блок от 25 декабря 1906 г.; вступительная заметка и публикация А.Л.Соболева.

Там же — под заглавием «“Несвоевременные мысли” Максима Горького» печатается предисловие Д.Пачини к итальянскому изданию книги (Милан, 1980).

Там же — статья М.Финкельберг «О герое “Поэмы без героя”», в которой предпринимается попытка доказать, что главным героем поэмы был Н.Гумилев.

Там же — под заглавием «Переписка Л.И.Щестова с А.М.Ремизовым» печатаются 80 писем 1905-1919 гг.; вступительная заметка, подготовка текста и примечания И.Ф.Даниловой и А.А.Данилевского (начало — в №2 за 1992 г.)

Сельская молодежь:

В №4 — под заглавием «Гран бардак генераль» отрывок из дневника Ю.Слезкина от 18 января 1933 г.; публикация С.Никоненко.

Социологические исследования:

В №4 — статья В.Шамшурина «Идея права в социальной теории П.И.Новгородцева».

Столица:

В №14 — рецензия Д.Гордер «Мне еще никогда не было так больно...» на спектакль «Лолита» по роману В.Набокова в Театре Р.Виктюка.

В №17 — статья Б.Носика «Последняя любовь Эренбурга» («Лизелотта» из Стокгольма).

Филологические науки:

В №1 — статья В.И.Хазана «“... Одна великолепная цитата”: (О некоторых параллелях в творчестве О.Мандельштама и А.Ахматовой)».

Там же — статья И.А.Есаулова «Этическое и эстетическое в рассказе И.Бабея “Пан Аполек”».

Там же — статья Б.П.Гончарова «В.В.Маяковский и Н.А.Бердяев: (К осмыслению исторического процесса)», посвященная «параллелям» в понимании революции Маяковским и Бердяевым.

Там же — рецензия Л.В.Чернеца на книгу: Рейтлат А.И. От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. М., 1991.

Юность:

В №1 (вышел в апреле) — рассказы А.Аверченко «Трудное заглавие» (Сатирикон. 1908. №1) и Тэффи «Морские сигналы» (Там же. №8); публикация А.Хорта.

Там же — начало публикации работы Н.Зернова «Русское религиозное возрождение XX века».

В №4 — продолжение публикации работы Н.Зернова.

Там же — под заглавием «Либерализм» отрывок из книги А.Лосева «Очерки античного символизма и мифологии» (1928); предисловие А.Б. [Богословского А.Н.] и Г.З. [Зверева Г.В.], публикация А.А.Тахо-Годи.

* * *

В апреле в Санкт-Петербурге вышел первый в 1993 г. номер «Нового журнала» (в подзаголовке: «Общественно-политическое, литературно-художественное издание»). Главный редактор — А.Александрин; учредители: Внешнеполитическая ассоциация, Всероссийский фонд милосердия и здоровья и Управление Октябрьской железной дороги. Тираж — 3000 экземпляров.

Журнал под таким названием выходил ранее в Петербурге; о причинах его реорганизации и программе обновленного издания сказано во вступительной статье: «<...> редакция сознательно пошла по пути превращения относительно тонкого двухнедельного издания в толстый литературно-художественный альманах, каждый номер которого представляет собой завершённую книжку-сборник художественных, исторических, культурологических и иных произведений и материалов. Год борьбы за существование не прошел для “Нового журнала” без пользы. У нас появились верные и интересные друзья среди писателей и ученых, имена и произведения которых могут украсить любой отечественный или иностранный журнал. В заключение мы хотели бы особо обратить внимание наших читателей на то обстоятельство, что, вынужденно изменяя форму издания, его редакция и авторы вовсе не собираются менять его духовно-нравственные и интеллектуальные ориентиры, важнейшими из которых являются опора на здравый смысл, спокойствие и объективность анализа, непредубежденность, уважение человеческого достоинства, ориентация на идеалы соборности и созидания. Помочь читателю осмыслить многие важнейшие события нашего культурного и исторического про-

шлого, сохранить душевное равновесие в быстро меняющемся мире и устоять на ногах под ударами не балующей нас в последнее время жизни — вот главная цель деятельности «Нового журнала» (с.3).

Большую часть первого номера занимают публикации и републикации, посвященные русской литературе XX века.

Номер открывает неоконченная «Книга о последнем царствовании» Г.Иванова, отрывки из которой публиковались в рижской газете «Сегодня» за 1933 г. (с.8-56). В предисловии публикатора В.Крейда «Георгий Иванов и его «Книга о последнем царствовании»» (с.4-7) — заметки о Георгии Иванове как прозаике, сведения об истории работы поэта над «Книгой»; в комментариях раскрываются некоторые исторические реалии и указываются использованные источники (с.57-65). Данная публикация, как мы видим, является полным воспроизведением книги Г.Иванова, подготовленной В.Крейдом и ранее вышедшей в США.

Для «Нового журнала» В.Крейд подготовил и подборку из девяти стихотворений А.Кондратьева 1914-1920-х гг. (с.100-105); публикация сопровождается вступительной статьей «О поэте Александре Кондратьеве, его судьбе и стихах» (с.95-104) с изложением биографии поэта (использованы интересные письма Кондратьева А.Амфитеатрову 1920-1930-х гг.).

Под заглавием «Из пушкинианы писателей первой русской эмиграции» объединены статьи В.Набокова «Пушкин» (с.80-81; первый перевод из книги «Три русских поэта: Избранное из Пушкина, Лермонтова и Тютчева в новых переводах Владимира Набокова», Норфолк, 1944) и М.Алданова «Французская карьера Дантеса» (с.81-86; из парижских «Последних новостей», 1937, 10 февраля). Публикация, предисловие и комментарии С.Кибальника. Пушкинскую подборку продолжают заметки С.Кибальника «В.В.Розанов: «За» и «против» Пушкина» (с.90-94).

Отрывки из известной книги А.Белинкова об Олеше печатаются под данным редакцией названием «Фашизм с человеческим лицом» (с.67-78); предисловие О.Козловой (с.66).

Четыре материала посвящены историческому прошлому России. Это отрывок из воспоминаний А.Уайта «Россия во время войны» (из «Нового журнала литературы и искусства» за 1905 г., №1), подготовленная Ф.Лурье перепечатка народофильской брошюры «Народная расправа» (1870, №2), подборка материалов об о.Г.Калиновском — священнике, совершившем в 1913 г. отпечение на могиле Льва Толстого (публикация и предисловие В.Жаникова) и о деятельности датского торгового представительства в Петрограде в 1919 г., добывавшего перепродажей произведений искусства средства для антибольшевистской организации в Дании (предисловие, публикация и комментарии В.Волкова).

В планах «Нового журнала»: публикация черновых набросков Е.Замятина к роману «Дубы», неизвестные сонеты из книги Игоря Северянина «Медальоны», стихи и эссе Н.Оцупа, стихи и статьи Б.Поплавского, переписка И.Репина с Ефимом Честняковым (публикация В.Сапогова), статьи А.Блюма «Возвращение Константина Вагинова» и С.Кибальника «Петроград 1917 года в неизвестном стихотворном сборнике Константина Вагинова», «Еще раз об А.Ахматовой и Л.Гумилеве» (публикация В.Волкова).

Текущая литература представлена в «Новом журнале» гораздо скромнее — подборкой стихов М.Еремина (предисловие С.Носова), Е.Катасоновой, Г.Филиппова и других петербургских авторов (предисловие А.Панченко «Гамбургская луна» с лицевой и обратной стороны).

Адрес редакции: 191022, Санкт-Петербург, Фонтанка, 59. Телефоны: 278-13-76; 273-21-72.

Писать: 193015, Санкт-Петербург, а/я 119.

* * *

В апреле (помечен февралем) 1993 г. вышел и первый номер еще одного обновленного издания — журнала «Русский курьер», до начала 1992 г. существовавшего качестве одноименной газеты. Тираж — 5000 экз.

«Русский курьер» открывается широкоэшелонной декларацией: «Считая необходимым в наше нелегкое для культуры время поддержать развитие литературно-художественного процесса, руководство «Русского курьера» решило реорганизоваться и приступить к изданию ежемесячного журнала литературы и искусства. Редакционный совет и редколлегия «Русского курьера» намерены привлечь к участию в журнале лучшие литературно-художественные силы России и русского Зарубежья, знакомить читателей с наиболее значительными и в нашей стране не известными произведениями западных авторов, следить за развитием художественных тенденций в литературе и искусстве».

Цели, конечно, благородные, но, как нам кажется, сформулированы слишком общо. Впрочем, Александру Глезеру, главному редактору журнала, виднее. Для того, очевидно, он и собрал в редакционном общественном совете В.Аксенова, Л.Аннинского, Н.Иванову, Э.Неизвестного, Б.Окуджаву, Е.Рейна, Г.Сапгира, С.Юрьенена, составил первый номер из стихотворений И.Бродского (им, конечно, открывается номер), Б.Ахмадулиной, Е.Рейна, рассказов Вик.Ерофеева, Е.Попова, статей А.Арьева, Е.Шкловского, Л.Аннинского, Л.Озерова, А.Глезера и др. Несколько странно, нам показалось, выглядит в этом окружении крохотная публикация В.Сажина «Неопубликованный Хармс» (с.15-17), вызвавшая, впрочем, более чем бурную реакцию В.Глоцера (см. роспись «Книжного обозрения» в этом номере «DV»).

Адрес редакции в Москве: 123060, ул. маршала Вершинина, д.3, к.1, кв.19.

ГАЗЕТЫ

Газеты, просмотренные «De Visu» (апрель 1993 г.): Аргументы и факты, Арт-фонарь, Ветеран, Вечерний клуб, Вечерний Петербург, Вечерняя Москва, Гласность, Голос, Голос Родины, Гудок, 24, Деловой мир, День, Домашнее чтение, Домострой, Еврейская газета, Известия, Книжное обозрение, Комсомольская правда, Крестьянская Россия, Крестьянские ведомости, Криминальная хроника, Культура, Куранты, ЛГ-Досье, Литературная газета, Литературная Россия, Литературные новости, Московская правда, Московские ведомости, Московские новости, Московский комсомолец, Московский литератор, Народная газета, Начало, Невское время, Неделя, Независимая газета, Патриот, Первое сентября, Подмосковные известия, Подмосковье, Политика, Правда, Рабочая трибуна, Российская газета, Российские вести, Россия, Русский вестник, Санкт-Петербургские ведомости, Сегодня, Семь с плюсом, Семья, Смена, Совершенно секретно, Советская Россия, Сын Отечества, Третье сословие, Труд, Учительская газета, Федерация, Час пик, Экран и сцена, Эмиграция.

В обзоре описаны и отдельные публикации в изданиях, не просмотренных комплектами.

Век:

В №13 — стихотворение А.Вертинского «Вере Холодной» (1916).

В №14 — под заглавием «Странный вечер» первая глава из коллективного романа «Большие пожары», в написании которого принимал участие А.Грин; вступительная статья «Поджечь этот город...» К.Булычева.

Там же — под заглавием «Я хотел послушать, как ругается извозчик: Из воспоминаний современников» мемуарные отрывки об А.Грине.

Там же — под заглавием «Неизвестный поэт» два стихотворения А.Грина: «Письмо литератора Харитонову к дяде в Тамбов: (Отрывок)» («Биржевые ведомости», май 1915 г.) и «Реквием: (Отрывок)» («Новый Сатирикон», 1918, №2); публикация Б.Мягкова.

Там же — статья А.Люсого «Корабль, дом, мир» о Доме-музее А.Грина в Феодосии.

Все материалы об А.Грине в этом номере публикуются под заглавием «Миры Александра Грина»; подготовлены М.Сетюковой и Е.Толпегинной.

Вечерний Петербург:

В №79 — под заглавием «И мир становится телесней...» пять стихотворений В.Л.Андреева (1902 — 1976): «Был вырезан глубокий шрам...»; «Трамвай» (1933); «Осень» (1966); «Волго-Балтийский канал»; «Зеленый мох» (1966); вступительная статья С.Ивановой.

В №85 — две рецензии на спектакль «Петербург» по роману Андрея Белого в Петербургском Формальном театре (режиссер А.Могучий): «В ледяном пространстве» О.Рыбалко и «“Петербург” с видом на Исаакиевскую» Л.Попова.

Вечерняя Москва:

В №76 — заметка С.Земляного «О том, что останется», в частности, о презентации книги: Пастернак Б. Второе рождение; Письма к З.Н.Пастернак. — Пастернак З.Н. Воспоминания. М., 1993.

Гласность:

В №14 — под заглавием «Через головы поэтов и правительств» печатается интервью О.Шибалиной с директором Государственного музея В.В.Маяковского С.Стрижневой.

В №16 — отрывок из стихотворения В.Маяковского «Разговор с товарищем Лениным».

24:

В №24 — заметка А.Егорунина «Многоликий Горький» о научной конференции «Наследие Максима Горького в контексте времени» в ИМЛИ РАН.

В №27 — статья О.Земляковой «Иду — красивый, двадцатидвухлетний...» (о гибели В.Маяковского).

День:

В №15 — рассказ Г.Гребенщикова «По дороге в пресветлый рай»; предисловие В.Цыбина.

В №16 — статья С.Есина «На Горьковских чтениях» (в Нижнем Новгороде, 1993 г.)

Домашнее чтение:

В №12 — впервые в России печатается рассказ К.Коровина «Пасхальная ночь» (1937); публикация И.Хабарова.

Там же — рассказ Е.Чирикова «Пасха» (Последние известия. Ревель, 1921. 15 мая); публикация О.Фигурновой.

Там же — рассказ А.Ладинского «Разноцветная скорлупа» (Последние новости. 1929. 12 мая); публикация И.Хабарова.

Там же — стихотворения С.Есенина «Пасхальный благовест», В.Набокова «Пасха», К.Бальмонта «Вербь» и К.Фофанова «Под напев молитв пасхальных...»

Там же — впервые в России печатается рассказ А.Куприна «Московская пасха» (Старый Нарвский листок. 1927. №45); публикация О.Фигурновой.

Там же — впервые в России печатается рассказ Саши Черного «Пасхальный визит» (по изданию: Саша Черный. Румяная книжка. Белград, 1929); предисловие и публикация В.Приходько.

Там же — анонимная заметка «Юбилей философа» к 110-летию со дня рождения И.А.Ильина.

В №13 — впервые в России публикуются главы из книги В.Никифорова-Волгина «Земля-именинница» (1937-1938 гг., издана в Таллинне); предисловие О.Фигурновой.

Домострой:

В №15 — стихотворение Василия Иванова «Светлый праздник» (из «Московских ведомостей», 1910, 17 апреля).

Известия:

В №67 — статья К.Кедрова «Самоубийство Маяковскому могли внушить...»

В №71 — под заглавием «Книга судеб: К выходу книги писем и воспоминаний Бориса и Зинаиды

Пастернак» рецензия А.Золотова на книгу: Пастернак Б. Второе рождение; Письма к З.Н.Пастернак. — Пастернак З.Н. Воспоминания. М., 1993.

В №78 — статья В.Баранова «Сталин против Маяковского: Поединок, которого не было», полемицирующая со статьей К.Кедрова в №67 «Известий».

Книжное обозрение:

В №14 — рецензия А.Шахматова «Доброта спасет людей» на журнал «Мир Паустовского» (1992. №1).

Там же — заметка М.Антонова «Русский “Путь”: Возвращение» о репринтном переиздании первого номера журнала «Путь», вышедшего в Париже в 1925-1940 гг. под редакцией Н.А.Бердяева; издательство «Информ-Прогресс» совместно с журналом «Москва» планируют осуществить полное переиздание журнала.

В №16 — под заглавием «Не нужен Лосскому лоск» рецензия П.Шалимова на книгу: Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991.

Там же — под заглавием «Ренэ Герра защищает Россию. От нас?» рецензия Т.Блажной на книгу: «Жаль русский народ...»: Переписка Ренэ Герра с деятелями советской культуры. М., 1992.

В №18 — «реплика» В.Глоцера «Амбиции халтурщика» по поводу публикации произведений Д.Хармса в журнале «Русский курьер», 1993, №1.

Коммерсантъ-Daily:

В №64 и 65 — под заглавиями «Самиздат помог сохраниться независимой литературе» и «Олег Калугин опубликует “дело Анны Ахматовой”» печатаются отчеты В.Журавлева, Ф.Павлова-Андреевича и Е.Парамоновой о российско-немецком семинаре «Органы безопасности и литература» (в частности, о выступлении О.Калугина, зачитавшего фрагменты из «дела» А.Ахматовой); подробнее см. в отчете А.Д.Александрова в №5 «DV».

Крестьянские ведомости:

В №14 — рассказ Л.Андреева «Баргамот и Гараська» (1898).

Культура:

В №16 — анонимная заметка об издании в России книги Н.Струве «Осип Манделштам» (Томск, 1992).

Там же — рецензия Т.Минаевой «Печальный ангел» на спектакль Театра им. Моссовета «Желтый ангел» по произведениям Н.Тэффи и А.Аверченко (режиссер А.Житинкин).

В №17 — рецензия И.Семиреченского «Вечная драма несовпадения» на фильм «Желание любви» (режиссер В.Георгиев; по повести А.Куприна «Впотьмах»).

Куранты:

В №68 — заметка А.Карпычева «Возвращение в Россию» к 110-летию со дня рождения И.А.Ильина.

В №82 — под заглавием «Штрихи к трагедии поэта» печатаются фрагменты уголовных дел на С.Есенина 1923-1924 гг. и письмо Х.Г.Раковского Ф.Э.Дзержинскому (от 25 октября 1925 г.) с просьбой «образумить поэта» и «поседействовать его лечению»; предисловие Евг. Беня. Здесь же воспроизводится портрет С.Есенина работы Б.Григорьева (1923).

ЛГ-Досье:

В №4 — под заглавием «Айседора и Сергей» публикуются фрагменты из книги И.Дункан и А.Р.Макдугалла «Русские дни Айседоры Дункан и ее последние годы во Франции», посвященные отношениям Дункан и Есенина (перевод с английского Г.Лахути).

Литературная газета:

В №14 — анонимная заметка «Горький сто лет спустя» о научной конференции в ИМЛИ РАН, посвященной 125-летию со дня рождения писателя.

Там же — рецензия Е.Михенчевой «Необыкновенные приключения бомбиста Алексея» на фильм «Высшая истина бомбиста Алексея» (сценарий Д.Костроменко, режиссер В.Костроменко; по мотивам повести Л.Андреева «Тьма»).

В №15 — заметка Н.Ивановой-Гладильщиковой о презентации книги: Пастернак Б. Второе рождение; Письма к З.Н.Пастернак. — Пастернак З.Н. Воспоминания. М., 1993.

В №16 — рецензия А.Зотикова на первые три номера «De Visu».

В №17 — статья П.Басинского «Странный Горький» к 125-летию со дня рождения писателя.

Литературная Россия:

В №13 — статья А.Гульги «Я живу только для России» к 110-летию со дня рождения И.Ильина.

В №14 — анонимная заметка «Глашатай русской идеи» о научно-теоретической конференции в ИМЛИ РАН, посвященной 110-летию со дня рождения И.Ильина.

В №15 — впервые полностью публикуется стихотворение С.Есенина «Поэт» (1912); предисловие Н.Есениной «Неизвестные строки Есенина».

В №16 — рецензия Л.Анисова «Акафист убиенным» на книгу: Солнцева Н. Китежский павлин. М., 1992.

В №17 — под заглавием «Промельки» воспоминания М.Шаповалова о Р.Ивнeve и В.Василенко.

Литературные новости:

В №30/31 — под заглавием «Стоп-кадры» отрывки из воспоминаний Б.Галанова «Такая долгая — короткая жизнь» (в том числе — о встречах с Ю.Олешей и А.Фадеевым в послевоенные годы).

Московская правда:

В №69 — статья А.Папушина «Иван Ильин: Чужой среди своих» (к 110-летию со дня рождения философа).

В №77 — рецензия Л.Фоминой «Быть женщиной — великий шаг» на книгу: Пастернака Б. Второе рождение; Письма к З.Н.Пастернак. — Пастернак З.Н. Воспоминания. М., 1993.

В №79 — под заглавием «Несостоявшийся театральный роман» интервью Т.Сергеевой с композитором М.Минковым по поводу несостоявшейся постановки в Театре им. Моссовета его оперы «Белая гвардия» по одноименному роману и пьесе «Дни Турбиных» М.Булгакова.

Московские ведомости:

В №5-8 — продолжение публикации воспоминаний В.Шаламова «Осколки двадцатых годов» (начало в №3) о литературной жизни Москвы 1920-х гг.

В №7 — воспоминания Е.Величко «Три дня горел архив Рерихов» (о гибели в 1953 г. части архива художника).

В №8 — рассказ А.Аверченко «Советы начинающим полководцам: (Как выигрывают войны)».

Московские новости:

В №15 — рецензия А.Смелянского «Шестнадцатый соавтор» на премьеру в Театре им. Моссовета пьесы «Белая гвардия» (по «Дням Турбиных» М.Булгакова; режиссер П.Хомский).

В №17 — заметка О.Мартыненко «Разгадка жизни» о презентации книги: Пастернак Б. Второе рождение; Письма к З.Н.Пастернак. — Пастернак З.Н. Воспоминания. М., 1993.

Там же — статья А.Смелянского «Истребители» о причинах снятия с репертуара в 1929 г. «Дней Турбиных» М.Булгакова; в статье приводится письмо А.Луначарского к Сталину от 2 февраля 1929 г.

Московский комсомолец:

В №71 — анонимная заметка «Борис Пастернак: «Ты и я одно»» о презентации книги: Пастернак Б. Второе рождение; Письма к З.Н.Пастернак. — Пастернак З.Н. Воспоминания. М., 1993.

Там же — статья С.Мнацаканяна «Мозг Маяковского» к годовщине гибели поэта.

В №75 — подборка материалов из фондов РГАЛИ: рассказ Тэффи «Из «Фиолетовой тетради»»; рассказ А.Аверченко «Буль-де-неж»; стихотворения Б.Савицкого «Подойди к закрытой двери...» (1917) и «Если вскрыется твоя печаль...» (1918); стихотворения Н.Гумилева «Был праздник веселый и шумный...» и «Разговор» (1900-е гг.); предисловие Н.Дардыкиной.

Народная газета:

В №65 — заметка А.Коновалова о премьеры спектакля по пьесе Н.Эрдмана «Самоубийца» в Народном драматическом театре-спутнике МХАТ (Орехово-Зуево; режиссер Г.А.Каретников).

В №79 — статья А.Коновалова «Актриса и фабрикант» к 125-летию со дня рождения М.Ф.Андреевой (в частности, об истории ее знакомства с М.Горьким).

Невское время:

В №60 — заметка Е.Большелаповой «Виктор Шкловский — последний дуэлянт столетия» о вечере воспоминаний из цикла «Былое и думы», посвященном В.Шкловскому; выступили, в частности, В.Г.Адмони, М.Л.Полонский, С.М.Слонимский.

В №75 — заметка И.Озерской «Гений сомнений» о презентации книг, вышедших в качестве приложения к альманаху «Петрополь» (в том числе — сборника стихотворений Ч.Оцуна).

В №78 — заметка В.Максимова «Возвращение души» об экспозиции, посвященной истории дома и семьи Набоковых, о генеалогической конференции «В.Набоков в родственном окружении» и о первых Набоковских чтениях в Петербурге.

В №79 — статья Т.Гориной «Жилец “Дома искусств”» об А.Л.Волыньском (к 130-летию со дня рождения).

Там же — рецензия Я.Гордина «Журнал “Звезда”»: Все о Цветаевой» на №10 журнала за 1992 г., посвященный М.Цветаевой.

Независимая газета:

В №61 — рецензия И.Егоровой на сборник «Русская идея» (М., 1992), включивший в себя работы В.Соловьева, Е.Трубецкого, Л.Карсавина, Г.Федотова, И.Ильина и др.

В №62 — под заглавием «...Помирай агитационной!» отрывок из романа Д.Фурманова «Мятеж».

В №63 — под заглавием «“Какая такая эта ‘марксистская’ прическа...”: Советская литература глазами русского эмигранта» фрагменты «Откликов» Г.Адамовича (из парижского еженедельника «Звено» за 1926-1927 гг.); предисловие С.Федякина.

В №67 — два отклика на статью К.Икрамова «Трагедия затянутого стыда» о «Мастере и Маргарите» М.Булгакова («НТ» от 3 марта 1993 г.): С.Кайдан «Об Иуде Искариоте и Попугае Пилате» и А.Вяльцева «Сумерки переоценки».

В №69 — эссе В.Маканина «Соблазн» (о «обольщении» В.Маяковского и Б.Пастернака революцией).

Там же — рецензия О.М. «Новое о классике» на книгу «Марина Цветаева в Москве: Путь к гибели» (М., 1992) и второй выпуск альманаха «Болшево» (М., 1992), посвященный пребыванию М.Цветаевой и ее семье в Болшеве.

В №72 — заметка О.М. о новых книгах, в частности, о книге Н.Оцуна «Океан времени» (СПб., Дюссельдорф, 1993) и сборнике «Венок советам» (Петрозаводск, 1993), включившем в себя произведения К.Бальмонта, Г.Ширмана, Н.Крандиевской-Толстой и др.

В №73 — под заглавием «Путь к последней простоте: Четыре фрагмента» публикуются эссе Н.М.Бахтина (1894-1950) из мартовского номера «Звена» за 1928 г.: «Мудрость осознания», «Отказ от безмерности», «Форма как ступень обреченности», «Сожжение и балзамирование трупов»; предисловие С.Федякина.

В №76 — под заглавием «Прозовестия И.А.Ильина» рецензия П.Г. на книгу: Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993.

В №78 — статья В.Божовича «Мы, нищие богачи...» о московском кинофестивале «Вторая премьера» (в частности, о кинофильме режиссера Е.Цимбала «Повесть непогашенной луны» по повести Б.Пильняка).

Патриот:

В №13 — статья Е.Подкиной «Горький» к 125-летию со дня рождения писателя.

Подмосковные известия:

В №65 — рассказ К.Коровина «Московская весна» (1934).

В №70 — под заглавием «Мыслитель, шагающий сквозь тьму» к 110-летию со дня рождения И.Ильина печатается его статья «О расчленителях России» (из

книги: Ильин И. Наши задачи. В 2-х томах. Изд-во «Рарог», 1992); предисловие О.Уваровой.

В №74 — заметка Т.Дюдиной «Его ценит Лев Толстой» о праздновании в Шаховском районе 125-летия со дня рождения С.Семенова.

Подмосковье:

В №15 — в сокращении публикуется статья О.Грузенберга «О Максиме Горьком» (впервые напечатана в 1936 г.).

В №17 — под заглавием «Александр Брянский: “Я не только ленинец, но и троцкист”» интервью Э.Крымова с поэтом А.Брянским (в частности, о встречах с В.Маяковским с 1913 г.)

Российские вести:

В №69 — под заглавием «“Он сказал мне с глаза на глаз”: К истории издания “Доктора Живаго”» печатаются воспоминания В.Страды о встречах с Б.Пастернаком.

Там же — под заглавием «Молодой Бердяев и жандармы» публикуется объяснительная записка Н.Бердяева директору Департамента полиции (1898 г.); публикация и предисловие Г.Ефимова.

Россия:

В №15 — отрывок из очерка А.В.Амфитеатрова «Золотой век “алексеевского террора”» (о московском городском голове Н.А.Алексееве); публикация Л.Смирновой.

Русская мысль (Париж):

В №3973 — неопубликованные стихотворения Лидии Литта (в замужестве Бердяевой) 1912-1945 гг.; предисловие «Лидия Литта и ее поэзия» А.Вадимова.

Там же — начало публикации «Фрагмента воспоминаний» М.Юдиной; подготовлено А.М.Кузнецовым.

Там же — статья Ив.Толстого «Русская литература — de visu», посвященная «нулевому» номеру «De Visu» за 1992 г.

В №3974 — продолжение публикации «Фрагмента воспоминаний» М.Юдиной; подготовлено А.Кузнецовым.

Там же — статья Ив.Толстого «Новое литературное обозрение: Профессионалы в действии, или Отрицание отрицания», посвященная выходу первого номера «НЛО» за 1992 г.; в частности, речь идет о материалах М.Цветаевой.

В №3975 — под заглавием «Три неизвестных письма Владимира Соловьева к Софии Михайловне Мартыновой» публикуются письма 1892 г., ранее известные лишь в извлечениях; предисловие, публикация и примечания И.Г.Вишневецкого. В приложении печатаются фрагменты воспоминаний Е.И.Боратынской (урожд. Тимирязевой) о В.Соловьеве.

Там же — рецензия М.Князева на книгу: Струве Н. Православие и культура. М., 1992.

В №3976 — статья Е.Дмитриевой «Русские философы о любви», посвященная книге «Русский Эрос, или Философия любви в России» (М., 1991);

в книгу вошли тексты Н.Бердяева, В.Розанова, Д.Мережковского, З.Гиппиус, В.Ходасевича и др.

Санкт-Петербургские ведомости:

В №80 — под заглавием «Им нужна слабая Россия» печатаются статьи И.Ильина «О расчленителях России» и А.Билимовича. «Памяти ушедшего друга» (впервые — в газете «Крестовый поход во имя Правды», Лос-Анджелес, 27 января 1955 г.); публикация Д.Цыганкова.

В №90 — заметка М.Горской «Какой там дом знакомый есть...» об экспозиции, открытой в доме Набоковых (ул. Герцена, 47).

Сегодня:

В №10 — статья М.Хемлин «Не-сны о родине. Далекой» о спектакле Театра им. Моссовета «Желтый ангел» по произведениям Тэффи, А.Аверченко, А.Вертинского (режиссер И.Житинкин).

В №11 — статья М.Хемлин «Друзья, люблю я Ленинские горы» о спектакле Театра им. Маяковского по пьесе Л.Андреева «Дни нашей жизни» (режиссер Ю.Иоффе).

Семья:

В №16 — статья А.Петрова «Кому отдать гранатовый браслет?» о семейной жизни А.Куприна.

Труд:

В №74/75 — заметки «Веселый напор жизни» Р.Киреева об И.Бунине.

В №98/99 — статья Г.Сазонова «Без третьего шанса: Как Питирим Сорокин играл в кошки-мышки с большевиками» (о пребывании П.Сорокина в Северо-Двинской губернии в 1918 г. и его аресте).

Учительская газета:

В №17 — рецензия И.Шулинского на книгу: Осоргин М. Вольный каменщик. М., 1992.

Там же — статья И.Бражникова «Экстаз от словосочетаний» о Д.С.Мережковском.

Там же — статья Б.Волкова «Свет во тьме» о С.Л.Франке.

В №18 — заметка Н.Савельевой «Дом — будто юности моей день...» о музее М.Цветаевой в 133-й московской школе.

Экран и сцена:

В №12 — рецензия А.Фуртичевой на фильм о В.Хлебникове «Путешествие с двойником» (режиссер Е.Саканян).

В №13 — рецензия Ю.Фридштейна «Нет ни страны, ни тех, кто жил в стране...» на спектакль Театра им. Моссовета «Желтый ангел» по произведениям А.Аверченко и Тэффи (режиссер А.Житинкин).

Эмиграция:

В №15 — под заглавием «Зиновьев» публикуется записанный Р.Гулем рассказ А.Д.Нагловского о Г.Е.Зиновьеве, которого мемуарист знал по совместной работе (из книги Р.Гуля «Я унес Россию»); вступительная статья и публикация В.Лаврова.

КОРРЕКТУРЫ И РУКОПИСИ

О ситуации, сложившейся в книгоиздании сегодня, писалось и говорилось уже немало. Тотальная коммерциализация привела к тому, что издатели не решаются выпускать книги Андрея Белого, Ходасевича, Кузмина, Платонова, Сологуба и др., боясь, что они будут убыточными. Не будем говорить об историко-литературных и литературно-критических работах. Десятки (если не сотни) книг, уже подготовленных к печати и доведенных до корректуры, осели мертвым грузом в издательствах или у авторов и составителей. «DV» собирается подробно информировать о такого рода «изданиях», связанных с областью его интересов. Возможно, наши «брачные объявления» помогут найти книгам своих издателей.

Редакция «DV» просит своих читателей и издательских работников информировать о книгах, оказавшихся в сходной ситуации.

Издательство «Художественная литература»: Пяст Вл. Встречи / Вступ. ст. Вяч. Вс. Иванова; Подгот. текста и примеч. Р.Д.Тименчика. (Серия «Забятая книга»)

Наследие Владимира Пяста (В.А.Пестовского, 1886-1940) нуждается в собирании и заслуживает изучения не меньше, чем творчество его именитых современников. И прежде всего это касается Пяста-мемуариста, автора книги «Встречи», впервые вышедшей в 1929 г. в Москве в издательстве «Федерация». Эта книга и сегодня, после публикации целого ряда мемуарных произведений об эпохе «серебряного века», не теряет своего историко-культурного значения. Хотя в свое время «Встречи» всех тех, кто в большей или меньшей степени принимал участие в становлении и развитии русского модернизма, разочаровали — от Андрея Белого, считавшего воспоминания Пяста бестактными и поверхностными, до младшего современника мемуариста, блистательного знатока символизма Дмитрия Усова, писавшего Б.А.Садовскому, что «Встречи» — «витиеваты, претенциозны и как-то нахальны». Но черты, которые раздражали современников, сегодня в книге Пяста привлекают. Внимание к сугубым мелочам поэтического быта, к эксцентричным и периферийным фигурам, к случайным разговорам и идеям-однодневкам, к проходным каламбурам и стиховым экспромтам да еще сумбурно-вдохновенная фразеологическая вязь, дающая косвенное представление о характере петербургских разговоров предреволюционной поры, — все эти золотые крупницы исторической прозы для наблюдателя из-за реки беспамьятства едва ли не дороже развернутых академических концепций (по тексту Р.Д.Тименчика изложено Н.Г.)

Общий объем книги — 20 авт. л. Издание снабжено развернутым комментарием (7 авт. л.), являющимся своеобразной «энциклопедией» поэтического Петрограда 1900-1910-х гг. Текст уточнен по экземпляру книги, сохранившему авторскую правку (подарен в 1929 г. автором своему душеприказчику С.И.Бернштейну).

Рукопись была доведена до пленок.

Издательство «Художественная литература»: Переписка К.А.Федина. В 2-х т. / Сост., примеч. Н.К.Фединой и А.Н.Старкова.

В книгу вошли триста двадцать шесть писем К.А.Федина и двести девяносто пять писем почти ста

его корреспондентов — видных деятелей литературы и искусства 1920-х — 1970-х гг. Среди них — М.Горький, Р.Роллан, В.В.Иванов, Б.Л.Пастернак, Е.И.Замятин, А.М.Ремизов, В.Э.Мейерхольд, О.Д.Форш, А.Н.Толстой, Ю.А.Шапорин, М.С.Шагинян, С.Цвейг, М.М.Зощенко, М.Л.Слонимский, К.И.Чуковский, А.Т.Твардовский, К.Г.Паустовский, М.М.Пришвин, К.М.Симонов, В.А.Фаворский, А.А.Фадеев, Н.В.Кузьмин, В.Б.Шкловский, А.Зегерс и др. Они представлены в двухтомнике далеко не на равных: порой более чем десятком писем (И.С.Соколов-Микитов, М.Горький, М.Л.Слонимский, Н.Н.Никитин), чаще — тремя-пятью, иногда — одним. Но уже само то, что авторами этих писем являются подчас весьма далеко расходившиеся во взглядах на жизнь и на задачи и цели литературы и искусства люди, тяготевшие нередко к далеко отстоявшим друг от друга литературным группам и журналам, служит своего рода гарантией многообразия мнений и отличных друг от друга подходов к решению самых разных вопросов.

Внутри переписки с известной долей условности могут быть вычленены несколько групп писем. Первую составляет переписка Федина с родными и близкими. Именно в этих письмах писатель делится самыми сокровенными мыслями, подробно пишет о планах на будущее, об отношениях с коллегами, с издательствами и журналами, о личной и семейной жизни. Подробные, очень искренние письма к сестре — А.А.Россохиной, к жене, к И.С.Соколову-Микитову, М.А.Сергееву, режиссеру-педагогу ГИТИС В.И.Мартыановой позволяют во многом по-новому проследить конкретную работу над рядом произведений (нередко с момента рождения замысла и до выхода в свет).

Другую группу писем образует переписка Федина с М.Горьким и с «серапионами» Л.Н.Лунцем, И.А.Груздевым, М.М.Зощенко, В.В.Ивановым, М.Л.Слонимским, Н.Н.Никитиным, Н.С.Тихоновым, а также с близкими «серапионам» К.И.Чуковским, Е.И.Замятиным, В.Б.Шкловским.

Со второй половины 1920-х гг., а еще более заметно в 1930-1940-е гг. круг постоянных корреспондентов Федина расширяется за счет писателей-ленинградцев, в первую очередь москвичей, а также — после поездок в 1928, 1931-1932 и 1934 гг. за границу — ряда писателей Западной Европы. Это время нашло отражение в переписке Федина с

Б.Л.Пастернаком, Б.Пильняком, С.Цвейгом, А.Я.Тайровым, В.Я.Шишковым, К.Г.Паустовским и др.

Еще одну большую группу составляют письма литературоведов и критиков (прежде всего исследователей творчества писателя — Б.Я.Брайниной, В.В.Смирновой, П.А.Бугаенко, В.Дювеля и др.) и ответы Федина на многочисленные вопросы, касающиеся его жизненной и творческой биографии.

Наконец, особо следует сказать о письмах молодых литераторов к Федину и фединских ответах на них. Таких писем немного. Объясняется это тем, что составители, вводя, наряду с известными, также и отдельные имена «молодых», стремились все же представить фигуры, получившие позже хоть какую-то известность во всесоюзном масштабе. Среди такого рода корреспондентов — В.М.Шукшин и Ю.В.Трифонов.

В постоянном движении, в борьбе за свои идеалы, а подчас и в борьбе с самими собой предстают и Федин, и его многочисленные оппоненты. И за их письмами, многие из которых справедливо могут быть названы блестящими образцами эпистолярного жанра, встает эпоха, которой Федин и его корреспонденты принадлежат.

Объем т. 1 — 37 печ. л., т. 2 — 36 л. Двухтомник был подписан в печать, но так и остался в пленках.

Издательство «Прогресс-Литера»: Голенищев-Кутузов И.Н. XX век и предшествующие: Парижские эссе / Сост., вступит. ст. и примеч. И.В.Голенищевой-Кутузовой.

Ученый, поэт и писатель Илья Николаевич Голенищев-Кутузов (1904-1969) получил мировое признание своими трудами по истории литератур Западной и Восточной Европы. Все его книги (издавались на французском, итальянском, польском, сербхорватском и русском языках) собирали обширную прессу — от Новой Зеландии до США — и становились научными «бестселлерами».

В 1920-1955 гг. И.Н.Голенищев-Кутузов жил в Болгарии, Югославии, Франции, Италии, Венгрии. В 1920-1930-е гг. был одним из наиболее популярных журналистов русского Зарубежья, печатался в парижских газетах «Россия и славянство» и «Возрождение», в «Современных записках» и «Числах», а также в белградской газете «Воля России» и журнале югославской интеллигенции «Српски книжевни гласник».

Разносторонние познания, легкое перо, независимость суждений, раскованность мысли и стиля

обеспечивали его еженедельным газетным «подвалам» успех в широкой аудитории, среди самых разных слоев российской диаспоры. Эссеистика Голенищев-Кутузова, несомненно, и сегодня представляет интерес для читателя: как правило, она имеет занимательный сюжет, информативно насыщена и основана на доброкачественных научных и литературных источниках, сохраняющих и ныне свою историческую и культурную значимость.

В совокупности подготовленная к печати книга охватывает почти два тысячелетия европейской христианской цивилизации: философскую и религиозную мысль, литературы, музыку, театр.

Среди героев книги — император Константин Великий, Людовик XVIII, шведская королева Христиана, Фуше, король Югославии Александр, Муссолини, Вийон, Паскаль, Рабле, Сервантес, Гете, Рудольф Штейнер, Рильке, Лоуренс, Хаксли, Монтерлан, сербский королевич, тайком бежавший из отчего дома к монахам Афона — святой Савва, Владимир Соловьев и его друзья-католики на Балканах — епископ Штрессмайер и «хорватский Ломоносов» Франьо Рачки, всемирно известный польский композитор Роговский и граф Войнович — близкие друзья автора. В раздел «Страницы русской истории и литературы» вошли статьи, основанные на малоизвестных иностранных источниках, о романе императрицы Екатерины Великой и польского короля Понятовского, гибели Петра III и походе Наполеона на Москву. Русская литература в ее обоих потоках представлена такими именами, как Вяч.Иванов, А.Ремизов, Тэффи, И.Лукаш, А.Ладинский, А.Несмелов, Б.Поплавский, М.Волошин, Е.Замятин, Н.Гумилев, Д.Мережковский, А.Штейгер, Е.Аничков, М.Зощенко, М.Шолохов, М.Горький; некоторые статьи посвящены журналам русского зарубежья, в частности, «Современным запискам» и «Утверждениям» (Харбин). Статьи, вошедшие в книгу, никогда не перепечатывались и не собирались воедино; большей частью, они не учтены и в существующих библиографиях русского Зарубежья.

Собранная в результате многолетних разысканий книга Голенищев-Кутузова открывает новые страницы той культурно-просветительской деятельности, которую вела русская интеллигенция после революции за пределами своей страны. Общий объем рукописи — 30 авт.л.

И.К.

Научные чтения памяти П.Г.Богатырева

28 января 1993 г., Воронеж

На филологическом факультете Воронежского университета прошла научная конференция, приуроченная к 100-летию со дня рождения Петра Григорьевича Богатырева (1893-1971), выдающегося слависта, этнографа, фольклориста, переводчика, некоторое время работавшего в Воронеже.

В период так называемой борьбы с космополитизмом П.Г.Богатырева изгнали из Института этнографии АН и из Московского университета. Именно тогда он оказался в Воронеже, где и проработал профессором университета с 1952 по 1959 г. Это были для него годы довольно интенсивной и продуктивной научной деятельности. Привязанность к Воронежу и его людям исследователь сохранил до конца своих дней...

Вступительное слово на Богатыревской конференции должен был произнести фольклорист С.Г.Лазутин (Воронеж), пригласивший в свое время П.Г.Богатырева в Воронеж. Однако по болезни он выступить не смог, и чтения открыл Г.Ф.Ковалев (Воронеж). Он осветил главные вехи жизненного и творческого пути П.Г.Богатырева, остановившись подробнее на его занятиях славистикой.

Академик Н.И.Толстой (Москва), помимо своей основной темы («Географическая этнография»), рассказал об участии П.Г.Богатырева в деятельности Московского и Пражского лингвистических кружков, о дружбе и взаимосотрудничестве его и Р.О.Якобсона.

А.Б.Ботникова (Воронеж), известная специалистка в области германистики, поделилась своими воспоминаниями о встречах с П.Г.Богатыревым, раскрыв, сколь благотворно было духовно-нравствен-

ное влияние П.Г.Богатырева на его воронежское окружение; ее выступление так и называлось — «Уроки П.Г.Богатырева».

Неутомимая собирательская работа П.Г.Богатырева в общественных и частных архивах Восточной Европы, в результате которой были отысканы и возвращены на родину многие уникальные документы отечественной культуры, стала предметом рассказа О.Г.Ласунского (Воронеж). Особое внимание он уделил связям П.Г.Богатырева с хорватским славистом Йосипом Бадаличем (Загреб).

На конференции была развернута большая выставка из книжного собрания, принадлежавшего прежде П.Г.Богатыреву и поступившего после его смерти в фонды университетской библиотеки. Судьбе этих изданий было посвящено выступление заведующей Отделом редких и ценных книг и рукописей Научной библиотеки ВГУ Н.М.Федосовой.

Участники конференции, отдавая посильную дань разнообразию творческих интересов ученого, в своих докладах обратились к рассмотрению тех проблем и научных направлений, к которым П.Г.Богатырев никогда не оставался равнодушным. «Фольклорные мотивы в поэме А.Т.Твардовского «Страна Муравия» (В.М.Акаткин, Воронеж), «А.П.Чехов и фольклор» (Т.Ф.Пухова, Воронеж), «Языковой фольклоризм в творчестве А.Ахматовой и О.Мандельштама» (Е.Е.Топильская, Воронеж) — эти и другие темы прозвучали в честь исследователя и человека, оставившего неизгладимый след в памяти воронежских филологов.

А.Гинк

«Династия Романовых, Россия, русская культура»

11-13 мая 1993 г., Москва

Эта конференция, посвященная 380-летию основания Дома Романовых, 125-летию со дня рождения Государя Императора Николая II и 75-летию со дня его мученической кончины, была организована ИМЛИ РАН, Институтом российской истории РАН и Московским Дворянским собранием и прошла в здании ИМЛИ на ул. Поварской (бывш. Воровского), д.25а.

Тематический и хронологический спектр докладов охватывал несколько веков и широкую историко-культурную проблематику. Значительная часть

сообщений была связана с XX веком, в том числе — и с литературой, искусством, философией этого времени.

Духовный смысл русской монархии осветил во своем вступительном слове игумен Андроник Трубачев (Москва). Постигание образа Государя Императора Николая II в контексте XX века было рассмотрено А.Н.Бохановым (Москва) как своего рода долг русской культуры. Новые материалы о Вел. Кн. Елизавете Федоровне и Марфо-Мариинской обители в Москве представила Л.Б.Максимова (Москва). Д.И.Исмаил-Заде (Москва) рассказала о вкладе в отечественную культуру видного русского историка Вел. Кн. Николая Михайловича. Деятельности Императорского Православного Палестинского общества,

ныне возобновленного, посвятил свое выступление Н.Н.Лисовой (Москва).

Слово об эстетических интересах европейских (в том числе — и русских) монархов произнес А.В.Михайлов (Москва). Неожиданно продолжило эту тему сообщение В.Л.Махнача (Москва) о роли Николая II в формировании культуры модерна в России (речь шла о создании Феодоровского Государева Собора в Царском Селе). Представление о духовной атмосфере эпохи было конкретизировано и дополнено В.А.Вдовинным (Москва), который охарактеризовал деятельность Общества возрождения художественной Руси (1915–1917). Материалы русской культуры в фондах Романовых Одела письменных источников Исторического музея стали предметом обзоров М.В.Фалалеевой (Москва) и Н.Б.Стрижевой (Москва). Генеалогические и культурно-исторические европейские связи Российского Императорского Дома проследил С.А.Сапожников (Москва), проиллюстрировавший свой доклад развернутой схемой династического древа и портретами.

Своеобразным прологом к историсофской проблематике начала нынешнего столетия явились сообщения Н.В.Котрелева (Москва) «Вл.Соловьев и царубийство 1-го марта», В.А.Твардовской (Москва) «Эпоха Александра III и XX век», С.Г.Семеновы (Москва) «Идея самодержавия в философии Н.Федорова». Естественно было вслед за этими выступлениями услышать доклад В.Г.Сукача (Москва) «Русская монархия в восприятии В.В.Розанова», в котором

была подробно рассмотрена эволюция взглядов русского мыслителя на роль и значение династии Романовых и российского самодержавия. Затем прозвучало сообщение Ю.И.Сохрякова (Москва) «И.А.Ильин о русской идее», в котором было рассмотрено и отношение философа к монархии. При всем различии позиций исследователей их выступления отличались объективностью и конкретностью.

В.И.Сахаров (Москва) в докладе «Образ Императора Николая II в творчестве М.А.Булгакова» обратил внимание на малоизвестные страницы прозы русского писателя, глубоко пережившего трагическую судьбу последнего российского государя. Публицистическое выступление П.Г.Паламарчука (Москва) «Николай II в “Красном колесе” А.И.Солженицына» стало поводом для страстного заявления своего «верую». В «брежневскую» эпоху перенесло участников конференции сообщение Н.В.Королевой (Москва), напомнившей о своем когда-то нашумевшем стихотворении, в котором было выражено сочувствие Царской Семье (журнал «Аврора», который его напечатал в №11 за 1976 г., тогда был едва не закрыт).

По завершении работы конференции в Большом зале ЦДЛ состоялась вечер памяти Николая II под председательством В.А.Солоухина. Целью его — как и целью прошедшей конференции — была попытка осознания значимости культурного феномена Дома Романовых в судьбе России.

С.С.Лесневский

«Scribantur haec...

Проблема автора и авторства в истории культуры»

12-15 мая 1993 г., Москва

Организаторами этой научной конференции, прошедшей в помещении Российского государственного гуманитарного университета на улице Чаюнова, выступили РГГУ, Институт высших гуманитарных исследований при РГГУ и Институт всеобщей истории РАН. Как и полагается научной конференции, названной по латыни, ученое собрание специалистов ИВГИ и их гостей вело дискуссию на материале литератур и культур разных веков и народов — от Древней Греции и Индии до современной России. Нашлось, конечно, место и проблематике русского «серебряного века», с которой в той или иной степени были связаны семь докладов предпоследнего дня работы конференции; он так и был озаглавлен — «Подходы к XX веку — и XX век».

Н.И.Ищук-Фадеева (Тверь) проанализировала конкретные формы выражения авторского «Я» в драматургии нового времени, взяв за точку отсчета чеховскую «Чайку».

Об индивидуальном стиле как форме выражения авторского начала в прозе 1920–1930-х гг. говорила в своем докладе В.В.Эйдинова (Екатеринбург), особо рассматривавшая русскую «литературу абсурда»; в ее

рамках было рассмотрено творчество А.Платонова, Л.Добычина, Ю.Тынянова и др. авторов.

Роль цитаты в повествовании Набокова на материале романа «Отчаяние» проанализировала в своем сообщении А.Г.Березина (Санкт-Петербург). Особое внимание она обратила на пушкинский «слой» набоковского романа (сам сюжет которого воспроизводит «Пиковую даму») и значение цитат из Достоевского, отрицательное отношение к прозе которого Набоков, впрочем, никогда не скрывал.

Художественный смысл бруссовской многоименности в сборниках «Русские символисты» раскрыл С.И.Гиндин (Москва), продемонстрировавший, насколько сложна градация вымышленных авторов и как зависит она от объема представленных в сборнике текстов, псевдонима, наличия или отсутствия у вымышленного автора мифологизированной биографии.

Два доклада были посвящены сквозным темам и мотивам в творчестве художников разных эпох, в том числе — и «серебряного века». Так, Е.Логиновская (Бухарест) проанализировала финалы «Фауста» Гете, лермонтовского «Демона» и «Мастера и Маргариты» Булгакова с точки зрения наличия в них рецидивов мистериального жанра, а О.А.Лекманов (Москва)

проследил сложный путь мотива «август, смотрящий сентябрем», введенного в русскую поэзию еще Г.Державиным (в переводе XIV-ой оды Анакреонта) и продолженного в творчестве Пушкина, Языкова, Даля, Манделштама, обыгравшего этот мотив в стихотворении «С веселым ржанием пасутся табуны...» (1915). Наконец, А.Садецкий (Квебек), сопо-

ставляя переводы трудов М.М.Бахтина на английский и французский языки, определил слово философа как в первую очередь слово писательское, с трудом поддающееся адекватному переводу.

К началу работы конференции был выпущен сборник тезисов, аннотацию на который можно будет прочитать в одном из ближайших номеров «DV».

«Свободный стих и изобразительное искусство»

15 мая 1993 г., Москва

Во второй раз в рамках традиционных уже Московских весенних фестивалей верлибра проводится конференция, посвященная проблемам истории и теории свободного стиха; на этот раз в ее работе приняли участие и искусствоведы.

Верлибр как идеальное средство передачи на современный язык поэзии прошлого представил в своем докладе М.Л.Гаспаров (Москва), проиллюстрировавший свое выступление собственными «конспективными» переводами из Верхарна и сопоставивший их с переводами русских символистов, по оценке докладчика, — безнадежно «устаревшими». Связи слова и изображения в творчестве Елены Гуро проанализировал Д.Кузьмин (Москва). Символизм М.Волошина, М.Чюрлениса и Н.Рериха сопоставил в своем докладе Т.Данильянц (Москва). К творчеству Н.Рериха и В.Кандинского обратился в своем вы-

ступлении и А.Уланов (Самара), рассмотревший «вспомогательную» роль стиха в лаборатории художников. О размывании метра в лирике Д.Бурлюка и С.Боброва и о параллельных явлениях в современной им живописи рассказал Г.Квантришвили (Самара). О.Провентьева (Санкт-Петербург) провела интересные сопоставления мотивов творчества К.Малевица и П.Мондриана, правда, никак не связав поиски в изобразительном искусстве с литературными опытами этих художников.

Большинство специалистов, выступавших на конференции, являлись в то же время и поэтами, и многое в их сообщениях носило подчеркнуто импрессионистический, если не сказать вкусовой, характер. Что, впрочем, и было особенно ценно.

Ю.Б.Орлицкий

«Русская литература в контексте развития мировой»

24-29 мая 1993 г., Москва

Инициаторами этой международной научной конференции выступили филологический факультет МГУ, ИМЛИ РАН и Международная Ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАП-РЯЛ). Высокий организационный уровень конференции был обеспечен благодаря помощи Российской Конференции Соотечественников. В течение четырех дней работы конференции было заслушано 123 доклада филологов из двадцати зарубежных стран, Украины и Белоруссии, различных городов России. Широта темы конференции позволила принять в ней участие не только специалистам в области компаративистики, но и ученым, занимающимся исследованием различных проблем развития русской литературы, в том числе — и литературы рубежа XIX—XX вв.; на их выступлениях мы и остановимся подробнее.

Конференцию открыла председатель Оргкомитета, декан филологического факультета МГУ М.Л.Ремнева. На первом пленарном заседании с докладами, представляющими проблематику конференции в целом, выступили известные русисты из России, Канады, Германии, Югославии. Различных вопросов изучения русской литературы рубежа веков и XX века коснулись К.Пономарев (Канада; «Литература XX века о человеке в тоталитарном обществе»), Р.-Д.Клюге (Германия; «А.Блок и Ф.Ницше: К

проблематике символистской поэзии»), Э.В.Переслегина (Москва; «Состояние и задачи изучения литературы русской эмиграции»).

Дальнейшая работа конференции проходила в рамках четырех секций.

Первым на заседаниях секции «Русская литература в контексте развития мировой литературы» выступил Ю.И.Сохряков (Москва), особо подчеркнувший значение русской классики для всего мира как литературы, утверждающей «начала духовности, гуманизма, соборности, единения с природой». Другую точку зрения высказал В.Б.Катаев (Москва): он говорил о том, в чем видится ему «вина русской литературы» перед страной и читателем.

Ст.Поремба (Польша), остановившись на русской литературе периода «социалистического реализма», признал этот метод «неорганичным» для великой культуры и заявил, что он был «развенчан изнутри» самими писателями. И.Заградка (Чехия), продолжая обсуждение влияния «социального эксперимента» на судьбу русской литературы, отметил, что за рубежом всегда преобладала тенденция к единому восприятию литературного процесса в России.

В ряде докладов затрагивались и конкретные аспекты восприятия и изучения творчества русских писателей в различных странах. В.А.Лазарев (Моск-

ва) затронул проблему рецепции творчества М.Горького в чешской среде в 1917-1922 гг. А.Сказа (Словения) рассказал об истории изучения творчества Ф.М.Достоевского в Словении — от первых упоминаний о писателе в 1860-е гг. до освоения его литературного наследия в последнее время.

Ф.Фламан (Франция) и Н.Станж (Бельгия) коснулись проблем, связанных с изданием произведений русской литературы на французском языке. Ф.Фламан говорила о трудностях, с которыми столкнулись французские ученые при подготовке первого Полного собрания сочинений М.А.Булгакова (в первую очередь — в научном комментировании текстов), Н.Станж — о сложности переводах А.С.Пушкина, П.И.Мельникова-Печерского, Б.Пильняка, И.Шмелева и др.

Наибольшее число участников собрала секция, посвященная взаимодействию между литературами разных стран на рубеже XIX—XX веков. Основное внимание было уделено литературе русского модернизма и авангарда. Исследователи продемонстрировали широкий спектр современных подходов к литературе — от традиционного историко-литературного метода до новейших ответвлений структурализма. Различия мнений выявились и в дискуссии, сопровождавшей работу секции.

Е.З.Цыбенко (Москва) рассказала о влиянии польской модернистской литературы на творчество В.Я.Брюсова, А.Белого, М.П.Арцыбашева и др. Взаимосвязи русского, польского и украинского символизма были прослежены Г.М.Лесной (Украина). М.В.Михайлова (Москва) проанализировала специфику восприятия западноевропейской литературы К.Д.Бальмонтом. О значении творчества М.Метерлинка для формирования символистской драмы рассказал Б.С.Бугров (Москва). Влиянию стилистики новеллы итальянского Возрождения на историческую прозу малых форм русских модернистов был посвящен доклад Т.П.Буслаковой (Москва).

Н.И.Балашов (Москва) рассказал о проекции «дионисийских» работ и переводов Эсхила Вяч.Иванова на его позднейшие исследования и о специфике его понятия апокатарсиса. Другая сторона деятельности Вяч.Иванова составила предмет доклада Ф.Мальковатти (Италия). Он проанализировал документы, относящиеся к последним годам пребывания Иванова в России.

Многообразию связей творчества М.А.Волошина с французским искусством были посвящены выступления М.Каназирской (Болгария) и В.Адамантовой (Канада).

О.Тилкес (Голландия) сосредоточила внимание на рецепции идей австрийского музыковеда Э.Ганслика в творчестве А.Белого. Влияние эстетических воззрений Ганслика, его понимания внутренних закономерностей музыки, по мнению докладчика, проявляется в особенностях построения и звуковой изобразительности «симфоний» А.Белого.

И.Мэйсинг-Делич (США), проследив в творчестве поэтов-акмеистов мотивы «перевоплощения», «возврата», «расхождения путей», настаивала на необходимости рассматривать их творчество в «мистико-астральном смысле», как «предугадывание будущих

реинкарнаций». Такая трактовка «религиозно-философского диалога» А.А.Ахматовой и Н.С.Гумилева вызвала дискуссию, так же как и доклад М.Краана (Голландия) о структуре лирической коммуникации в поздней лирике Ахматовой.

Притяжение и отталкивание в отношении Гумилева к творчеству Р.Браунинга проследила Ю.В.Бабичева (Вологда).

В докладе А.Н.Таганова (Иваново) «Марсель Пруст и русская литература» основное внимание было уделено особенностям отношения к французскому писателю М.И.Цветаевой и «прустовским мотивам» в ее прозе.

Несколько докладов было посвящено взаимосвязям творчества В.В.Маяковского с западноевропейской и славянской литературой. К.Г.Петросов (Коломна) в общих чертах проследил эволюцию восприятия творчества Маяковского во Франции, Чехии, Польше. Р.С.Спивак (Пермь) сопоставила основные мотивы поэзии Маяковского и западноевропейского экспрессионизма. М.А.Юрченко (Москва) в докладе «К проблеме эпоса и мифа в поэзии Харта Крейна и В.Маяковского» проанализировала общность в творческих судьбах художников европейского авангарда.

Ряд докладов был посвящен творчеству Б.Л.Пастернака. В.И.Фатющенко (Москва) рассмотрел стихотворение Пастернака «Август» в контексте «традиций мировой лирики». А.Ковач (Румыния), обратившись к жанровой специфике «Доктора Живаго», попытался вписать роман Пастернака в европейскую романную традицию и наметить новые параллели на жанрово-стилистическом уровне.

Вопросов, связанных с разносторонним воздействием русской литературы на творчество зарубежных писателей, коснулись Е.В.Логиновская (Румыния; «Ливию Ребряну и русская литература»), Н.А.Соловьева (Москва, «Чеховские традиции в современной английской драме»), С.Ф.Мусиенко (Белоруссия; «Значение русской литературы для творчества Марии Домбровской»).

Особый интерес вызвала и работа четвертой секции «Литература русского зарубежья». Впервые при обсуждении литературных взаимосвязей рассматривались литературная жизнь эмиграции, издательская деятельность, бытование русской литературы в иноязычной среде, вопросы двуязычия.

Т.Н.Белова (Москва) проследила общественно-литературную эволюцию «Нового журнала». А.А.Ворожбитова (Ставрополь) предприняла попытку найти критерии для определения «национальной принадлежности» русских двуязычных писателей.

Авторы целого ряда докладов стремились обобщить деятельность русской литературной эмиграции в отдельных странах. Е.П.Таскина (Москва) рассказала о «поэтической волне русского Харбина» 1930-х гг., О.В.Розинская (Москва) — о русской литературной эмиграции «первой волны» в Польше.

Отмечался участниками конференции вклад зарубежной русистики в освоение культурного наследия русской эмиграции. В докладе В.В.Сорокиной (Москва), в частности, был обобщен опыт изучения литературного зарубежья 1920-х гг. в современной немецкой науке.

Были намечены и наиболее перспективные подходы к проблемам изучения русского зарубежья, в частности, говорилось и о необходимости включения литературы эмиграции как в мировой, так и в русский (классический и современный) контекст. Так, в докладе Р.М.Горюновой (Украина) были рассмотрены общие закономерности в жанровом развитии русской литературы 1920-х гг. и прозы зарубежья. Как произведение, синтезирующее черты русской и европейской культуры, была проанализирована О.Г.Ревзиной (Москва) поэма М.И.Цветаевой «Крысолов».

Многие докладчики рассматривали проблему контекста в русле вопроса о литературных традициях. А.В.Злочевская (Москва) отметила традиции Ф.М.Достоевского в прозе В.В.Набокова, Т.В.Марченко (Москва) -- в творчестве И.С.Шмелева. Истоки религиозно-нравственной концепции романа Е.И.Замятина «Мы» были исследованы В.А.Недзвецким (Москва); по мысли докладчика, они лежат в традициях

художественного воплощения евангельской темы русской классикой XIX века.

В некоторых выступлениях были освещены литературные контакты писателей русской эмиграции (Б.Бялокозович, Польша; доклад «Юзеф Чапский и русские писатели-эмигранты»), а также особенностей их восприятия зарубежной литературы (С.А.Шерлаимова, Москва; доклад «Марина Цветаева и чешская поэзия»).

Творчеству Эллиса (Л.Кобылинского) был посвящен доклад Х.Виллиха (Германия), А.Николева — доклад Б.Косановича (Югославия). В докладах Л.И.Бронской (Ставрополь), И.С.Альберт (Украина) и Е.В.Ивановой (Москва) были исследованы конкретные жанрово-стилевые особенности произведений И.А.Бунина и В.В.Набокова и др.

По материалам конференции предполагается издать сборник статей и сообщений.

Т.П.Буслакова

Редакция «De Visu» просит научные, учебные, литературные организации и общества, музеи и др. информировать о планирующихся и прошедших конференциях, симпозиумах и семинарах, посвященных русской литературе 1890-1930-х гг. Журнал готов разместить ваши объявления и отчеты.

Редакция просит сотрудников изданий, в сферу интересов которых входит русская литература 1890-1930-х гг., присылать эти издания для наших обзоров.

Редакция будет признательна за любые дополнения к нашим книжным, журнальным и газетным обзорам.

Адрес редакции: Москва, 117437, ул. Островитянова, 19-139.

Сергей Максудов
Ахум — шатап

Можно ли писать о литературе без готовности к кошунству?!

М. Золотоносов

Говорят, Хемингуэй
В детстве тоже был еврей.

Евреи, евреи, кругом одни евреи. (Песня)

- Ты, Петров, о чем думаешь?
- О победе над врагом, товарищ лейтенант!
- А ты, Абрамович, о чем?
- О родной коммунистической партии, товарищ лейтенант!
- А ты, Сидоров?
- О бабах, товарищ лейтенант.
- Почему же о бабах?
- А я завсегда о них думаю.

Антисемитский анекдот

В статье* Михаила Золотоносова — остроумной, блестящей, парадоксальной — пропущено, однако, самое главное. Читателям, конечно, интересно узнать не только и не столько то, что имел в виду Корней Иванович, создавая знаменитую «Муху-Цокотуху», но то, почему и как Михаилу Золотоносову удалось истолковать фрейдистские сны знаменитого литературного критика («К тебе я буду прилетать... сны золотые навевать»¹). Мы постараемся исправить это досадное упущение.

Отметим сразу не случайное совпадение прилагательного в приведенной выше цитате с фамилией автора статьи и зададимся вопросом: кто, к кому и зачем прилетает? Как известно, в древнееврейском языке² не было гласных букв и читатель интуитивно (по озарению свыше) подставлял их на вакантные места. Если с учетом этого приема мы взглянем на имя автора, то увидим, что перед нами Мухаил, Мухал, а еще точнее — МУХА. Да, при рождении мальчик получил имя Муха, и с этого момента, а может даже со дня зачатия, как справедливо отмечает Золотоносов, разница невелика³, в подсознании нашего героя зародился эдипов комплекс мести родителям⁴. Первая же детская книжка, а это конечно, оказалась злополучная «Муха-Цокотуха», спровоцировала естественную и закономерную реакцию, которая и дана нам сегодня в виде литературоведческой статьи.

Фамилия автора более определенно раскрывает отмеченную закономерность. Вспомним, что у мухи Чуковского было позолоченное брюхо⁵. Согласитесь, что какая-то не совсем обычная муха привиделась Корнею Ивановичу. Конечно, это не просто муха, а скорее пчела, тем более, что в античной традиции пчелы и мухи не различались. Золотобрюхатая муха-пчела, несущая на базар свое золотое брюхо, полное золотого меда⁶, нашла золотую или позолоченную денежку, понесла ее на базар, а с базара

несет, кроме позолоченного брюха, позолоченный или просто сверкающий, как золотого, пузатый русский самовар. Золотые застежки на мушиных сапожках совершенно точно отметил сам автор статьи⁷. Таким образом, перед нами муха, носящая золото, муха-золотонос.

В Средние века роль носителей золота выполняли еврейские ростовщики и менялы, затем это стало обязанностью банкиров⁸, а сегодня, когда выяснилось, что подлинное золото — это слово⁹, так же, впрочем, как и его обратная составляющая — молчание¹⁰, муха — это носитель золотых слов, литературовед. Конечно, мифы о ношении золота туда и обратно, о переброске золотого запаса по воздуху восходят еще к древнегреческим преданиям о золотом руне¹¹, однако, на русской почве выражение «нести» или «понести золото» приобретает новый и довольно интересный смысл. Кого и, главное, от кого понесла фрейдистская оплодотворенная мушка? На первый вопрос мы практически уже ответили: понесла лепту (дань)¹² золотого тельца, литературный шедевр на страницах литературного журнала. Ответ на второй вопрос не столь однозначен. Комар не мог быть отцом внебрачного ребенка, он слишком благороден и буквально с первых слов предлагает мухе вступить в законный брак («А теперь, душа-девица, на тебе хочу жениться»¹³). Проблемы непорочного зачатия (озарения свыше), гомосексуализма и лесбийской любви, очень интересны сами по себе, но не могут рассматриваться в данном контексте — это увело бы нас слишком далеко в сторону¹⁴. Значит, паук! О, не зря муха боялась замкнутого пространства и его обитателя — мохнатого, чудовищного насильника. Так вот зачем, оказывается, «нашу муху в уголок поволок» грязный паук.

Но кто же, собственно говоря, паук? У него нет крыльев, а значит и свободы передвижения, он привязан паутиной к своему глухому углу, ну конечно, это русский человек¹⁵. Не признавая торговой предприимчивости крылатых (муха нашла денежку на пустом месте, в чистом поле), русский паук хочет выпустить из мухи всю красную кровь в отместку за принесенное под видом золота марксистское учение¹⁶. Жалкие крики мухи — апелляция к сытому равнодушному Западу, который с места не двинется — «пропадай, погибай, именинница»¹⁷.

А кто же комарик? Спасителем безнадежно запутавшейся мухи выступает Израиль — сам еврейский народ. Он маленький («маленький комарик»), он владеет светом истины («маленький фонарик»), он трепещет крыльшками («треплет забот иудейских»¹⁸), он машет саблей (речь может идти о разгроме арабских армий, вооруженных русским оружием)¹⁹. За боем паука и комарика прослеживается и более древняя парадигма: борьба маленького и большого. Легкого и тяжелого. Летучего и заземленного. Светлого и темного. Свободного и подчиненного. Владеющего золотым словом и лишенного такового. Если проследить истоки этой борьбы с самого начала (как сказал поэт: «К кольцецам спущусь и усонюгим, от горячей крови отречусь»²⁰),

* См. 2-е НЛО.

то архетипом столкновения будет вражда насекомых и паукообразных. Если же вернуться к историческим временам, то мы увидим столкновение семитов и индоевропейцев, хазар и славян («И вечный бой — покой нам только снится... лети, лети степная (хазарская) кобылица»)²¹. Кроме замечательной сказки Чуковского, это борьба описана в русских былинах, в которых, как показали современные исследования, вместо *татары* следует читать *хазары*, а злой змей летучий Тугарин был в ранних вариантах — хазарин.

Заканчивается сказка тем, что победитель-комар подводит муху к открытому окошку, предлагая ей не только руку и сердце, но и эмиграцию, свободу передвижения, Запад («В Европу прорубил окно»²²). В карнавальном контексте финала сливаются песенные и фольклорные народные мотивы, которые Михаил Золотоносов, к сожалению, обошел своим вниманием²³.

«Ко-омара муха любила...» затягивает тонкими голосами женский хор обитателей дома творчества писателей, а также жителей Баковки, Внуковки, Суковки, Зуковки, Передельцев тож.

И под эту мелодию Корней Иванович, изгибаясь влево и вправо, растет все выше, выше, выше, поднимаясь головой к самому потолку.

«Комара муха любила, била, била, била, била...» — «Сдох!» — обрушивается из поднебесья на письменный стол, заставленный подарками, Корней Иванович и замирает, закрыв глаза, беспомощно свесив вниз свои огромные руки²⁴.

«Прилетели тут две мухи» — снова тоненько затягивает хор, — «прилетели тут две мухи, взяли комара под руки!»

«Улетел!» — взвизгивает Корней Иванович, выпрямляясь, взлетая подобно воздушному шару под самые облака.

Что за удивительный танец исполняет для нас Корней Чуковский?²⁵ Это танец кобры, загнипоти-зированной ритмической музыкой Змеи. Змея же, как верно заметил Золотоносов, — символ еврейского народа в глазах славян, а может быть и вообще всех индоевропейцев²⁶. Вспомним, как в романе Солженицына «Август Четырнадцатого» еврей Богров извивается по залу, чтобы ужалить Россию в самое сердце, убить Столыпина²⁷. Не случайно описание этого эпизода из романа в статье Лосева (Лифшица) вызвало в свое время столь грандиозный скандал на радиостанции «Свобода»²⁸.

Таким образом, за совершенно безобидным фольклорно-плясовым завершением «Мухи-Цокотухи» звучит мотив новой, предстоящей грандиозной битвы. И вечный бой. Победителей не судят. Так что лети вперед литературно плодотворная, оплодотворенная, золотоносная мушка, трепещи прозрачными крыльшками, преодолевай фрейдистские комплексы — ЛЕТИ.

1. См. Гете «Люди гибнут за металл», а также сноска Михаила Золотоносова (в дальнейшем МЗ) 8, 18, 28 и так далее.

2. См. Библия, Кумранские свитки, Иванов. К дешифровке хеттских алфавитов.

3. МЗ 67.

4. См. Фрейд, Фройд, Сны, С.Булгаков, М.Антонов и пр.

5. К.Чуковский. «Муха-Цокотуха» с рисунками Конашевича.

6. Мед — слово семитское, заимствованное индоевропейцами, как, впрочем, и вино. См. Илич-Свитыч, Топоров, Иванов и Гамкрелидзе.

7. МЗ 9.

8. См. энциклопедии Фрейд, Форд, Резерфорд, Ротшильд, Рабинович, Решевский (золото шахматной мысли), Рокфеллеры старший, средний и младший.

9. См. «Слово о полку Игореве» («Изронил он золотое слово» и пр.)

10. «Потому что молчание золото» — Александр Галич, см. также русские пословицы и поговорки.

11. «Мифы древней греции». Кун и Голосовкер, а так же Лосев, Аверинцев, Иванов, Топоров, Леви-Стросс.

12. Дань, как известно, славяне несли хазарам. Собирающая полевую дань пчела («Пчела за данью полевой») должна будет в конце концов эту дань с лихвой возратить законным владельцам, см. Розанов, Погом.

13. См. Чуковский, а также «Обычаи и обряды народов мира».

14. Интересные сведения об обычае непорочного зачатия у евреев сообщает антисемитская брошюрка «Красные протоколы». См. также Библию. Очевидно, что мотивы гомосексуальной любви у евреев тесно связаны с их бесплодием внутри русской литературы, точно подмеченным Золотоносовым; бесплодием, сопровождающимся при этом необычайно активным участием в самом процессе.

15. «Рожденный ползат — летать не может», сказал о русском народе юдофил Максим Горький, противопоставив ему шуплых, подвижных, летучих еврейчат. И дело тут не только в развернувшейся впоследствии воздушной эмиграции в Израиль, речь идет о глубинной парадигме обеих наций. Плохое о русском народе см. также «Рассказы о русском крестьянстве» того же автора, рассказы Бунина, былины о Святогоре, ушедшем под землю, и об Илье Муромце, 73 года сидевшем на печке, а также сноска МЗ, начиная со второй.

16. Маркс, Ленин, Документы Хельсинкских соглашений.

17. См. Чуковский, Золотоносов.

18. Александр Воронель. Трепет забот иудейских. Тель Авив.

19. Вспомним Шестидневную войну или 96 сирийских самолетов, сбитых одним махом над долиной Беккаа отважными израильскими комарами-истребителями.

20. Осип Манделштам, «Ламарк», собр. соч.

21. Александр Блок, собр. соч.

22. Александр Пушкин, собр. соч.

23. Конечно, молчание Золотоносова по этому вопросу, можно сказать, ключевому, вопросу не случайно. Оно показывает, что здесь или где-то неподалеку зарыта фрейдистская собака.

24. Может возникнуть вопрос: почему муха била комара, разве это в традициях еврейской семьи? Нельзя, конечно, забывать о дурном славянском влиянии, но, главное, речь идет о вечной борьбе мужского и женского начала, о столкновении феминизма и сексизма, матриархата и патриархата. Кстати, современные исследователи отмечают следы матриархата у хазар. Не отсюда ли женственность евреев?

25. Танец Корнея Чуковского не описан Шварцем (см. «Белый волк», сб. «Память» и др. издания). Однако змеевидную природу Корнея Ивановича удивительно точно отразили дореволюционные карикатуристы. Положив рядом на стол серию таких карикатур, мы увидим кадры описанного выше танца.

26. См. Топоров и Иванов «Славянские и антиславянские древности». В мифологии индоевропейцев дубу и Перуну — богу неба, противопоставит змея — бог земли и подземелья.

27. Александр Солженицын. «Август», собр. соч.

28. «Литературный курьер» (США), статья Вадима Белоцерковского и др.

Имажинисты в Литературном музее

Как сообщила газета «Сегодня» (№20 от 28 мая 1993 г.), в Москве в Государственном литературном музее состоялось выступление литературной группы мело («новых») имажинистов. Была зачитана декларация, подписанная А.Кудрявицким, Л.Вагуриной, И.Новицкой и С.Нещеретовым.

По утверждению корреспондента, стихи первых двух членов группы «строятся не на игре со

стилями чужого говорения, да, впрочем, и не на имажинистских традициях 20-х, а на свободном потоке речи, очищенной от стилистики, как подстрочник очищен от оригинальной просодии... Манера как бы сама собою появляется в процессе «черновой обработки» текста — из случайных ассонансов, ритмических повторов и невольных метафор, тщательно фиксируемых. И возводимых в принцип творчества.

Ремесла». О стихах же двух других членов группы корреспондент написал: «Тексты последних двух авторов обсуждать тяжело, ибо они, судя по прочитанному на вечере, занимаются неким серьезным и интеллектуальным, но далеким от искусства делом».

Нам остается лишь доверить-ся корреспонденту, скрывшемуся под инициалами «Б.К.»

По следам наших выступлений

прошли издательства «Северо-Запад» и «Художественная литература». После публикации в нашем «нулевом» номере аннотации на «застывший» двухтомник В.Ходасевича петербургский «Северо-Запад» обратился в «Художественную литературу» с просьбой предоставить подготовленные пленки для издания книги. Была достигнута договоренность о том, что двухтомник выйдет под грифом двух издательств. Однако, радость составителей и комментаторов книги была недолгой. По не проверенным нами сведениям, издание это вряд ли состоится, так как «Художественная литература» запросила за пленки «слишком много».

Надеемся, что судьба других рукописей, проаннотированных в нашем журнале, сложится удачнее. По крайней мере, как нам стало известно, интерес у издателей вызвал и двухтомник статей и воспоминаний об Андрее Платонове, и трехтомник пушкинистики Ходасевича. В настоящее время ведутся переговоры, об итогах которых мы сообщим особо.

«Серебряный век» в Сандунах

К многочисленным московским ресторанам прибавился новый, избравший своим названием дорогое нашему сердцу определение «Серебряный век». Недавно новый ресторан посетил наш внештатный корреспондент Н.Ю.Семенова и поделилась своими впечатлениями. В интерьере ресторана, расположенного в одном из корпусов Сандуновских бань, явственно ориентация на стиль начала века — не модерн, а средней руки купеческих домов. По количеству предлагаемых блюд «Серебряный век» занимает несомненно первое место среди московских ресторанов. «Было много золота, лазури и лепнины», — заключил свой отчет наш корреспондент.

(По телефону)

Наша реклама

Вы едете в Израиль?

ТОЛЬКО У НАС

дешевые экскурсии по всей стране и

ПО БУЛГАКОВСКИМ МЕСТАМ ИЕРУСАЛИМА

Гид — автор передач и многочисленных публикаций,
дипломированный экскурсовод МАРИНА ВОРОБЬЕВА

Телефон в Иерусалиме для записи на экскурсии: 02-830833 TOUR GUIDE

Содержание предыдущих номеров:

№0 за 1992 год:

- И.Г.Эренбург. Статьи 1919 года
- Е.И.Замятин. Письмо А.К.Воронскому
- «Сборник контрреволюционных произведений» Д.Хармса, А.Введенского, И.Бахтерева и др. (из их следственного дела)
- А.Е.Парнис. Вячеслав Иванов и Хлебников
- Н.А.Богомолов. Окультизм и мистика в творчестве Гумилева
- К.М.Поливанов. Марина Цветаева в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго»
- А.Т.Никитаев. Ничего: материалы к истории и библиографии

№1 за 1993 год:

- Ранние опыты Г.О.Винокура
- Р.О.Якобсон. Письмо Г.Г.Шпету
- Б.М.Эйхенбаум. Дневник 1917-1918 гг.
- В.Б.Шкловский. Письма М.Горькому 1917-1923 гг.
- И.Ю.Подгаецкая. Пастернак и Верлен
- А.Ю.Галушкин. Новые материалы к библиографии В.Б.Шкловского

№2 за 1993 год:

- Вокруг гибели Надежды Львовой: неизданные материалы
- Н.А.Бердяев. Письма Андрею Белому
- Инна Андреева. К истории отношений В.Ф.Ходасевича и Муни (С.В.Кисина)
- А.Л.Соболев. «Грядущее» Д.С.Мережковского и З.Н.Гиппиус
- О.С.Фигурнова. Игорь Северянин в Эстонии: материалы к библиографии

№3 за 1993 год:

- Александр Ширявец. Из переписки 1912-1917 гг. с Н.А.Клюевым, С.М.Городецким, В.Ф.Ходасевичем, М.Горьким и др.
- М.Горький и Ф.А.Степун. Переписка

- Ю.М.Каган. О еврейской теме и библейских мотивах у Марины Цветаевой
- В.Г.Сукач. Материалы к библиографии В.В.Розанова

№4 за 1993 год:

- В.Я.Брюсов. Стихотворения 1918-1921 гг.
- Борис Садовской. Кровавая звезда
- Леонид Андреев. Письма Н.К.Рериху
- М.П.Арцыбашев. Письма Борису Савинкову
- К.М.Поливанов. Заметки и материалы к «политической» биографии Бориса Пастернака
- А.Ю.Галушкин. В защиту свободы печати

№5 за 1993 год:

- М.Ф.Ликуардопуло. Письма М.А.Кузмину
- Переписка В.Ф.Ходасевича и М.О.Гершензона
- М.А.Волошин. Письма С.Ф.Платонову
- М.Л.Гаспаров. Стих и смысл
- В.В.Попов, Б.Я.Фрезинский. Материалы к библиографии И.Г.Эренбурга

№6 за 1993 год:

- В.И.Лурье. Воспоминания о Гумилеве
- К.К.Вагинов. Поэма. Рецензии
- Неизвестное стихотворение М.А.Кузмина
- Леонид Липавский. Сны
- Л.Ф.Кацис. Словарь «Стихов о неизвестном солдате»
- С.Н.Доценко. Об одном примере анаграмматического построения текста: Вяч. Иванов.
- К.М.Поливанов. Машинописные альманахи «Гиперборей» и «Мнемозина»

№7 за 1993 год:

- Беседа о пролетарской культуре в Вольфиле
- А.А.Богданов. Пять недель в ГПУ
- Б.Янгфельдт. «Крикогубый Заратустра»
- А.В.Валуженич. О.М.Брик: Материалы к библиографии

В каждом номере —
текущая библиография по тематике «DV»,
хроника научной жизни

По вопросам подписки за рубежом
просим обращаться к нашему представителю:

Tatiana Tchernova,
P.O. BOX 1641, New-York, NY 10159-1641 USA

В 1993 г. "De Visu"

предполагает опубликовать:

Неизвестные стихотворения Ф.Коган, С.Укше; дневники, письма и статьи Эллиса; письма А.Кондратьева Б.Садовскому; письма Б.Божнева, М.Волошина, Г.Газданова, М.Горького, М.Гершензона, Л.Добычина, Е.Замятина, В.Комаровского, Ю.Никольского, С.Парнок, И.Сельвинского, Ю.Тынянова, В.Ходасевича, М.Цветаевой, В.Шкловского, И.Шмелева, И.Эренбурга, Б.Эйхенбаума, В.Яновского; воспоминания О.Дымова, А.Кондратьева, Е.Полонской; дневники Б.Поплавского, М.Пришвина; статьи и выступления И.Анненского, Вяч.Иванова, А.Куприна, М.Осоргина, Ф.Сологуба, А.Толстого, Р.Якобсона; стенограммы заседаний «Вольфилов».

Статьи о творчестве В.Андреева, И.Аксенова, А.Ахматовой, М.Булгакова, К.Вагинова, Л.Добычина, Г.Иванова, Н.Клюева, Д.Кнута, А.Крученых, О.Мандельштама, В.Маяковского, Д.Мережковского, В.Набокова, Ю.Олеши, Б.Пастернака, А.Платонова, А.Ремизова, В.Розанова, Ф.Сологуба, Д.Хармса, В.Хлебникова, В.Ходасевича, М.Цветаевой, К.Чуковского, Г.Шенгели.

Материалы к биографии Б.Пильняка.

Новые материалы к библиографии О.Мандельштама; материалы к библиографии М.Арцыбашева, Г.Газданова, С.Городецкого, Е.Замятина, Л.Лунца, В.Розанова, И.Северянина, А.Тинякова; указатели содержания журналов и однодневных газет 1920-х гг.; «Свободный стих в критике 1900-1930-х гг.»; «Русские поэты XX века: Дополнения к библиографии А.Тарасенкова».

Материалы к истории и библиографии литературных групп «Серрапионовы братья», «акоитисты», «люминисты», «презантисты».

Материалы к истории советской цензуры и раннего «самиздата».

Летопись литературной жизни Москвы и Петрограда 1918 года.

В каждом номере — тематическая текущая библиография (книги, журналы, газеты), хроника научной жизни (в ближайших номерах отчеты о конференциях в Будапеште, Варшаве, Владимире, Вытегре, Коктебеле, Москве, Перми, Петрозаводске, Таллинне, Тарту и др.)

В декабре 1993 г. предполагается выпустить №13(14), в который войдут: указатель содержания вышедших номеров, именной указатель, библиографические справки об авторах «DV».